



ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Мэйо Э. Социальные проблемы
индустриальной цивилизации

**Александрова А. А., Русакова М. М.,
Ткач С.** Ценностные ориентации и стратегии
поиска работы жителями Санкт-Петербурга в
условиях кризиса COVID-19

Колотовкина А. С. Институты прошлого:
потенциал организационной теории в
исследованиях коллективной памяти

Grinchenko V. Entrepreneurial Ecosystem:
Comparative Analysis of Petrozavodsk and Pskov

**Экономическая
социология**
Т. 25. № 5
Ноябрь 2024

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неоинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html



**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 25. No 5.
November 2024

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Экономическая
социология
Т. 25. № 5.
Ноябрь 2024

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года



НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный
секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

НГУ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Козырева
Полина Михайловна

НИУ ВШЭ (Россия)

Косалс
Леонид Янович

Университет Торонто (Канада)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Тихонова
Наталья Евгеньевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

**Journal of
Economic Sociology**

Vol. 25. No 5.
November 2024

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Journal of Economic
Sociology is a bimonthly
journal released in five
issues in annual volume

Establishers

- HSE University
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:

Vadim Radaev (HSE University, Russia)

Editor:

Tatyana Sokolova (Russia)

Design and Layout:

Maria Mishina (Russia)

Proofreader:

Nadezda Andrianova (HSE University, Russia)

Managing Editor:

Zoya Kotelnikova (HSE University, Russia)

Editorial Staff:

Natalia Conroy (HSE University, Russia)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova

Institute of Economics and Industrial
Engineering of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexander Chepurenko

HSE University (Russia)

Vladimir Gimpelson

HSE University (Russia)

Lyudmila Khakhulina

(Russia)

Leonid Kosals

University of Toronto (Canada)

Polina Kozyreva

HSE University (Russia)

Tatyana Maleva

Institute of Social Analysis and Forecasting,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration (Russia)

Lilia Ovcharova

HSE University (Russia)

Vadim Radaev (Editor-in-Chief)

HSE University (Russia)

Natalya Tikhonova

HSE University (Russia)

Yuriy Veselov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vadim Volkov

European University at Saint Petersburg
(Russia)



NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Новые переводы

Э. Мэйо

Социальные проблемы индустриальной цивилизации 11

Расширение границ

А. А. Александрова, М. М. Русакова, С. Ткач

Ценностные ориентации и стратегии поиска работы жителями Санкт-Петербурга в условиях кризиса COVID-19..... 33

А. А. Хлезов, А. Ю. Ивакина, Д. Е. Маевский, А. Р. Смаль

Богатство, призвание и равноправие: восприятие религиозных социально-экономических концепций баптистов и православных..... 56

Профессиональные обзоры

А. С. Колотовкина

Институты прошлого: потенциал организационной теории в исследованиях коллективной памяти..... 73

Дискуссии

Д. Б. Литвинцев

Жилищные жалобы, институциональные аномалии и волокита: новые аспекты старой дискуссии..... 98

Новые книги

Е. С. Белявская

«Поговорим про это?»: размышления над книгой А. Джонс

«Веб-камминг: деньги, власть и удовольствие в индустрии секс-работы»

Рецензия на книгу: Jones A. 2020. *Camming: Money, Power and Pleasure in the Sex Work Industry*. New York: New York University Press. 332 pp..... 112

Тексты на английском языке

New Texts

V. Grinchenko

Entrepreneurial Ecosystem:

Comparative Analysis of Petrozavodsk and Pskov..... 124

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*) 7

New Translations

Elton Mayo

The Social Problems of an Industrial Civilisation (excerpt)..... 11

Beyond Borders

Anastasia Alexandrova, Maya Rusakova, Sergey Tkach

Value Orientations and Job Search Strategies of St. Petersburg Residents
in the Context of the COVID-19 Crisis 33

Alexander Khlevov, Alina Ivakina, Dmitry Mayevsky, Alexander Smal

Wealth, Calling, and Equality: The Perception of Religious
Socio-Economic Concepts among Baptists and Orthodox Christians..... 56

Professional Reviews

Anna Kolotovkina

Institutions of the Past: The Potential of Organizational
Theory in Collective Memory Studies..... 73

Discussions

Denis Litvintsev

Housing Complaints, Institutional Anomalies,
and Red Tape: New Aspects of an Old Debate..... 98

New Books

Elena Belyavskaya

Shall We Talk about This? Reflections on Angela Jones's Book 'Camming: Money,
Power, and Pleasure in the Sex Work Industry'

Book Review: Jones A. (2020) *Camming: Money, Power and Pleasure
in the Sex Work Industry*, New York: New York University Press. 332 pp..... 112

Texts in English

New Texts

Valeriya Grinchenko

Entrepreneurial Ecosystem:
Comparative Analysis of Petrozavodsk and Pskov..... 124

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА



Уважаемые читатели,

предлагаем вашему вниманию новый номер нашего журнала.

Тексты на русском языке

В рубрике «Новые переводы» мы знакомим вас с фрагментом книги «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» («The Social Problems of an Industrial Civilization») знаменитого американского исследователя Элтона Мэйо. Именно с его именем ассоциируется концепция «человеческих отношений» (хотя в исходной точке авторами были У. Диксон и Ф. Ротлисбергер). В книге предлагаются интерпретация важнейших проблем индустриальной эпохи и воззрения Мэйо на роль социальных наук в их решении. На первый план автор выдвигает проблему обеспечения группового сотрудничества в основных отраслях промышленности и обобщает опыт, полученный в области индустриальных исследований, предлагает некоторые предварительные выводы о важной роли межличностных отношений в промышленности. Мы публикуем первую главу книги — «Обратная сторона прогресса» («The Seamy Side of Progress»), где автор уделяет пристальное внимание дисбалансу, сложившемуся в системных исследованиях. Этот дисбаланс выражается в особом значении, которое придаётся техническому и материальному аспектам, и в отказе от рассмотрения человеческой и социальной сфер. Публикуется с разрешения Издательства Института Гайдара.

В рубрике «Расширение границ» свою статью представляют А. А. Александрова, кандидат социологических наук М. М. Русакова и С. Ткач (все из Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета) на тему «Ценностные ориентации и стратегии поиска работы жителями Санкт-Петербурга в условиях кризиса COVID-19». Эмпирическая база данных включала анкеты 1857 человек, зарегистрировавшихся в качестве безработных в Службе занятости Санкт-Петербурга. Показано, что преобладание ценностных ориентаций оптимизма (первый кластер), так же как и ценностных ориентаций пессимизма (второй кластер), делает людей менее активными в использовании мер поддержки на рынке труда и снижает их готовность пройти переобучение. Преобладание ценностных установок оптимизма в совокупности с опорой на себя в то же время способствует большей кооперации с центрами занятости.

Доктор философских наук А. А. Хлевов и студенты А. Ю. Ивакина, Д. Е. Маевский и А. Р. Смаль (все из Севастопольского государственного университета) публикуют материал «Богатство, призвание и равноправие: восприятие религиозных социально-экономических концепций баптистов и православных». В статье сравниваются социально-экономические установки православных и протестантов Севастополя. Среди установок — отношение к богатству, призванию и равноправию, продиктованное концепциями Русской православной церкви (РПЦ) и движения Евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). Исследование опирается на формальную социологию Г. Зиммеля. Результаты основаны на данных, полученных во время 33 структурированных интервью с представителями двух конфессий — православными и протестантами (Евангельские христиане-баптисты), чьи установки соотнесены с культурными особенностями российского общества и социально-экономическими концепциями обеих церквей. публикуют материалы исследования.

В рубрику «Профессиональные обзоры» вошёл материал А. С. Колотовкиной (аспирантка факультета социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге) «Институты прошлого: потенциал организационной теории в исследованиях коллективной памяти». Статья посвящена потенциалу организационной теории в исследованиях памяти (*memory studies*). Раскрываются существующие подходы к исследованиям сюжетов на стыке исторической памяти и организаций, в том числе — институциональный подход и организационные исследования.

В рубрике «Дискуссии» публикуется статья кандидата социологических наук Д. Б. Литвинцева (доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета) «Жилищные жалобы, институциональные аномалии и волокита: новые аспекты старой дискуссии». Статья развивает тему дискуссии о дисфункциональности института жалоб в сфере ЖКХ в России, начало которой было положено в 2022–2023 гг. серией статей Д. Б. Литвинцева и О. Э. Бессоновой в нашем журнале. В новой статье затрагиваются такие вопросы, как необходимость расширения строго институционального подхода, ограниченность количественных методов в исследовании института жалоб, проблема институциональных аномалий в функционировании института жалоб, а также обсуждается феномен волокиты. Особое внимание уделяется проблеме анализа электронных жалоб, поданных через различные интернет-порталы, и невозможности в полной мере избавиться от институциональных злоупотреблений.

Рубрика «Новые книги» представлена рецензией на книгу Анджелы Джонс «Веб-камминг: деньги, власть и удовольствие в индустрии секс-работы» (Jones A. 2020. *Camming: Money, Power and Pleasure in the Sex Work Industry*. New York: New York University Press). Книга исследует социальные последствия цифровизации секс-индустрии, где онлайн-платформы предлагают новые возможности занятости для студентов, домохозяек, людей с ограничениями по здоровью и других работников, не находящих для себя места на традиционном рынке труда. Рецензия выделяет три ключевых аспекта: нормализацию коммерциализации секса, изменение представлений о норме и патологии в сфере сексуальности, био-политику и контроль над телом. Рецензию подготовила кандидат социологических наук Е. С. Белявская (ЛЭСИ НИУ ВШЭ).

Тексты на английском языке

Номер завершается рубрикой «Новые тексты» и статьёй В. В. Гринченко (UX-исследователь, АО ПФ «СКБ КОНТУР», Екатеринбург) «Предпринимательская экосистема: сравнительный анализ Петрозаводска и Пскова». В данной работе, как следует из её названия, проведён сравнительный анализ медиарепрезентации предпринимательских экосистем двух российских городов: Петрозаводска и Пскова, а также проявления и взаимодействия различных типов атрибутов предпринимательских экосистем в их нарративах. Используя корпусный дискурс-анализ и тематическое моделирование с помощью LDA, автор рассматривает частоты встречаемости слов и моделируемых топиков, общих и специфических для каждого населённого пункта, а также анализирует совместную встречаемость тем в дискурсе каждого города. Полученные результаты подчёркивают различия и сходства в медийной репрезентации предпринимательских экосистем.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

Let us introduce of a new journal issue.

We present a Russian translation of a chapter from Professor Elton Mayo's book, *The Social Problems of an Industrial Civilization*. This work addresses critical issues of the industrial era through Mayo's insights on the role of social sciences in tackling these challenges. A central theme is the enhancement of group cooperation within key industrial sectors. The author synthesizes findings from industrial research and proposes preliminary conclusions regarding the essential role of interpersonal relationships in industry. We feature the first chapter titled “The Seamy Side of Progress,” wherein Professor Mayo critically analyzes the imbalance in systemic research. This imbalance is characterized by an excessive focus on technical and material aspects, which often leads to the neglect of human and social dimensions in favor of unsystematic evaluations. Published with a kind permission of the Gaidar Institute Publishing House.

Anastasia Alexandrova, Dr. Maya Rusakova, Sergey Tkach (all from the Center for Applied Sociology at St. Petersburg State University) present their study ‘Value Orientations and Job Search Strategies of St. Petersburg Residents in the Context of the COVID-19 Crisis.’ This research is based on an empirical database that includes questionnaires from 1,857 individuals registered as unemployed with the St. Petersburg Employment Service. It is shown that the prevalence of value orientations—specifically, optimism (the first cluster) and pessimism (the second cluster)—negatively impacts individuals' proactivity in using labor market support measures and diminishes their willingness to pursue retraining opportunities. The prevalence of value attitudes of optimism in combination with reliance on themselves, at the same time, contributes to greater cooperation with employment centers.

Professor Alexander Khlevov, Alina Ivakina, Dmitry Mayevsky, Alexander Smal (all from Sevastopol State University) present their study ‘Wealth, Calling, and Equality: The Perception of Religious Socio-Economic Concepts among Baptists and Orthodox Christians.’ This article conducts a comparative analysis of the socio-economic attitudes of Orthodox Christians and Protestants in the city of Sevastopol. It examines attitudes towards wealth, vocation, and equality as shaped by the doctrines of the Russian Orthodox Church and the Evangelical Christian Baptist movement. The research is grounded in the formal sociology of Georg Simmel. The study involved thirty-three structured interviews with representatives from both faiths: Orthodox Christians and Protestants (Evangelical Christians-Baptists). The findings reveal the main socio-economic attitudes of Orthodox and Baptists, which were correlated with the cultural characteristics of Russian society as well as the socio-economic concepts espoused by both churches.

Anna Kolotovkina (PhD student at the Faculty of Sociology of the European University in St. Petersburg) presents an analytical review ‘Institutions of the Past: The Potential of Organizational Theory in Collective Memory Studies.’ This article explores the potential of organizational theory in memory studies. It highlights existing approaches that focus on the intersection of historical memory and organizations, including both the institutional approach in memory studies and organizational memory studies (OMS).

Dr. Denis Litvintsev (Associate Professor of the Department of Management, Novosibirsk State Technical University) presents a paper ‘Housing Complaints, Institutional Anomalies, and Red Tape: New Aspects of an Old Debate.’ This article expands on the discussion regarding the dysfunctionality of the complaints institution within the housing and communal services sector in Russia, a dialogue initiated in 2022–2023 through a series of publications by D. B. Litvintsev and O. E. Bessonova in *the Journal of Economic Sociology*. The paper em-

phasizes the necessity of broadening the strictly institutional approach to complaints, highlighting the limitations of quantitative methods in studying this institution. It addresses institutional anomalies in functioning of the complaints system and explores the issue of red tape. Notably, it focuses on analyzing electronic complaints submitted through various online portals and underscores the persistent difficulties in eliminating institutional abuses within this framework.

Dr. Elena Belyavskaya (Senior Research Fellow, LSES, HSE University) reviews Angela Jones's book *Camming: Money, Power, and Pleasure in the Sex Work Industry* (2020). Jones's book delves into the social impacts of digital transformation within the sex industry, where online platforms have created new employment opportunities for diverse groups such as students, homemakers, individuals with health limitations, and others, often displaced from traditional labor markets. The review emphasizes three key aspects: normalization of sex work's commercialization, the transformation of norms and pathologies within sexuality, influenced by economic, social, and political dynamics, biopolitics and bodily autonomy.

Valeriya Grinchenko (UX researcher, JSC PF 'SKB KONTUR', Yekaterinburg) submits a study 'Entrepreneurial Ecosystem: Comparative Analysis of Petrozavodsk and Pskov'. This paper conducts a comparative analysis of the media representation of entrepreneurial ecosystems in the two Russian cities of Petrozavodsk and Pskov, as well as manifestation and interaction of different types of entrepreneurial ecosystems' attributes in their narratives. Using corpus-assisted discourse analysis and thematic modeling using LDA, the research examines the frequencies of words and modeled topics, common and specific to each locality, and analyzes topics co-occurrence in each city discourse. The findings highlight differences and similarities in the media representation of entrepreneurial ecosystems.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Э. Мэйо

Социальные проблемы индустриальной цивилизации



МЭЙО Элтон (1880–1949) — американский психолог и политолог, а также исследователь индустриальных проблем.

Источник: Мэйо Э. (готовится к изданию) Социальные проблемы индустриальной цивилизации. С приложением, посвящённым политическим проблемам. М.: Издательство Института Гайдара.

Публикуется с разрешения Издательства Института Гайдара.

Во время работы над книгой «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» («The Social Problems of an Industrial Civilization») Элтон Мэйо (1880–1949) занимал должность профессора индустриальных исследований в Гарвардском университете; его научные труды в области индустриальной социологии оказали заметное влияние на развитие данной научной области. В книге предлагается интерпретация важнейших проблем индустриальной эпохи на фоне воззрений Мэйо на роль социальных наук в их решении. На первый план автор выдвигает проблему обеспечения группового сотрудничества в основных отраслях промышленности и обобщает опыт, полученный в области индустриальных исследований, предлагает некоторые предварительные выводы о важной роли межличностных отношений в промышленности.

Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу книги — «Обратная сторона прогресса» («The Seamy Side of Progress»), в которой профессор Мэйо уделяет пристальное внимание дисбалансу, сложившемуся в системных исследованиях. Этот дисбаланс выражается в особом значении, которое придаётся техническому и материальному аспектам, и в отказе от рассмотрения человеческой и социальной сфер в пользу бессистемных оценок.

Ключевые слова: индустриальная социология; технологический прогресс; социальные и межличностные отношения; социальная дезорганизация; технические и социальные навыки.

Глава 1. Обратная сторона прогресса

I

Викторианцы были безгранично уверены в реальности и благотворности прогресса для всего человечества. В 1890-х гг. в Англии была издана небольшая книга под названием «Девятнадцатый век» из серии «Школьная хрестоматия». Автор с гордостью рассказывал о победах человека над обстоятельствами, подразумевая, что люди становятся хозяевами своей судьбы. Происходящее ныне, 50 лет спустя, приобрело характер греческой трагедии в невиданных доселе масштабах. Едва заметные успехи породили в человеке беспричинную самонадеянность — ὑβρις (гибрис) (др.-греч. «дерзость»), что навлекло на него гнев богов. Со времени публикации «Девятнадцатого века» прошло не больше трёх десятилетий, как благие намерения человека, его грандиозные планы превратились в хаос, его величественные здания — в пыль и щебень. И сделал это сам человек;

достижениями в науке он собирался достичь совершенства, а пришёл в основном к разрушениям, запустению, нищете.

Впрочем, были современники, видевшие обратную сторону этого прогресса, самую его изнанку. Тут и там слышались художественные протесты, на которые мало кто обращал внимание. С одним из самых энергичных утверждений выступил г-н Г. Дж. Уэллс в своём романе «Новый Макиавелли». Вот как он описывал «достижения» прогресса в городке Бромстед (вероятно, писатель имел в виду Бромли в графстве Кент): «Весь Бромстед, каким я его помню и видел в последний раз — это было год назад, — представляет собой унылое бесполезное бурление человеческой деятельности, огромное скопление бесполезностей. Он так же не хаотичен, как и раньше; улицы по-прежнему ведут куда-то в пустыри и оканчиваются тупиками; различные предприятия “расставлены” в беспорядке и безнадежно исключают друг друга; неустройство только усилилось. Претенциозные виллы соседствуют с трущобами. Задние двери и чуланы жалких домишек выходят на железную дорогу, а на дворах без всяких церемоний развешивают рваное белье. Проезжая мимо, я каждый раз замечаю, что у путей появляется всё больше щитов с рекламой пилюль и солений, тонизирующих средств, приправ и тому подобной заботы, без которой никак не обойтись людям, лишившимся природного здоровья и аппетита».

Далее Уэллс характеризует переход когда-то приятного городка, раскинувшегося среди полей, к трущобам и хаосу: «Быть может, кому-то удалось убедить себя, что всё это было ничем иным, как заменой старого покоя, старого равновесия новым порядком. Только, на мой взгляд, обострённый замечаниями отца, во всём этом не было ни малейшего порядка. Мы стали свидетелями целого ряда беспорядочных новых начинаний, каждое из которых превосходило по размаху и разрушительности предыдущие, и ни одно из них не дало ничего цельного, доделанного. Каждое оставляло за собой в наследство другому разные продукты — дома, людей или что-то ещё. Нечто вроде стремительного прогресса; перемены, вышедшие из-под контроля, происходившие необычайно быстро и не ведшие ни к какой определённой цели».

Легко представить, что те же самые мысли, обусловленные схожим образом рефлексивного мышления, мелькают в голове пассажира поезда, идущего меж холмов и через леса с чистыми ручьями в Питтсбург или Филадельфию. Эти мысли усиливаются при виде мужчин странного вида, которых в этой великой стране можно встретить только в поездах или гостиницах. Каждый из них катает во рту сигару и без умолку говорит и говорит о долларах. Эти мужчины почему-то везде держатся вместе. На взгляд художника, в викторианском прогрессе явно что-то было не так, и это что-то сохраняется в наши дни. Как будто ожидания прогресса связаны не с самим человеком, а с его материальным окружением, телесным комфортом, за что небесные божества требуют заплатить потрясениями, беспорядками, хаосом и, наконец, разрушительными войнами.

Другой художник, которому довелось побывать премьер-министром Англии, едва ли не пророчествовал: «Искусства забыты, коммерция уничтожена, литература пребывает в разрозненности, истреблены целые народы, а европеец разглагольствует о прогрессе, поскольку он, изобретательно применив некоторые научные навыки, создал общество, ошибочно принявшее комфорт за цивилизацию» [Disraeli 1912: 17].

Впрочем, обратная сторона прогресса видна не только художникам. Оглядываясь на недавнюю историю, приходится признать, что, если вести счёт с 1890-х гг., в каждом следующем десятилетии был хотя бы один здравый наблюдатель, предупреждавший общество о его неспособности изучить человека и влияние на него этого самого прогресса. Но такие предупреждения, как и пророчества Кассандры, остались без внимания, и только произошедшая трагедия, а на самом деле катастрофа, заставила нас всмотреться в реалии человеческой жизни.

Был такой французский инженер Фредерик Ле Пле, который в начале XIX века благодаря своей профессиональной деятельности объездил всю Европу вдоль и поперёк. Ещё в 1829 г. он высказал сомнение в том, что быстрое техническое и индустриальное развитие было в целом полезно для европейских сообществ, в которых ему довелось побывать. Помня об этом, Ле Пле на протяжении 25 лет внимательно наблюдал за условиями жизни (в широком смысле) различных групп рабочих, с которыми он был когда-то связан. Чего он только не видел на просторах от предгорий Восточной Европы до Атлантического побережья Франции! В 1855–1879 гг. Ле Пле опубликовал в шести томах результаты своих наблюдений. То обстоятельство, что эти книги никогда не переводились на английский язык, лишнее свидетельство нашего постоянного пренебрежения человеческими и социальными проблемами; в наши дни они известны, вероятно, только академическим исследователям общества, едва ли способным оценить практическую важность трудов Ле Пле [Disraeli 1912]¹.

Согласно выводу Ле Пле, в более простых общинах, главным занятием членов которых является земледелие, рыболовство или иной основной род деятельности, поддерживается устойчивый социальный порядок, а высокоразвитые индустриальные центры утратили способность к этому. Каждый индивидуальный член более простых общин имеет правильное представление о практикуемых видах хозяйственной деятельности и социальных функциях, а также в большей или меньшей степени принимает в них участие. Каждый отдельный человек связан с каждым социальным событием семейными и родственными узами (реальными или фиктивными); на высоком уровне находится и его способность к кооперации. Дело не только в том, что общество принуждает к этому индивида; напротив, преследуя любые практические цели, каждый человек не отличается от других ни в отношении социальных норм, ни своими стремлениями. Каждый, кто входит в группу, участвует в различных видах социальной деятельности, потому что это и есть его главное желание.

Что касается современного индустриального общества, то Ле Пле приходит к прямо противоположному выводу. Он заключает, что такие сообщества характеризуются высокой степенью социальной дезорганизации: власть социальных норм, основанная на авторитете, игнорируется, родственные узы разорваны и никого уже не связывают, способности к поддержанию мира и стабильности ослабли. По мнению Ле Пле, эти сообщества объединяют несчастных людей; стремление к переменам — «новизне» — превратилось чуть ли не в единственную страсть, что само по себе ведёт к дальнейшей дезорганизации. Как считает Ле Пле, исключительный характер индустриального сообщества обуславливает широкую социальную дезорганизацию, когда отдельные люди и группы не способны должным образом общаться друг с другом, что влечёт за собой провал спонтанной и успешной кооперации, со-деятельности. Эти наблюдения были сделаны квалифицированным инженером, компетентным знатоком своего дела. Однако его предупреждения остались без внимания не только в родной Франции, но и во всех остальных индустриальных странах.

Интересно, что в конце XIX века похожие наблюдения сделал Эмиль Дюркгейм, основатель французской школы социологии. В исследовании самоубийств, опубликованном в 1897 г., он показал, что в тех частях Франции, где быстро развивалась техническая промышленность, возникала опасная социальная разобщённость, отрицательно влиявшая на вероятность любого индивидуального или группового сотрудничества. Как утверждал Дюркгейм, разница между современным технически развитым центром и примитивной упорядоченной общиной состоит в том, что в малой общине интересы отдельного человека в полном соответствии с его сильным желанием подчинены интересам группы. Отдельный член этого примитивного общества уже с детства и юности понимает, какую функцию он будет выполнять для группы, став взрослым. Это предвидение регулирует действия и мышление подростка и завершается переходом взрослого человека к выполнению коммунальной функции, что вызывает у него чувство

¹ См. развитие этой точки зрения в кн.: [Donham 1944].

удовлетворения. Он знает, что его деятельность востребована обществом и необходима для дальнейшей жизни. Этот человек на протяжении всей своей жизни *solidaire* (фр. «солидарен») с группой.

Быстрое развитие науки и промышленности в XIX веке привело к тому, что отдельные личности более не отождествляли себя с группой и не испытывали чувство удовлетворения от своего труда. Дюркгейм развивает это положение более подробно: индивид уже не *solidaire* с географической местностью и с проживающими на ней людьми. Он уходит из семьи ради учёбы в школе и получения образования. Неважно, будет ли это связано с географическим перемещением или нет; существенное современное новшество заключается в том, что семейные связи ослабевают и чаще всего не замещаются любыми другими новыми или развивающимися групповыми отношениями. Повышение уровня, стандартов общего образования в целом представляет собой замечательное достижение. Но какой ценой оно даётся? Принесение в жертву личных и групповых отношений ставит под сомнение ценность более высокого уровня образования.

Как указывает Дюркгейм, за этим первым разрывом обычно следует другой: чтобы найти работу, отдельный человек вынужден вновь отказаться от развития групповых связей. Если на первых порах такие поиски оканчиваются неудачей, социальный разрыв увеличивается. В пределе мы можем говорить об индивидах, утративших всякое чувство социальных отношений или обязательств — меланхоликах, самоубийцах, «одиноких волках» или преступниках. Даже тогда, когда поиски групповых отношений увенчались успехом — к счастью, так происходит в большинстве случаев, хотя количество этих благоприятных исходов уменьшается, — индивид не обладает опытом непосредственного понимания природы социальных отношений. Вследствие этого группа, членом которой он теперь является, характеризуется более низким уровнем единства и обязательств по достижению общей цели, чем простая примитивная группа.

Таким образом, в современном индустриальном обществе мы обнаруживаем два симптома социальной дезорганизации.

Во-первых, увеличивается количество несчастных людей. Из-за необходимости самопринуждения, не имея непосредственных или реальных социальных обязанностей, человек становится жертвой горестных и навязчивых личных забот. Давным-давно епископ Джозеф Батлер сказал: «Человек может обладать всем наличествующим в мире себялюбием и оставаться несчастным».

Во-вторых, ещё один симптом дезорганизации в современном индустриальном обществе связан с организацией групп на уровне более низком, чем примитивный, о чём я упоминал выше. К сожалению, характеристической чертой известных нам индустриальных обществ является отсутствие у формирующихся групп искренней заинтересованности в кооперации с другими группами. Более того, их установки — это настороженность или враждебность. И вот на этом пути общество погружается в состояние застоя, важной чертой которого является беспорядочная борьба влиятельных групп, держав, образующих блоки, что, как утверждает С. Кассон, предвещает приближение катастрофы [Casson 1937].

В последней части книги «Самоубийство» Дюркгейм признаёт, что последовательное создание более крупных экономических единиц слиянием более мелких позволило цивилизации повысить уровень материального комфорта для граждан. Однако, вслед за Ле Пле, Дюркгейм напоминает о компенсирующем недостатке: в жизни большинства граждан экономический прогресс шёл рука об руку с разрушением их индивидуальности. «В действительности наше поступательное развитие характеризуется тем, что оно последовательно разрушило все сложившиеся социальные контексты. Они были один за другим искоренены либо медленным ростовщичеством времени, либо насильственными революциями таким образом, что их было нечем заменить» [Durkheim 1930: 446]. Перед нами чёткая и ясная фор-

мулировка проблемы, с которой столкнулся цивилизованный мир: быстрое промышленное, механическое, физико-химическое поступательное развитие происходит с такой высокой скоростью, что разрушает все сложившиеся в прошлом социальные и личные отношения. При этом оно не предлагает ни организации, способной возместить утраченное, ни изучения актуальных социальных или личных отношений, что, возможно, позволило бы нам с пониманием и спокойствием встретить период быстрых перемен. По мнению Дюркгейма, Великая французская революция уничтожила последние следы того, что он называет вторичной организацией общества, то есть те эффективные методы повседневного сотрудничества, от которых в прошлом в гораздо большей степени, чем от любого политического органа, зависело выживание общества. Дюркгейм указывает, что в процессе разрушения основ французского общества уцелел единственный фактор коллективной организации — политическое государство. По самой природе вещей, пишет Дюркгейм, поскольку общественная жизнь должна быть организована тем или иным способом, проявляется стремление государства вобрать в себя всю организационную деятельность общественного характера. Однако государство не способно эффективно организовать глубоко личную повседневную жизнь своих граждан. Оно географически удалено от большинства людей, и его деятельность должна быть ограничена чем-то вроде общих правил. Живая реальность активного тесного сотрудничества между людьми навсегда должна быть избавлена от политического контроля. Следовательно, современное индустриальное общество всегда движется к неэффективной государственной власти, основанной на авторитете, сталкивающейся с «разупорядоченными пылинками индивидов» [Durkheim 1930: 448]. Мы ещё вернёмся к этой теме в главе 2.

Позвольте напомнить, что ни шесть томов Ле Пле, ни книга Дюркгейма о самоубийстве не были переведены на английский язык. Предупреждения этих мыслителей были оставлены без внимания, ведь их выводы слишком далеки от безыскусного изобилия физико-химических и технических разработок. Однако если мы оглянемся на цивилизованный мир после рокового 1939 г., едва ли кто-нибудь из нас скажет, что упомянутое выше отрицание было разумным. Естественно, что авторы этих более ранних исследований с грустью оглядываются на жизнь более простых сообществ; как правило, они неизбежно приходят к заключению, что единственная возможность восстановления спонтанности кооперации заключается в восстановлении традиционного. Нельзя в наши дни встать на этот путь и идти по нему, невозможно взять и просто возвратиться к простоте.

Данное утверждение отнюдь не умаляет ценности наблюдений Ле Пле или Дюркгейма. Важное значение этих исследований обусловлено тем, что мы чётко и ясно видим: в индустриальном обществе недопустимо пускать сотрудничество на самотёк — и в политической, и в промышленной единице пренебрежение этим правилом ведёт к разрушениям и катастрофам. Исторически и традиционно наши отцы трудились ради общественной кооперации и добились своей цели. Это верно и в отношении любого примитивного общества [Roethlisberger 1942]. Но вследствие удивительного научного и материального прогресса, продолжавшегося, по крайней мере, столетие, мы отказались от этих усилий (честно говоря, непреднамеренно) и теперь пожинаем плоды.

На любом уровне культуры каждой социальной группе придётся столкнуться и чётко обозначить две постоянные и повторяющиеся проблемы администрирования. Необходимо будет обеспечить индивидам и группам (1) удовлетворение материальных и экономических потребностей и (2) поддержание спонтанной кооперации в организации в целом.

Все наши административные методы направлены на достижение материальной эффективности; нет ни одного метода, который был бы нацелен на поддержание кооперации. Удивительные технические успехи этих военных лет подтверждают, что мы — наши инженеры — действительно знаем, как организовать материально эффективное производство. В то же время проблемы абсентеизма, текучести кадров, забастовок без санкции профсоюзов (дикие стачки) показывают, что мы не умеем обеспечивать

спонтанность кооперации, то есть командной работы. В самом деле, если бы не вынужденная чрезвычайная ситуация войны и личная заинтересованность в победе каждого рядового рабочего, технические специалисты едва ли добились бы очевидного для всех успеха. Теперь, когда ситуация далека от чрезвычайной, перспективы продолжения кооперации не так хороши. В настоящее время нет ни одного деятельного администратора, который не опасался бы, что мир может увидеть возвращение социального хаоса.

В наши дни решение проблемы кооперации, которая будет рассматриваться далее, является гораздо более сложной задачей, чем она была в простой или примитивной общине. Очевидно, что проблему невозможно решить, не принимая во внимание её существование. Степень изменений из года в год или даже из века в век в простом обществе относительно невелика, поэтому традиционные методы доведены до высокой степени совершенства; необходимость дисциплинированного сотрудничества внушается индивиду едва ли не с рождения. Однако антропологические или социологические исследования простых обществ лишь в незначительной степени затрагивают проблемы, которые нас так сильно беспокоят. В наши дни быстрых и непрерывных изменений необходимо радикально пересмотреть всю концепцию социальной организации и социальной дисциплины. При этом нам не приходится рассчитывать на существенную помощь так называемых радикалов, поскольку это не радикалы, а реакционеры, которые потребуют от нас возврата к форме социальной организации, уже устаревшей в условиях технического прогресса.

II

Не так давно были изданы две книги, чьи авторы делают особый акцент на положении, в соответствии с которым индустрия, впрочем, как и общество в целом, представляет собой кооперативную систему. Одну из этих книг можно охарактеризовать как преимущественно технический трактат об организации [Barnard 1938]; вторая в каком-то смысле представляет собой популярное изложение некоторых результатов Хоторнских экспериментов компании Western Electric [Roethlisberger 1942]. Оба автора хорошо понимают, что переход от деревенского или местечкового общественного хозяйства к хозяйству крупных городов или промышленных центров остался без внимания дельного и образованного менеджмента. Последствия этого пренебрежительного отношения к фундаментальному и важному изменению не ограничиваются тем, что поселения и городки типа Бромстеда разрастаются вширь, становясь с годами всё хаотичнее и грязнее. Вдобавок постоянно и быстро ослабевает человеческая способность к энергичному сотрудничеству, так что в отдельных странах и в межгосударственных отношениях постепенно нарастает хаос, переходящий в анархию.

Выдающийся современный историк формулирует эту проблему следующим образом: «Всё более сложное устройство современной механизированной цивилизации, особенно в странах с более развитой индустрией, требует повышения уровня организации. Эта последняя не может ограничиваться совокупностью материальных элементов; она неизбежно распространяется на само общество и при его посредничестве — на этическую и психологическую жизнь отдельных людей. Отсюда историческая тенденция движения от политики к социологии. Проблемы, которые столетие назад рассматривались как чисто политические, во второй половине XIX века превратились в экономические, а в XX столетии — в социологические и психологические. Общественное мнение не в полной мере осознаёт эту перемену. Общество как бы бессознательно и инстинктивно приспособляется к новым условиям, и нынешние напряжённость и беспокойства обусловлены по большей части несоответствием запаса унаследованных нами социальных традиций, что не позволяет справиться с реалиями текущей ситуации и преодолеть трудности, возникающие при согласовании уже существующей системы социальной организации с политическими теориями и социальными доктринами, которых мы сознательно придерживаемся, несмотря на то что они в значительной степени уже не отвечают современным потребностям» [Dawson 1939: 35–36].

Это утверждение можно упростить, добавив, что наблюдения за современной промышленностью в течение последних 25 лет позволяют говорить о наличии неосознаваемой разницы между двумя принципами социальной организации — принципом сложившегося общества и принципом адаптивного общества. С первым из принципов мы все хорошо знакомы; сложившееся общество породило плоть и кровь каждого из нас, даже если это происходило, по выражению Кристофера Доусона, бессознательно и инстинктивно. Проявления сложившегося общества на низком уровне мы видим в жёстких и систематических процедурах австралийских чернокожих [Warner 1937], в традициях круга Кула на Тробрианских островах [Malinowski 1932] и у коренных жителей Андаманских островов [Radcliffe-Brown 1933], а также, на несколько более высоком уровне, в социальной организации викторианской Англии, существенной чертой которой было сложившееся общество, и на первых шагах промышленного развития в Новой Англии или в 1880-е гг. в небольших австралийских городах. Сложившееся общество имеет множество преимуществ; большинство либеральных или даже революционных движений нашего времени обусловлены стремлением вернуться от нынешней неуверенности к устоявшейся определённости. Это стремление в действительности является реакционным и противоречит духу времени. Шестидесять лет назад молодой житель небольшого городка мог выбрать себе одно из сравнительно узкого круга занятий (например, продолжить дело своего отца — кузнеца или плотника) или сделать шаг вперёд и попытаться стать банковским клерком, учителем или священником. Принять решение (или согласиться с выбором других людей) необходимо было до вступления в подростковый возраст, а далее весь образ жизни индивида определялся тем, кем он должен был стать.

Аналогично поступали в этих условиях даже те, кто шёл работать на фабрики или в бизнес — на небольшие предприятия по нынешним меркам, но в XIX веке молодые люди быстро достигали зрелости. Мальчик должен был с малых лет приучаться к делу своей жизни и ремеслу, одновременно приобретая технические навыки и постигая искусство общения со сверстниками. В большинстве случаев за время ученичества состав группы подрастающей молодёжи почти не менялся. Благодаря практике в избранном деле вместе с группой одноклассников подросток обучался манипулированию объектами в процессе труда и получал представление об установках и идеях своих товарищей. И то и другое имеет огромное значение для успешной жизни. Доктор Пьер Жане в течение 50 лет терпеливо проводил однообразные клинические исследования и пришёл к выводу, что здравомыслие является достижением, которое подразумевает, что индивид пришёл к равновесию своих технических и социальных навыков. Технические навыки манифестируют себя как способность манипулировать вещами в интересах человека, а социальные — как способность получать сообщения от других людей и реагировать на установки и идеи других так, чтобы вносить положительный вклад в выполнение общей задачи. В системе ученичества, возникшей в традиционном обществе, развивались как технические, так и социальные навыки индивида; по-видимому, в успешных сложившихся обществах психоневрозы, как следствие недостаточной социальной дисциплины и практики, возникали сравнительно редко. В наши дни образование направило основные усилия (во многих случаях по случайной прихоти) на развитие технических навыков и соответствующих научных основ. Всё было бы замечательно, если бы не тот факт, что университеты потерпели неудачу в обучении социальным навыкам и развитии эквивалентных исследований. Студентов обучают логично и ясно выражаться, но они не имеют представления о том, что социальные навыки начинаются с умения вызывать и получать сообщения от других людей. Передаваемые таким образом установки и идеи, далеко не всегда логичные, послужат основой для более широкого и более эффективного понимания.

В современной промышленности осталось мало старых предприятий, поскольку упор делается на изменения и приспособляемость, тем более что скорость изменений постоянно возрастает. Фактически мы уже миновали ту стадию человеческой организации, на которой сложившиеся повседневные отношения обеспечивали успешное общение и сотрудничество. Основным фактором этих изменений был физико-химический и технический прогресс. Индустриальное общество отбросило в сторону пред-

ставления, согласно которым технические процессы производства любого вида будут длительное время сохраняться в неизменном виде. Наоборот, все отрасли промышленности неуклонно стремятся к изменению не только методов производства, но и материалов; развитию в этом направлении в немалой степени способствовала война. Не далее как сто лет назад можно было предположить достаточную непрерывность производственных процессов, а значит, лучшим методом приобретения технических и социальных навыков было ученичество, обучение ремёслам. В наши дни технические навыки, необходимые в промышленности, развивались в двух направлениях. С одной стороны, индустрии требуются работники, обладающие навыками гораздо более высокого уровня, основывающимися на адекватных научных и инженерных знаниях, вследствие чего их можно описать как адаптивные и даже созидательные. С другой стороны, снизились требования, предъявляемые к навыкам станочника; теперь он должен быть в большей степени наладчиком оборудования, чем механиком. Здесь не место для дискуссии о том, является ли это второе изменение вообще желательным, каким бы замечательным ни было первое. Однако уместно заметить, что до сих пор не предпринималось никаких эквивалентных усилий по развитию социальных навыков или навыков сотрудничества, которые могли бы компенсировать или сбалансировать техническое развитие.

Итак, в период ученичества индивид приобретал навыки двух типов: с одной стороны, механические и технические, с другой стороны, социальные. Кроме того, эти навыки с точки зрения ситуаций, с которыми индивид сталкивался, были сбалансированными. Технические требования к индивиду не предполагали наличия у него социальных навыков порядка, необходимого для приспособления к постоянно меняющимся другим работникам. Стабильность техники шла рука об руку с постоянством в общении.

Проще говоря, подмастерье научился хорошо работать, а также ладить со своими друзьями и другими рабочими. Этот второй приобретённый навык явно воспринимался как неотъемлемая часть обучения индивида, и для его описания существовало множество разговорных выражений, таких, например, как «притереться друг к другу», «научиться брать препятствия» — народные метафоры, признававшие ценность этого опыта для общества. Жаль, но эта важная социальная дисциплина так и не получила чёткого определения как необходимая часть индивидуального образования, поэтому после повышения темпов технического прогресса никто так и не задался вопросом о том, какие последствия для индивидов и общества будет иметь неудача в поддержании и развитии социальных навыков. Общеизвестно, что наши университеты дают превосходное образование в области физико-химических и инженерных наук, но в них нельзя научиться замещению или развитию социального аспекта системы ремесленного ученичества или приобрести практический опыт в этом. В наши дни утверждение, согласно которому каждый индивид будет непрерывно поддерживать повседневные связи с другими людьми, что позволит ему постепенно приобрести навыки общения и совместного труда, утратило силу. Более чем вероятно, что в любой части современной промышленной схемы товарищи человека по работе будут постоянно меняться. Мы живём в непрерывном потоке не только технических процедур, но и личных связей. Вполне может быть, что недостаток общения многих индивидов где бы то ни было и с кем-либо не позволяет развить социальные навыки хотя бы до уровня, на котором они находились у подмастерья из традиционного общества. По Дюркгейму, такого рода ситуации характеризуются личной неудовлетворённостью, отсутствием планов на будущее и даже отчаянием. Именно здесь Ле Пле констатировал деградацию чувства социальной ответственности, постепенное угасание групповой жизни и ослабление способности к активному сотрудничеству в общем предприятии.

Мы не можем использовать такие «лекарства», как возвращение к ремесленному ученичеству или примитивному хозяйству. Нам, вне всяких сомнений, предстоит переход от сложившегося общества к адаптивному; мы взяли за плуг и не можем сойти с борозды. Мы заняты преобразованием экономики ограниченности в экономику изобилия, путь к которой указывают технические специалисты. Мы стремимся к развитию высокой человеческой приспособляемости, невиданной в человеческом обществе

в прошлом, и наши нынешние неудачи в этом находят отражение в социальном хаосе, разрушающем цивилизованное общество. Возможно ли, что нынешняя неудача будет залогом будущего успеха? Дорога, по которой нам предстоит пройти, затеряна в тумане, но на ней можно разглядеть несколько отправных точек: мы нуждаемся в таких социальных навыках, которые будут эффективны в конкретных ситуациях. Если человек приобрёл и развил некий навык, это означает, что его организм приспособился действовать под управлением мышления и нервной системы как единое целое, адекватно определённым моменту ситуации, в которой он находится. Заменить этот навык не могут никакие словесные утверждения, сколь бы точными они ни были.

III

Навык или умение отличается от общих знаний тем, что проявляется в определённый момент времени как манипулятивная ловкость, приобретаемая в результате опыта обращения с вещами или людьми либо теми и другими вместе. Исследование нельзя назвать научным до тех пор, пока его участники не продемонстрируют определённые навыки и умения. Первый действительно важный этап подготовки студента, изучающего физику, химию или медицину, — практикум в клинике или лаборатории; здесь происходит интуитивное знакомство с материалами исследования и проявляется способность манипулировать ими. Только на основе приобретённого таким образом навыка студент может построить рационально структурированную логику и постепенно прийти к дальнейшему пониманию, которое даёт развитая наука. Химик должен быть подготовлен к квалифицированному обращению с материальными веществами; врач должен уметь оценить состояние органических функций пациента, а также его общее состояние.

В 1890 г. Уильям Джеймс провёл простое различие, сохраняющее важнейшее значение и в наши дни. Вероятно, естественность этого различия привела к тому, что университеты отбросили его как очевидное (что верно) или как незначительное (что неверно). Джеймс обратил внимание, что почти во всех цивилизованных языках, кроме английского, для обозначения знания используются два общепотребительных слова. Во французском языке это *connaître* и *savoir*, или на древнегреческом *γινῶναι* и *εἰδέναι*, что можно перевести на английский язык как *knowledge-of-acquaintance* (знание по знакомству) и *knowledge-about* (знание по описанию) [James 1890: 221]. Это различие, каким бы простым оно ни было, имеет в высшей степени важное значение; знание по знакомству приобретается из непосредственного опыта конкретных фактов и ситуаций, в то время как знание по описанию является продуктом рефлексивного и абстрактного мышления. «Знание, полученное из опыта, трудно передать иначе, как через пример, подражание, пробу и ошибку, тогда как эрудицию (знание по описанию) легко облечь в символы — слова, графики, карты. Навыки могут быть переданы другим людям, но очень медленно, и их невозможно чётко и ясно изложить. Знание как эрудиция не только чётко излагается, но и легко передаётся, а также может накапливаться и сохраняться»². Университетское обучение социальным наукам в значительной степени основывается на эрудиции, что предопределяется самим фактом того, что она (как логика и рационально структурированное знание) может легко передаваться другим. Физика, химия, психология обнаружили, что они должны передавать студенту больше знаний, поэтому появились лаборатории, в которых студенты могут приобрести навыки манипуляций и получить оценку своей компетентности с точки зрения фактических результатов. На этих учебных занятиях студенту приходится соотносить своё логическое знание по описанию и знание, полученное в процессе непосредственного знакомства с фактами, с собственной способностью действовать квалифицированно и манипулировать объектами. Проведённое Джеймсом различие между двумя типами знаний подразумевает, что гармонично развитый человек должен обладать в определённых пределах технической сноровкой в обращении с вещами и социальным умением в обращении с людьми; то и

² Из письма доктора Алана Грегга (Alan Gregg) от 13 ноября 1942 г.

другое основывается на знании по знакомству. В дополнение к этому он нуждается в развитых клинических или практических знаниях, позволяющих с первого взгляда оценить ситуацию в целом. Если индивид хочет быть учёным, ему также необходимо логическое знание, которое было бы аналитическим, абстрактным и рационально структурированным — словом, эрудиция в описании доктора Алана Грегга; но эта эрудиция должна выводиться из наблюдаемых фактов, специальных занятий студента и соотноситься с ними.

Полагаю, опираясь на исторические данные, можно утверждать, что наука в общем возникла как продукт высокого уровня развития технических навыков в данной области деятельности. Кто-то, какой-нибудь искусный мастер, во время размышлений попытался ясно выразить допущения, которые лежали в основе самого навыка. Это стало исходным пунктом логико-экспериментального метода. Предположения, однажды выраженные чётко и ясно, могут быть развиты логически; развитие ведёт к экспериментальным изменениям практики; тогда и начинается наука. Следует отметить, что научные абстракции берутся не из воздуха или неконтролируемых размышлений; они с самого начала укоренены в ранее существовавшем навыке.

Мне кажется уместным привести комментарий из лекции моего коллеги Лоуренса Хендерсона, выдающегося химика: «В нашей сложной жизни, как и в медицине, теория и практика являются необходимыми условиями понимания, и метод Гиппократ — это единственный метод, признанный успешным широко и повсеместно. Первой его составляющей является тяжёлый, настойчивый, ответственный и неустанный труд в больничной палате, а не в библиотеке, полная, и далеко не только интеллектуальная, подстройка врача под задачу. Вторая составляющая этого метода — прилежное наблюдение за вещами и событиями, отбор, опирающийся на суждения, основанные на знакомстве и опыте с важными и повторяющимися явлениями, их классификация и правильное использование. Под третьей составляющей этого метода мы понимаем продуманное построение теории — не философской теории, не грандиозного усилия воображения, не квазирелигиозной догмы, но скромного обыденного занятия <...> трости, чтобы опираться на неё в пути <...> Проще говоря, врач должен, во-первых, поддерживать близкое, естественное, интуитивное знакомство с вещами, во-вторых, обладать структурированным знанием вещей и, в-третьих, правильно мыслить о вещах» [Henderson 1938: 6] (см. также: [Henderson 1941: 12–13]).

Наука глубоко укоренилась в навыках и расширяет свои границы только в процессе экспериментального и систематического развития приобретённых умений. Следовательно, все успешные отрасли науки имеют скромное происхождение — они осторожно развивали навыки и умения более низкого порядка до тех пор, пока не становилось ясно, была ли достигнута точка логического и экспериментального расширения. Не надо думать, что наука начинала с огромных и сложных систем, после чего переходила к изучению фактов. Характерное для неё прозаическое шаг за шагом продвижение вперёд от самых скромных начал имеет то достоинство, что позволяет закреплять достигнутые успехи; более поздние достижения не в силах опровергнуть результаты предшествующих аккуратных наблюдений.

Таким образом, научный метод состоит из двух частей, представленных в медицине клиникой и лабораторией. Они взаимозависимы, и одна без другой становится бесплодной. Если клиника — это пристальное внимание к сложной ситуации, поскольку любая её часть может внезапно приобрести важнейшее значение, то лаборатория — эксперимент и логические построения. В XIX веке первая часть называлась «наблюдение» с особым акцентом на его необходимость. В последние годы центр внимания всё в большей степени перемещается на логические или математические построения, которым предшествует тщательно аккуратно выполненный эксперимент. Лучшего и не пожелаешь, если бы исследователи так часто не забывали о необходимости отбора перед экспериментом. К научному прогрессу ведёт далеко не каждый лабораторный эксперимент, дополненный математическими по-

строениями. Одними из самых важных достижений последних лет являются создание радара и открытие пенициллина. И то и другое началось с наблюдений внимательных работников над явлениями, не относившимися к их непосредственным обязанностям. Один из них был морским радистом, другой — биологом-лаборантом. В обоих случаях наблюдение пробудило любопытство и воображение учёного — на благо человечества и цивилизации. Разумно, если в процессе обучения студенты будут уделять повышенное внимание рациональной организации постановки эксперимента и логико-математических построений. Те, кто забывает о происхождении науки из непосредственного наблюдения, рискуют столкнуться с отрицательными последствиями невнимания, выражающимися в тщетности экспериментов. Наблюдение, навык, эксперимент и логика — вот три стадии на пути к научным достижениям. Первые две стадии тянутся долго и требуют приложения больших усилий без надежды на признание, но без них невозможно перейти к третьей стадии. «Склонность учёного мира к вторичности — вот секрет его посредственности <...> Основная заслуга Фрэнсиса Бэкона не в создании особенной теории индуктивных рассуждений <...> но в том, что он возглавил бунт против информации, поступающей из вторых рук» [Whitehead 1929: 79].

Различные отрасли науки на протяжении столетий медленно возводили прекрасный храм знаний — знаний, связанных с соответствующими навыками. Проблемы, которые изучает наука, методы, которые она использует, в какой-то степени понятны и тем, кто занят административной деятельностью. Например, от химика никто не требует в кратчайшие сроки разработать план реорганизации правительства, промышленности или общества. Самое большее, он может получить задание изучить конкретные возможности, такие как улучшение процессов дубления кожи или производства синтетического каучука. Никто не спрашивает химика, какие изменения в промышленной организации повлекут за собой его открытия; да и сапожник держится до последнего за свой рабочий стол. Сам учёный, как человек, которому свойственно ошибаться, может мечтать о радикальной социальной реорганизации, но он понимает, что эти его желания не имеют никакого отношения к его научной квалификации и существуют сами по себе. Много лет назад премьер-министр австралийского штата Квинсленд, представлявший Лейбористскую партию, заметил в разговоре, что рост классово сознательности рабочих, по-видимому, пагубно отражается на их производственных навыках и интересе к повышению квалификации.

IV

Перейдём от успешных наук, таких как химия, физика, физиология, к наукам менее благополучным — социологии, психологии, политологии. Поразительны те провалы, которыми заканчиваются попытки этих «наук-неудачниц» передать студентам навыки, полезные в человеческой среде. Нынешний студенческий корпус представляет собой резерв, из которого будут черпаться кадры администраторов завтра, и эти провалы являются серьёзным недостатком. Химия и физика имеют полное представление о материалах, которые изучают студенты, поскольку они ежедневно квалифицированно работают с этими материалами. Нельзя сказать, что экономика и психология никак не зависят от навыков, однако умения, которые прививаются студентам, по-видимому, продиктованы желанием произвести впечатление имитацией естественных наук, но не решимостью начать работу с досконального трудоёмкого знакомства с предметом изучения в целом. Однажды в одной из газет был процитирован известный психолог, заметивший, что он знает о людях меньше, чем любой метрдотель. Если бы это было правдой (психолог, вероятно, преувеличил), мы имели бы дело с позорным признанием в некомпетентности. Тем не менее комментарий коллеги в высшей степени справедлив, поскольку в области социальных навыков существует пропасть между теми, кто постоянно пользуется своими умениями, — практикующими администраторами и теми, кто только рассказывает о них [Roethlisberger 1942: 138]. Тот факт, что в США был успешно разработан комплекс проверочных испытаний на технические навыки, не может служить оправданием для психологии. В своих узких пределах эти тесты полезны и действительно прекрасны. Но произведённый ими общий эффект заключается в том, что мы сосредоточились на технических

проблемах и полностью упустили из виду важность проблем человеческой кооперации — социальных навыков. Наша слепота в этом отношении стала одной из причин огромного бедствия.

Так называемые социальные науки поощряют студентов к бесконечным разговорам о будто бы существующих социальных проблемах. Не похоже, чтобы они вооружали учащихся хотя бы одним социальным навыком, пригодным для использования в обычных ситуациях человеческой жизни. Социология находится на высоком уровне развития, но в основном как упражнение в приобретении учёности. Студента обучают писать книги о книгах других учёных. Ему немного расскажут о психологии нормального приспособления, но студент останется профаном в вопросах социологии жизни и социологии интимных отношений. В последние годы социальным личностным исследованиям уделяется всё больше внимания. В то же время учебные программы не предусматривают постоянных непосредственных контактов студента с социальными фактами. Он учится по книгам, проводя бесконечные часы в библиотеке, пересматривает древние формулы, но не контролирует полученные результаты и не развивает навыки проведения экспериментов. Социологии ещё предстоит найти эквивалент клинике или хотя бы лаборатории.

Успешные науки не могут похвастаться «благородным» происхождением; все они вышли из «низов», поскольку опирались на развитие простых навыков и умений. За несколько столетий упорного неустанного труда физика и химия построили впечатляющие храмы знаний. При этом они твёрдо держались избранного пути, какие бы заманчивые перспективы ни возникали. Социальные науки находятся под впечатлением от этих достижений, в чём нет сомнения. Но успехи других поощрили социальные науки к строительству в социальной сфере множества «домов» с внушительными фасадами. Возможно, за ними находятся люди, не жалеющие усилий для постепенного, шаг за шагом, развития простых неоспоримых навыков. Разумно предположить, что претенциозные фасады — это всего лишь камуфляж, и где-то за ними люди занимаются настоящей работой.

В результате выпускники, отмеченные за блестящие достижения в учёбе, возглавляющие процессии бывших однокурсников, покидающих университеты, не имеют должной подготовки, необходимой для наведения порядка в социальном хаосе. Высокий уровень их интеллектуальных достижений сочетается с низкой осведомлённостью о реальной жизни. Они обитают отдельно от остального человечества, в «городах разума» — отстранённые от мирской суеты, интеллектуальные и отдающие себя высококоразвитому мышлению. Они обладают развитой способностью к мышлению в рамках сложной логики, но лишены навыков обращения со сложными фактами. И этих исследователей общества поощряют к развитию проработанной до мелочей социальной философии и призывают забыть о своей потребности в простых социальных навыках. Для них дискурсивные, перескакивающие с одного предмета на другой и неконтролируемые рассуждения предпочтительнее наблюдения. В то же время терпеливое внимательное наблюдение — это то, в чём больше всего нуждается мир, когда наблюдатель всегда держит наготове свои логические инструменты.

Социальные навыки, которые студенты развивают в университетах, занимаясь спортом, в клубах или других видах деятельности, слабо связаны с их учебными штудиями. Куда более часто учёба противопоставляется всем остальным занятиям; считается, что успехи в первой достигаются за счёт вторых. Вследствие этого развитие социальных навыков студента может быть ограничено до общения с сокурсниками на мероприятиях, не одобряемых руководством многих университетов. Эти социальные организации способны помешать бесхитроственному участию студента вместе с товарищами в достижении общих образовательных целей учебных заведений. Появление в студенческом корпусе юношей и девушек, ограниченно участвующих в достижении общих целей университета, развивает социальные навыки более низкого порядка, чем те, которые приобретает подмастерье, осваивающий ремесло. Во многих случаях это приводит к замкнутости социальной группы и дискриминации. Едва ли члены

такой группы будут часто применять имеющийся у них искусственный и узкий опыт в дальнейшей жизни, ведь в зрелом возрасте люди нуждаются в высокоразвитых и постоянно совершенствуемых социальных навыках. В этом отношении учёба и общение в небольшом колледже могут оказаться для студентов более полезными, чем пребывание в университете. Но мне ничего не известно о научных изысканиях, направленных на разработку программ и методов обучения социальным навыкам, адекватным быстро изменяющимся потребностям индустриальной цивилизации.

Ничуть не сомневаюсь, что социальные науки (экономика, психология, социология) когда-нибудь принесут большую пользу, но в настоящее время различные специальные исследования никак не связаны друг с другом и не имеют общего плана или основных положений. Как мне кажется, причиной тому стремление войти в мир, подобно Афине Палладе, во всеоружии, избегая обязательных периодов младенчества и роста. Следствием этой попытки стало пренебрежение постепенным развитием простых социальных навыков.

Меня могут попросить привести пример простого социального навыка, который можно было бы практиковать, и по мере его совершенствования открывать для себя нечто новое, а также получить эквивалент способности к манипулированию. Полагаю, что социальные изыскания должны начинаться с внимательного наблюдения за тем, что можно назвать коммуникацией, то есть способностью индивида сообщать о своих чувствах и идеях другому человеку и способностью групп к эффективному и тесному общению друг с другом. В наши дни эта проблема, вне всяких разумных сомнений, представляет собой важнейший порок развития цивилизации³. Согласно наблюдениям Пьера Жане (в дальнейшем я расскажу о них подробнее), индивиды, которых обычно описывают как психоневротиков (но не имеющих органических патологий), не способны легко и близко общаться с другими людьми. Отвлекаясь от этой сугубо индивидуальной проблемы, наши международные трудности, несомненно, связаны с отсутствием эффективного общения между различными группами стран даже в Женеве. Дискуссии в Лиге наций велись в самых общих чертах, что в некоторых случаях, казалось бы, приводило к интеллектуальному пониманию и согласию. Но это понимание отнюдь не основывалось на близком знакомстве одной из сторон с реальным положением другой. Никто не отрицает, что предпринимались попытки достичь такого понимания. Однако во многих случаях усилия сторон были направлены на «поиск формулы», логического утверждения, позволяющего скрыть тот факт, что ни одна из сторон не имела представления о реальном положении контрагентов. По мере развития нашей индустриальной цивилизации внутри различных стран возникало всё больше факторов, затруднявших прямое общение между отдельными специализированными группами. Наглядным примером этого являются острые противоречия между менеджментом компаний и рабочими.

V

Неравномерное развитие технических и социальных навыков имело катастрофические последствия для общества. Если бы наши социальные навыки развивались постепенно и шли в ногу с нашими техническими навыками, не было бы и ещё одной европейской войны; это моя постоянная тема. Вернёмся к анализу воздействия социального образования рассмотренного выше типа на студентов, на группу учащихся, часть которой в будущем получит назначения на административные должности. В самом деле, появление в университетах одарённых, но несчастных и неэффективных студентов привлекло внимание к более общей проблеме. Возникает впечатление, что некоторые предметы фатально притягивают к себе людей такого склада. Это философия, литература, социология, право, экономика и — сохрани Боже — государственное управление. Студенты могут плохо владеть техническими навыками, но это наблюдение — не самая надёжная основа для диагноза; одновременно учащиеся почти всегда

³ Подробное обсуждение важности «слушания» как основы для коммуникации см. в главе 4 этой книги.

лишены социальных навыков, что весьма показательно. Они рассказывают очень похожие истории о своём прошлом, однообразно перечисляя обстоятельства, препятствовавшие получению ими активного опыта участия в разных социальных группах и различных социальных ситуациях. Короче говоря, эти студенты полностью лишены знания о социальной жизни или имеют о ней минимальные знания, но, как мы знаем, только этот опыт даёт навык общения. Во всех урбанизированных промышленно развитых странах количество таких людей непрерывно увеличивается, и данное явление отнюдь не исключительно американское. Пьер Жане, например, описывает француза, ограниченного в социальных навыках. Отметив, что данная характеристика свойственна, по большей части, людям, наделённым природными способностями и получившим некоторое образование, Жане продолжает: «Обычно они могут вести себя как другие люди, болтать или жаловаться на свои недостатки близким друзьям; но в тех случаях, когда возникает необходимость в непосредственном действии, что, как следствие, предполагает манипулирование реальностью, они отказываются делать что-либо и проявляют склонность ко все большему и большему отстранению от своих профессиональных занятий, борьбы с другими людьми, внешней жизни и социальных отношений. Действительно, их жизни ограничены очень узкой сферой интересов и совершенно бессмысленны, это относится и к вещам, и к людям <...> Сохраняющиеся у них второстепенные интересы всегда отдаются вопросам, далее всего отстоящим от материальной действительности; некоторые из этих людей — психологи; прежде всех сущностей объектом их поклонения является философия; они становятся ужасными метафизиками. При виде этих несчастных с грустью задаёшься вопросом, не является ли философское умозрение не более чем болезнью человеческого разума» [Janet 1915: 357].

Жане также выделяет две основные группы трудностей, которые испытывают индивиды с ограниченными социальными навыками. Во-первых, это решения и поступки; во-вторых, связи и общение с другими людьми. Согласно представлениям этих людей, единственным «лекарством» в данном случае являются метафизические дискуссии, «продолжающиеся всю ночь и ни к чему не приводящие». Поскольку с точки зрения достижения практических целей такие люди лишены как манипулятивных, так и социальных навыков, они не могут воспользоваться методом определения относительной ценности альтернативных логических возможностей. Если аргумент, каким бы рациональным он ни был, не связан с точкой развивающегося контакта с внешним миром, он воспринимается, каким бы логичным ни был довод, как смешение неопределённых возможностей. Некоторые из этих людей — одарённые, несчастные, мятежные — считаются учёными. Если бы на одном из этапов обучения они настояли на получении простых навыков, в первую очередь социальных, то осознали бы всю шаткость основ сложной логической структуры своего мышления. Но университетские учёные плохо подготовлены к тому, чтобы обнаруживать среди увлечённых наукой студентов тех, чей энтузиазм является симптомом разбалансированного развития. Действительно, стипендиальные отделы университетов, переоценивая их возможность делать выводы и недооценивая реальные навыки студентов, всячески способствуют преувеличению индивидуальной неполноценности и почти ничего не делают для её исправления.

Впрочем, Жане описывает крайние случаи. Вероятно, в наши дни они наблюдаются чаще, чем в прежние времена, но, к счастью, встречаются сравнительно редко. Имеются в виду индивид, по чистой случайности лишённый навыков обоих типов. Ему не удалось приобрести и развить нормальный набор манипулятивных или технических навыков, вследствие чего его решения и поступки неудачны, так как недостаточное практическое знакомство с вещами затрудняет выбор между чисто логическими альтернативами действий. Такому человеку далеко до совершенства и в обычных простых социальных навыках. Вследствие этого человеческие связи, добавляющие к повседневной рутине большинства из нас немного счастья, превращаются для него в кризисы, преодоление которых требует энергии и приложения усилий. Данный личностный недостаток индивида обуславливает его нежелание иметь дело с самыми обычными человеческими случаями; если же ему не удастся избежать столкновения с повседневностью, он проявляет чрезмерную активность, после чего испытывает неимоверное утомление.

Значительно чаще в университетах и других местах встречаются люди с достаточно развитыми манипулятивными навыками, но практически лишённые социальных умений. Тридцать лет назад в Австралии я входил в объединённый комитет университета, которому было поручено организовать обучение членов местной Образовательной ассоциации рабочих. В этом качестве мне пришлось часто выступать на собраниях, проводимых различными профсоюзами, чтобы просить их поддержать движение за расширение возможностей образования для взрослых. Как правило, нам удавалось заручиться поддержкой профсоюзов, хотя и не без яростных дискуссий, когда люди, занимавшие крайние позиции, обвиняли университет в симпатии к буржуазии и других социальных грехах. Обычно более умеренные и ответственные члены профсоюзов сидели в первых рядах, а сзади группировались непримиримые сторонники крайних левых воззрений. На одном из таких собраний мне стало ясно, что ядро самой ожесточённой оппозиции составляют шесть человек, с которыми я был давно и хорошо знаком. За эти годы крайняя партия много раз меняла название — «социалистическая», «индустриальные рабочие мира», «большевистская», «коммунистическая», — но независимо от названия или доктрины оппозицию на профсоюзных собраниях возглавляли одни и те же шесть человек (ещё они любили выступать с импровизированных трибун в публичных парках). Наше знакомство не имело никакого значения для декларируемого ими отношения ко мне или университету, но при частных встречах они разговаривали со мной совершенно свободно. Выводы из моих наблюдений можно резюмировать следующим образом:

1. Эти люди поддерживали дружеские отношения только с другими пропагандистами. По-видимому, они не способны были к лёгким отношениям с другими людьми; более того, необходимость установления таких отношений воспринималась как крайняя необходимость, что требовало от моих знакомых самых энергичных усилий;
2. У профсоюзных активистов отсутствовала способность к ведению разговора. В беседах со мной они чередовали рассказы о себе с риторикой, воспроизводившей насущную для них тему — революция и разрушение общества;
3. Как и в случае с социальными отношениями, всякое действие было для них чрезвычайным усилием. Их образ мышления не вмещал никаких идей о рутинном участии в совместных действиях или об «обычности» жизни. Буквально всё, независимо от значимости тех или иных вещей, воспринималось как кризис, который ликвидировался с огромным иррациональным напором;
4. Они воспринимали мир как враждебное место. Все их убеждения и действия подразумевали, что общество существует не для того, чтобы предоставлять возможности, но для того, чтобы ограничивать их. Кроме того, по их мнению, враждебность должна быть активной, а не инертной; даже своих ближайших соратников они воспринимали как потенциальную часть вражеских войск, готовых к бою.

В каждом случае личная история этих людей была историей социальной обездоленности — детство, лишённое нормального счастливого общения со сверстниками в труде и играх. По-видимому, эта обездоленность привела к отсутствию способности к поддержанию обычных человеческих отношений, последующему убеждению во враждебности мира и реакции, выразившейся в нападении на предполагаемого врага. Один из этих шести партийцев попал к моему коллеге-медику, с которым мы работали над проблемами адаптации. Это позволило установить клиническое отношение доверия к врачу. Пациент обнаружил, что медицинский консультант остался совершенно равнодушен к политическим теориям, но проявил огромный интерес к сокровенным подробностям его личной истории. После выздоровления мужчина, к своему удивлению, понял, что избавился и от прежних политических взгля-

дов. Когда он был механиком (хорошим), ему приходилось часто менять работу. Пройдя курс лечения, мой знакомый устроился конторским служащим и отказался от установки на революцию.

Вероятно, эти случаи всё ещё относятся к крайним, но постепенно мы приближаемся к общей проблеме. Наблюдения, которые я кратко изложил, были сделаны до и во время Первой мировой войны. Тогда никто из нас не предполагал, что такой человек, как немецкий фюрер, возглавит общую разрушительную войну с обществом и цивилизацией. Однако если перелистать страницы первой главы книги Стивена Робертса «Дом, который построил Гитлер» [Roberts 1938], мы увидим довольно близкое сходство установок и истории её героя и моих партийцев. Я не делаю из этого далеко идущих выводов, за исключением того, что предлагаю в таких случаях остерегаться и оказывать необходимую помощь людям, поскольку пренебрежение их проблемами может иметь тяжёлые последствия.

Если мы, оказавшись в определённой личной или групповой ситуации, хотим безошибочно распознать симптомы слабой социальной адаптации, знакомство с некоторым количеством крайних случаев будет не просто полезно, но необходимо. Как пишет Жане, все без исключения его пациенты относились к окружающему миру, в особенности к социальному миру, как к враждебному месту: «*Сe monde hostile*» («Этот враждебный мир») [Janet 1919: 636]. Однако следует указать на различие в типах реакции. Примерно две трети всех пациентов занимают позицию «Этот мир опасен, и я должен быть настороже», а оставшаяся треть настроена на бунт, приняв установку «Мир враждебен, позвольте мне напасть на него». Конечно, во всех случаях имеют место обе установки, но преобладающей будет одна из них.

По наблюдениям доктора Джеймса Планта, под руководством которого в Нью-Джерси было проведено обширное исследование социально не приспособленных детей, отношение этих несчастных подростков к своему окружению варьируется от паники до бунта [Plant 1937]. Данное заключение во многом совпадает с выводами Жане, ведь социальная депривация того или иного рода является существенной частью истории личности. С этим утверждением согласятся все, кто пытается помочь студентам, испытывающим трудности с обучением, или те, кто занят тщательным изучением производственных ситуаций. Очень часто студент, не способный, как он заявляет, сосредоточиться на учебном материале (может показаться, что его слова подтверждаются официальными записями), в частной беседе сообщает, что он боится отвечать на занятиях в аудитории. Этот студент убеждён, что преподаватель и другие учащиеся настроены к нему враждебно, только и ждут случая, чтобы повеселиться, когда он допустит ошибку. Вследствие этого злосчастного предубеждения горькие ожидания во многих случаях оправдываются, что воспринимается индивидом как подтверждение его правоты. Примерно в 50% рассматривавшихся нами случаев студент легко справлялся с поставленной перед ним технической задачей. Если он избавится от своего предубеждения, то получит хорошую оценку. Источником его ограниченности является неумение общаться, а кажущаяся неспособность молодого человека удерживать внимание обусловлена влиянием предубеждённости, вызванной социальной неадекватностью (вечная заикленность на социальных ситуациях) и страхом действия. Личные истории таких студентов позволяют подразделить их, по меньшей мере, на две группы. Первую группу образуют те, кто по семейным обстоятельствам был лишён достаточного количества личных дружеских отношений вне семьи, необходимых для развития жизненных навыков. Во вторую группу входят студенты, обладающие социальными навыками, которые они развили в небольшой общине и, возможно, в местном колледже и благодаря успехам в учёбе были направлены для написания дипломной работы в более крупный или столичный университет. Яркий блеск исторического названия университета способен вызвать панику у студента из провинции, а последующее открытие, которое заключается в том, что развитые в прошлом социальные навыки малопригодны в новой ситуации, отбрасывает его к эгоцентричной предубеждённости. В этих последних случаях студенту довольно легко помочь; действительно, иногда достаточно одного интервью с ним. Студенту удалось заложить фундамент социальных знаний знакомства и навыков, на

которые он может смело опереться; поощрение к использованию имеющихся у него навыков способно привести к внезапному восстановлению уверенности в себе. Известно много таких случаев. В каком-то смысле ограничение возможностей связано не столько с самим студентом, сколько с ситуацией, в которой он оказался; внезапное и значительное изменение окружения может вызвать очень сильную тревогу, особенно в тех случаях, когда человек молод и недостаточно опытен или когда он несколько старше, но чрезмерно заиклен на установившейся практике.

В наши дни различные варианты такой ситуации получили самое широкое распространение в промышленности. К сожалению, в неблагоприятных обстоятельствах чаще всего оказываются индивиды и группы людей, возраст которых уже не позволяет им проявлять замечательную стойкость юности в процессе восстановления. Несколько лет назад в одном из городов на Среднем Западе США непосредственного руководителя работ на одном из предприятий, обладавшего высокой технической квалификацией (навыками), повысили в должности до генерального руководителя работ. На него возложили ответственность за производство на десятке заводов, расположенных на Востоке США. В прошлом этот руководитель жил только на Среднем Западе, но взялся за работу на Восточном побережье с той же энергией и компетентностью, что и всегда. Какое-то время всё шло хорошо, но в начале 1930-х гг. страна столкнулась с промышленной депрессией, и компания была вынуждена либо закрыть часть заводов, либо ограничить их операции. Мало-помалу сфера деятельности генерального руководителя работ сужалась, пока наконец его не назначили начальником единственного цеха на одной из фабрик, то есть он получил должность, идентичную той, занимая которую, он проявлял высокую компетентность. Однако на прежнем высоком посту этот человек, по-видимому, растерял свои знания и утратил навыки. Теперь он просто запугивал подчинённых, которые всем сердцем его ненавидели, и не скрывал критического отношения к Востоку по сравнению со Средним Западом. Он приписывал понижение в должности не обстоятельствам или общей депрессии, а заговору в компании или собственной глупости, когда согласился на переезд на Восток. Другими словами, его рефлексивное мышление, изначально основанное на фактах и приводившее к успеху, полностью сошло с рельсов. Человек слишком много думал о ситуации, в которой он оказался, и приписывал свои невзгоды враждебному миру, точно так же, как это мог бы делать пациент Жане. Если подобные ситуации возникают в промышленности в наши дни, они поддаются исправлению, и, насколько мне известно, опытный интервьюер оказывает в таких случаях необходимую помощь. Такого интервьюера учат внимательно и без комментариев выслушивать всё⁴, что говорит его собеседник, попавший в сложную ситуацию. Специалист должен сосредоточить всё своё внимание на том, чтобы правильно понять сказанное, встав на точку зрения респондента. Это довольно простой навык, но его использование в ситуациях, возникающих на производстве, приносит поразительные результаты. Мы видели, как многие люди, склонные к синдрому навязчивых состояний, после нескольких (или большого их количества в зависимости от потребности) таких интервью возвращались к работе, объясняя, что они «выговорились». В некоторых случаях их способность к здоровой оценке ситуации, по-видимому, полностью восстанавливалась.

Ещё один тип производственной ситуации, характерный для нашего времени, — настоятельная потребность во внимательном наблюдении. Научный прогресс и изменения в организации бизнеса постоянно находят отражение в изменениях производства, способных, в свою очередь, упразднить ремесла или занятия, позволявшие людям добывать средства к существованию на протяжении нескольких поколений. На западе Пенсильвании на заводах по производству жести прокатчиками горячего металла работали в основном приезжие (многие из них были выходцами из Уэльса). За долгие годы они обжились в этом штате, добились материального благополучия, приобрели дома, пользовались влиянием и уважением в местных общинах. Десять лет назад ко времени окончания депрессии метод производства белой жести совершенно изменился, и эти люди (значительная их часть находились в позднем среднем

⁴ См. главу 4 этой книги.

возрасте) лишились занятия и средств, которые позволили бы им и их семьям поддерживать привычный образ жизни. Для бывших прокатчиков это стало личным бедствием первой величины, но как бывшие столпы общества они не поддались революционным настроениям. Они оставались безработными и погружались в глубокую личную депрессию, их сбережения быстро таяли. Их установки по отношению к самим себе и обществу можно описать как полную утрату уверенности и доверия. В какой-то степени это перекликается с тем аспектом европейской ситуации, который заставил немецкий народ приветствовать Гитлера как избавителя.

Ознакомившись с этими фактами, не думайте, что я выступаю за ограничение каких бы то ни было направлений научного прогресса, технических усовершенствований или вообще изменений в производственных методах. Напротив, я всегда на стороне технического прогресса и быстрого общего повышения уровня жизни. Но если мы стремимся к тому, чтобы наши технические навыки способствовали внезапным и радикальным изменениям в методах труда, то обязаны развивать социальные навыки, которые уравновешивали бы эти перемены социальными изменениями в образе жизни, соответствующими новой ситуации. Невозможно жить и процветать, стоя одной ногой в XX веке, а другой — в XVIII столетии. За последние сто лет цивилизованное общество полностью отказалось от прежних постулатов и приняло новые. В XVII столетии, да и в XIX веке, человеческое общество готовило своих подростков к хозяйственному и социальному служению той или иной формой ученичества. В наши дни медленное приобретение технических навыков и умений и способности к сотрудничеству в процессе вживания в предписанный набор традиционных процедур превратилось в анахронизм. Как и прежде, знание по знакомству и производные от него технические и социальные навыки имеют важнейшее значение. В сложившемся обществе основное внимание уделялось традиционным навыкам и умениям; в наши дни — адаптивным навыкам. Те из нас, кто начал жизнь в Викторианскую эпоху, помнят, какое значение тогда придавалось традиционному, сложившемуся обществу; для настоящего и будущего, если нам вообще удастся выжить, идеальным будет адаптивное общество.

Металлурги из Пенсильвании попали между верхними и нижними «валками» своих прокатных станов. Они усвоили знания и навыки, необходимые в сложившемся обществе, но жить им приходится в обществе, где важнейшее значение придаётся способности к адаптации. Данное обстоятельство отнюдь не означает, что прокатчики оказались в безнадёжном положении. В самом деле, неотложные военные потребности обусловили необходимость изучения средств, с помощью которых страна могла бы быстро увеличить количество рабочих в отраслях, испытывавших явный недостаток предложения. Независимо от того, идёт ли речь о США или о других государствах, мы видим, что организационные верхи сразу же уделили надлежащее интеллектуальное внимание профессиональному обучению в промышленности, а рабочие с верой и умением откликнулись на насущные потребности. Это касается не только мужчин. Во время войны и в Англии, и в США девушки, прежде работавшие в салонах красоты, ресторанах или в домашнем услужении, успешно справлялись с новыми для них обязанностями, для выполнения которых мужчинам, как предполагалось, требовалось долгое ученичество. Отметим, что условием достижения этого результата было то, что я назвал интеллектуальным вниманием организационных верхов. Следует отметить, что в тех случаях, когда общество нуждалось в том, чтобы работники приобретали новые технические навыки, они никогда не подводили. Появление пишущей машинки, автомобилей, самолётов показало, что население способно за короткое время овладеть соответствующими умениями. В нашем изменяющемся обществе не является неразрешимой и проблема адаптации рабочих, в прошлом занятых на заводах по выпуску жести; с учётом перемен, вызванных войной, это может быть не так сложно, как казалось на первый взгляд. Для того чтобы решить данную проблему и погасить недовольство, необходимо чётко определить социальные последствия крупных изменений в структуре общества и возложить ответственность за них на тех, кто обладает достаточными навыками и пониманием.

VI

Теперь всем очевидно, что в недалёком прошлом наши высшие администраторы взяли на себя ответственность за обучение рабочих новым техническим навыкам; столь же очевидно, что никто не отвечает за обучение их новым (адаптивным) социальным навыкам. Если говорить об университетах, то принятие ответственности, особенно социальной, воспринимается некоторыми самыми робкими учёными как ужасная перспектива. Я сильно сомневаюсь, что какая-либо группа, сложившая с себя ответственность, когда-нибудь достигнет уровня квалификации, достойного названия своей профессии. Врач берёт на себя ответственность за пациента, химик — за успех или неудачу методов, которые он разрабатывает. В длинном списке научных начинаний, даже если доля неудач превышает долю успешных решений, мы обнаруживаем, что развитие полезных навыков неизменно сопровождается принятием той или иной ответственности. Однако это положение не распространяется на то, что иногда называют умением употреблять слова, приводить доводы, развивать неконтролируемую логику; на протяжении тысячелетий штудии этого типа прошли точно такой же цикл диспутов и цитирования авторитетов, но с точки зрения жизненных реалий в данном случае развитие было незначительным (если вообще происходило). В современных политических трактатах по-прежнему цитируются Аристотель, Платон, Макиавелли, Гоббс и другие авторы. Но кто из химиков сочтёт необходимым дословно приводить слова Фалеса Милетского и алхимиков? Утверждения учёного основаны на его собственной квалификации и способности к экспериментальной демонстрации. Социология и политология, по-видимому, не обладают аналогичной способностью к прямой демонстрации полезного навыка в нужное время и в нужном месте. И я не думаю, что они её обретут, только взяв на себя ответственность за то, что происходит в конкретных человеческих ситуациях — индивидуальных или групповых. Хороший игрок в бридж не просто участвует по окончании партии в разборе хода игры; он берет на себя ответственность за игру. Первое будет полезно новичку, но только в том случае, если он попробует второе. До тех пор пока социология не наденет хрустальные туфельки и не отправится на поиски приключений в кругу других наук, она будет оставаться Золушкой.

Впрочем, ни принц, ни политик не имеют права пренебрежительно относиться к бедной Золушке. За последнее столетие физика, химия и медицина добились огромных научных достижений, но сам по себе их масштаб вывел общество из равновесия. До тех пор пока социология и психология не разовьют свои скромные обычные навыки и не начнут углублять понимание, мы будем думать, что технический прогресс провоцирует хаос и анархию.

Если бы развитие социальных навыков (то есть наших способностей устанавливать кооперацию между людьми) шло в ногу с техническими умениями, мы не допустили бы ещё одной европейской войны.

Литература

Barnard C. I. 1938. *The Functions of the Executive*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Casson S. 1937. *Progress and Catastrophe*. New York: Harper & Brothers.

Dawson C. 1939. *Beyond Politics*. London: Sheed & Ward.

Disraeli B. 1912. *Earl of Beaconsfield, Tancred, Quoted from John Neville Figgis, Civilization at the Cross Roads*. London: Longmans, Green & Co.

Donham W. B. 1944. *Education for Responsible Living*. Cambridge, MA: Harvard University Press; Chap. V.

- Durkheim E. 1930. *Le Suicide*. Paris, Librairie Felix Alcan.
- Henderson L. J. 1938. *Sociology 23. Introductory Lectures. Three Lectures Given in Course Sociology 23 at Harvard College*. Privately distributed, 2nd edn, revised in October 1938.
- Henderson L. J. 1941. *Fatigue of Workers. Report of National Research Council*. New York: Reinhold Publishing Corporation.
- James W. 1890. *The Principles of Psychology*, vol. 1. London, Macmillan and Co., Limited.
- Janet P. 1915. *Les Névroses*. Paris: Ernest Flammarion.
- Janet P. 1919. *Les Obsessions*. Paris, Librairie Felix Alcan.
- Malinowski B. 1932. *Argonauts of the Western Pacific*. London: George Routledge & Sons, Ltd.
- Plant J. S. 1937. *Personality and the Cultural Pattern*. New York: The Commonwealth Fund.
- Radcliffe-Brown A. R. 1933. *The Andaman Islanders*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Roberts S. H. 1938. *The House That Hitler Built*. New York: Harper & Brothers.
- Roethlisberger F. J. 1942. *Management and Morale*. Cambridge, MA: Harvard University Press; Chap. IV.
- Warner W. L. 1937. *A Black Civilization*. New York; London: Harper & Brothers.
- Whitehead A. N. 1929. *Aims of Education & Other Essays*. London: Williams and Norgate.

NEW TRANSLATIONS

Elton Mayo

The Social Problems of an Industrial Civilisation (excerpt)

MAYO, Elton (1880–1949) was an American psychologist and political scientist, as well as a researcher of industrial issues.

Abstract

His forthcoming work, “Social Problems of Industrial Civilization,” published by the Gaidar Institute, includes a section dedicated to political challenges. During his tenure as a professor of industrial studies at Harvard University while working on “Social Problems of Industrial Civilization,” Mayo’s contributions to industrial sociology significantly influenced the development of this field. The

book interprets critical issues of the industrial era through Mayo’s perspectives on the role of social sciences in addressing these challenges. A central theme is the facilitation of group cooperation within key industrial sectors. The author synthesizes insights gained from industrial research and proposes preliminary conclusions regarding the crucial role of interpersonal relationships in industry.

The *Journal of Economic Sociology* features the first chapter titled “The Dark Side of Progress,” wherein Professor Mayo critically examines the imbalance present in systemic research. This imbalance is characterized by an overemphasis on technical and material aspects, neglecting the human and social dimensions in favor of unsystematic evaluations.

Keywords: industrial sociology; technological progress; social and interpersonal relationships; social disorganization; technical and social skills.

References

Barnard C. I. (1938) *The Functions of the Executive*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Casson S. (1937) *Progress and Catastrophe*, New York: Harper & Brothers.

Dawson C. (1939) *Beyond Politics*, London: Sheed & Ward.

Disraeli B. (1912) *Earl of Beaconsfield, Tancred, Quoted from John Neville Figgis, Civilization at the Cross Roads*, London: Longmans, Green & Co.

Donham W. B. (1944) *Education for Responsible Living*, Cambridge, MA: Harvard University Press, Chap. V.

Durkheim E. (1930) *Le Suicide*, Paris: Librairie Felix Alcan.

Henderson L. J. (1938) *Sociology 23. Introductory Lectures. Three Lectures Given in Course Sociology 23 at Harvard College*, privately distributed, 2nd edn, revised in October 1938.

Henderson L. J. (1941) *Fatigue of Workers. Report of National Research Council*, New York: Reinhold Publishing Corporation.

James W. (1890) *The Principles of Psychology*, vol. 1, London, Macmillan and Co., Limited.

Janet P. (1915) *Les Névroses*, Paris: Ernest Flammarion.

Janet P. (1919) *Les Obsessions*, Paris, Librairie Felix Alcan.

Malinowski B. (1932) *Argonauts of the Western Pacific*, London, George Routledge & Sons, Ltd.

Plant J. S. (1937) *Personality and the Cultural Pattern*, New York: The Commonwealth Fund.

Radcliffe-Brown A. R. (1933) *The Andaman Islanders*, Cambridge University Press.

Roberts S. H. (1938) *The House That Hitler Built*, New York: Harper & Brothers.

Roethlisberger F. J. (1942) *Management and Morale*, Cambridge, MA: Harvard University Press, Chap. IV.

Warner W. L. (1937) *A Black Civilization*, New York and London, Harper & Brothers.

Whitehead A. N. (1929) *Aims of Education & Other Essays*, London: Williams and Norgate.

Received: January 9, 2024

Citation: Mayo E. (2024) Sotsial'nye problemy industrial'noy tsivilizatsii [Social Problems of an Industrial Civilization (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 5, pp. 11–32. doi: [10.17323/1726-3247-2024-5-11-32](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-5-11-32) (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

А. А. Александрова, М. М. Русакова, С. Ткач

Ценностные ориентации и стратегии поиска работы жителями Санкт-Петербурга в условиях кризиса COVID-19¹



АЛЕКСАНДРОВА Анастасия Алексеевна — заместитель директора Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 9.

Email:

a.a.alexandrova@spbu.ru

Работа публикуется журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

В статье рассматривается взаимосвязь между ценностными ориентациями и стратегиями поиска работы безработными Санкт-Петербурга. Авторы опираются на экзистенциальное понимание установок, как конструируемых действиями людей, подталкивающих их к формированию определённых ценностных ориентаций. Такие ориентации влияют на видение людьми состояния рынка труда и своих шансов на нём. Эмпирическая база данных включала анкеты 1857 человек, зарегистрировавшихся в качестве безработных в Службе занятости Санкт-Петербурга. Основным инструментом анализа — кластерный анализ методом K-средних. Получившиеся кластеры оценивались при помощи силуэтной меры и индекса Дэвиса—Болдуина. Статистическая значимость различий выбора стратегий действий на рынке труда между кластерами определялась при помощи теста Краскела—Уоллиса. Были выделены три устойчивых кластера: пессимисты с преобладающей ориентацией опоры на окружающих (29,2% респондентов), оптимисты с преобладающей опорой на себя (29,7% респондентов), оптимисты с умеренными ориентациями, в сопоставимой мере опирающихся на себя и на окружающих (41% респондентов). Показано, что преобладание ценностных ориентаций оптимизма (первый кластер), как и ценностных ориентаций пессимизма (второй кластер), делает людей менее активными в использовании мер поддержки на рынке труда и снижают их готовность пройти переобучение. Преобладание ценностных установок оптимизма в совокупности с опорой на себя в то же время способствует большей кооперации с центрами занятости. Также респонденты скорее заинтересованы в помощи в трудоустройстве, нежели в профессиональной переподготовке. Полученные результаты вносят значимый вклад в дискуссию о перспективах экзистенциального подхода в исследовании рынка труда, а выводы могут лечь в основу индивидуализированных программ помощи соискателям, которые учитывали бы ценностные ориентации граждан.

Ключевые слова: экзистенциализм; рынок труда; ценностные установки; локус контроля; пессимизм; оптимизм; опора на себя; опора на окружающих.

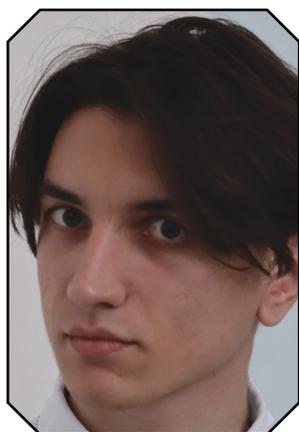
¹ Работа выполнена при поддержке СПбГУ, проект 121062300141-5.

Коллектив авторов благодарит Дмитрия Семёновича Чернейко за научные консультации в подготовке статьи.



РУСАКОВА Майя Михайловна — кандидат социологических наук, директор Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 9.

Email: m.rusakova@spbu.ru



ТКАЧ Сергей — ведущий социолог Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 9.

Email: s.tkach@spbu.ru

Введение

Люди, оказавшись в поиске работы на рынке труда, находятся большей частью в стрессовой ситуации. Каждый месяц, проведённый в поисках работы, повышает риски депрессивных и тревожных расстройств [Wood, Burchell, Lewis 2018]. Современный же рынок труда для соискателя особенно волатилен и непредсказуем из-за структурных изменений экономики [Стофарандова, Мисриханова, Салихов 2022].

Такое положение вещей требует от человека мобилизации инициативных качеств, взвешенного подхода к выбору стратегии поиска работы и смелости на каждом этапе — от составления резюме и собеседования до подписания контракта. От успешности прохождения этих этапов зависит не только личная профессиональная траектория человека, но и эффективность работы экономики в целом. Встаёт важный вопрос: можно ли говорить, что ценностные ориентации, определяемые установками и действиями человека, способны предопределить исход предприятия? В статье рассматривается, какие устойчивые взаимосвязи образуются между различными ценностными ориентациями (опора на себя или опора на других; оптимизм или пессимизм), а также как ценностные ориентации связаны с выбором стратегий действий на рынке труда соискателей. Под ценностной ориентацией будет пониматься «предрасположенность субъекта к совершению определённого социального поведения, определённой оценке некоего объекта» [Мещеряков, Зинченко 2004: 61]. Под установкой же будет пониматься конкретный тезис, разделяемый человеком и сформированный в результате его предыдущего опыта. Установка является концептом второго порядка по отношению к ценностной ориентации. Такая трактовка позволяет подойти к личности с экзистенциальных позиций Ж.-П. Сартра — как к создаваемой действиями человека, которые тот совершает, руководствуясь собственными идеалами (ценностными ориентациями) [Сартр 1989], то есть ценностные ориентации человека (пессимизм, оптимизм, опора на себя или на окружающих и т. д.) можно трактовать как результат или как причину действий человека.

В 2020 г. произошли переломные изменения для рынка труда [Chen, Sun, Chen 2022]. Распространение платформенной занятости и самозанятости изменили рынок трудовых отношений — «от рынка труда к рынку занятости» [Григорьева, Равчик 2023: 551]. До начала пандемии COVID-19 люди чаще ориентировались в поиске работы на традиционные условия труда, то есть на офлайн-работу и восьмичасовой рабочий день. Пандемия дала запрос на другие формы занятости — на гибридную, частичную, проектную, онлайн-занятость. Во многом эти изменения вызваны развитием цифровых технологий, изменением уровня доверия граждан к работодателю и стремлением диверсифицировать риски, устраиваясь на несколько работ с частичной занятостью. Также закрытие ряда организаций, в особенности в сфере услуг, привело к значительному росту безработицы. Число зарегистрировавшихся безработных достигло 4,321 млн человек, что выше на 24,7%, чем в 2019 г. [ТАСС 2021].

В таких условиях проходил сбор данных в Петербурге — в кризис пандемии COVID-19. Ю. Андреева и Е. Лукьянова пишут, что пандемия не сказалась на стратегиях соискателей, которые остались неизменными в сравнении с допандемийным периодом [Андреева, Лукьянова 2021]. Однако сами соискатели столкнулись с новыми трудностями. Так, граждане, имеющие постоянное трудоустройство, отмечали, что опасаются сокращения зарплаты, но не опасаются увольнений. Соискатели, которые часто меняли место занятости, столкнулись с проблемами трудоустройства на время локдаунов. Наименьшее доверие у рабочих вызывали меры, связанные с переобучением без последующей помощи в трудоустройстве [Андреева, Лукьянова 2021]. В. Былков утверждает, что кризис COVID-19 отличается от других более высоким уровнем социальной напряжённости и стресса для соискателей [Былков 2021]. Также к особенностям кризиса исследователи относят рост уровня безработицы к концу 2020 г., формирование потребности для реализации новых услуг центров занятости: переобучение соискателей для гибридных и онлайн-форм занятости и др. [Кашепов, Афонина, Головачёв 2021]. Кроме того, у государственных центров занятости не было готовых решений для работы с соискателями в новых условиях, отчего выбираемые стратегии значительно разнились и был значительный запрос со стороны служб занятости на разработку новых подходов для работы [Вишневская 2023].

Можно обозначить два аспекта актуальности исследования о связи ценностных ориентаций и успеха в поиске работы. Первый является практическим: понимание такой связи позволит более эффективно оказывать содействие гражданам в поиске работы на принципах клиентоориентированности, то есть с учётом индивидуальных возможностей и потребностей граждан. Изменения рынка труда в сторону рынка занятости, актуальность привлечения экономически активного населения в разные отрасли экономики и решение вопросов кадрового дефицита требуют внедрения проактивного подхода к организации работы служб, осуществляющих посредничество между работодателями и соискателями. Формирование индивидуальных планов сопровождения участников проекта по карьерному сопровождению является одним из приоритетных направлений работы, заложенных в Федеральном проекте «Содействие занятости» Национального проекта «Демография» [Минтруд России 2021].

Второй аспект актуальности работы — теоретический. Важным видится рассмотрение факторов выбора тех или иных стратегий людьми на рынке труда [Ёлкина 2007; Козина, Попова 2007]. Решение таких теоретических проблем позволит повысить эффективность работы служб занятости, поскольку большинство реализуемых политик по борьбе с безработицей преимущественно неудачны и не позволяют в полной мере провести анализ по соотношению выгод и издержек [Crépon, Van Den Berg 2016]. Большой актуальностью обладают исследования, направленные на оценку таргетных политик в помощи для трудоустройства, в рамках которых разная помощь предлагается разным категориям граждан. Об этом свидетельствует работа М. Калиендо и Р. Шмидл, в которой авторы проанализировали эффективность мер, направленных на помощь молодёжи в трудоустройстве [Caliendo, Schmidl 2016]. Это исследование показывает, что наиболее эффективными оказываются меры, направленные на помощь в поиске работы, в то время как профессиональное обучение и переподготовка, выплата пособий дают смешанные результаты [Caliendo, Schmidl 2016]. К схожему выводу приходят исследователи отмечавшие негативные эффекты пособий и субсидирования [Boone, Ours 2004]. При получении пособий и субсидий безработные оказываются в пассивной позиции получателей помощи. В это же время помощь в поиске работы предполагает активную позицию со стороны соискателя: размещение резюме, посещение интервью, выполнение тестовых заданий и т. д. Всё это позволяет говорить о том, что разная политика может быть по-разному эффективна в зависимости от установок и ориентаций человека.

Основная цель данного исследования — определение связи между ценностными ориентациями и выбором соискателями той или иной стратегии действий на рынке труда. В рамках статьи, опираясь на теории внутреннего или внешнего локуса контроля Дж. Роттера [Rotter 1966], а также оптимизма или пессимизма А. Бандуры [Bandura 1977], концептуализируются ценностные ориентации, которые по-

нимаются конструируемыми действиями людей в логике Ж.-П. Сартра [Сартр 1989]. Через кластерный анализ выделяются устойчивые сочетания обозначенных ценностных ориентаций у соискателей. Для выделенных сочетаний найдены наиболее часто выбираемые стратегии действий на рынке труда. Выводы позволят сформировать более эффективную таргетированную политику службы занятости по работе с населением, основываясь на ценностных ориентациях соискателей.

Локус контроля, ценностные ориентации и стратегии действия на рынке труда

Современные исследования связи ценностных ориентаций и принимаемых людьми решений на рынке труда учитывают положения теории локуса контроля, предложенной Дж. Роттером [Rotter 1966]. Первоначально концепция нашла своё воплощение в психологических теориях личности. Локус контроля — это склонность человека приписывать ответственность за результаты своих действий либо внутренним причинам, либо внешним. Под внутренними причинами происходящих с человеком событий понимаются психологические качества: воля, целеустремлённость, рассудительность, внимательность и т. д. А под внешними — условия окружающей действительности, на которые человек не может повлиять: состояние экономики, мотивы других людей, инфраструктура и т. д.

В социологии к концепту локуса контроля обращаются в теории культуры бедности. Через культуру бедности стараются объяснить феномен воспроизводимой из поколения в поколение нищеты [Lewis 1959]. О. Льюис полагает, что в среде бедных людей воспитанием воспроизводится нормативная рамка, задающая границы допустимого поведения. Кроме отказа от более амбициозной работы в пользу более рутинной, но менее прибыльной, в числе признаков культуры бедности приводится идея объяснения людьми своего финансового неблагополучия через влияние не зависящих от человека обстоятельств, то есть через внешний локус контроля.

Заметный вклад в интерпретацию концепта локуса контроля, который привносит культура бедности, заключается в том, что склонность человека полагаться на себя или на других не детерминирована биологически. Льюис демонстрирует, что такие установки формируются через вторичную социализацию путём усвоения установок социальной группы, которая окружает человека. Данная теория подвергалась активной критике со стороны экзистенциальной социологии. Классической в этом смысле является работа К. Стак «All Our Kin» («Вся наша родня»). В ней исследовательница показывает, как концепт культуры бедности становится дискурсивной позицией, к которой обращаются власти для оправдания неэффективности предпринимаемых ими мер [Stack 1997]. Со схожей критикой выступает и А. О'Коннор, замечая, что основная часть работ о культуре бедности ориентирована на описание повседневных бытовых практик, но игнорирует широкий социальный контекст [O'Connor 2001]. В частности, в таких работах не продемонстрировано, как повседневные практики людей ограничиваются или, наоборот, стимулируются проводимой социальной политикой. И Стак, и О'Коннор пишут, что культура бедности невнимательна к индивидуальности человека, его переживаниям и устремлениям. Возможный ответ на такую критику — привлечение концепции ценностных ориентаций для объяснения персональных различий людей. В контексте труда такая связь ценностных ориентаций и работы встречается, например, в статьях Дж. Кларка, М. Симана, Р. Блунера [Clark 1959; Seeman 1959; Blauner 1964] и др. В американской эмпирической школе связь между установками в отношении труда и ценностями формировалась через осмысление экзистенциальной концепции отчуждения труда как индивидуального переживания человека, происходящего в условиях, когда его собственные ценностные ориентации не совпадают с ориентациями организации или, шире, общества, в котором он живёт. Развитие этого подхода подтолкнуло исследователей к разработке стандартизированных, надёжных и устойчивых шкал измерения установок среди работников. Ценностные ориентации в этой парадигме трансценденты культуре бедности, а потому могут иметь иное происхождение, а не усваиваться в раннем детстве, как это происходит с культурой бедности, что позволяет сделать теорию менее детерми-

нистской и потому менее удобным дискурсивным элементом в оправдании властями своего возможного бездействия.

Примером синтеза теории локуса контроля и теории ценностных ориентаций выступает работа Бандуры о теории социального обучения. В ней автор представляет свою позицию понимания роли ориентаций в поведении человека [Bandura 1977]. Он обращается к концепту самоэффективности (*self-efficacy*) — веры (ценностного убеждения) в собственную способность успешно выполнять конкретную задачу. Бандура приводит систематический критический обзор работ, посвящённых теориям внутренних мотивов поведения, и демонстрирует ограниченность таких подходов в понимании и интерпретации всего разнообразия человеческого поведения. Выход, заключает Бандура, может быть в добавлении другого измерения — ценностных ориентаций в существующие теории человеческих стратегий и решений.

Синтезом теории Бандуры и экзистенциального понимания отношения к труду как конструируемого самим человеком становится направление исследования ценностных ориентаций сотрудников. Они представлены в работе Дж. Арчибальда и его соавторов [Archibald, Eaton, Lipsey 1986].

Такой подход содержит изначальное экзистенциальное предположение, наследуемое из ранних работ о ценностных ориентациях в отношении к труду: человек своими действиями и решениями формирует собственное субъективное представление о рынке труда и положении себя в нём. Только потом сформированные убеждения влияют на то, как человек интерпретирует свои шансы на рынке труда, какую позицию при трудоустройстве он займёт [Owen 2011; Mercer 2018]. Эта позиция радикально отличается от более ранних моделей рынка труда, предложенных, например, в марксистской школе, где соискателей можно рассматривать преимущественно как гомогенную группу с единым набором целей и ценностей [Lubasz 1987].

Рассмотрение рынка труда с опорой на экзистенциальную философию может быть отнесено к традиции анализа бытия в экзистенциализме. Экзистенциальная философия обращается к сюжетам повседневности в различных своих течениях. Применительно к труду и занятости экзистенциальный подход можно обнаружить в работах Дж. Кларка, М. Симана и Р. Блунера. Среди современных работ, рассматривающих рынок труда с позиций экзистенциального подхода, можно привести исследования А. Маглио и её соавторов [Maglio, Butterfield, Borgen 2005], Ф. Миньота и Р. Ги [Mignot, Gee 2020].

В отечественной науке это направление не получило широкого распространения. Исследователи чаще обращались к модели, в которой ценностные ориентации не влияют напрямую на стратегии людей, но влияют опосредованно — на институты рынка труда [Магун 1998; Данилова 2013], образования [Половова 2010] и др. Также значительная часть работ рассматривают ценностные различия на рынке труда в контексте поколенческих различий [Гегель, Фролова 2012; Баринов 2017; Аранжин 2019; Калашникова et al. 2022]. Это отличие от американских исследований обусловлено во многом большим влиянием работ М. Рокича [Rokeach 1973] и Р. Инглхарта [Inglehart 2018] на исследования ценностей в США. В моделях и Рокича, и Инглхарта ценностные ориентации могут различаться от одного человека к другому, а также выражаться в конкретных действиях, решениях и убеждениях людей. В отечественной социологии, напротив, концепт ценностных ориентаций больше представлен в более широко разработанной теории поколений [Дубин 2002].

Недостаточная представленность в отечественной социологии исследования стратегий граждан на рынке труда с экзистенциальной (личной) перспективы делает актуальными исследования такого рода. В рамках данной работы основной целью было определить связь между ценностными ориентациями и выбором соискателями той или иной стратегии действий на рынке труда. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: типологизировать ценностные ориентации граждан на рынке труда;

выделить в зависимости от ковариации встречаемости ценностных ориентаций стратегии граждан на рынке труда; определить, какие ценностные ориентации чаще встречаются среди разных категорий граждан.

В основе исследования лежит экзистенциальное допущение Сартра о предшествовании существования существу [Сартр 1989: 342]. Пессимизм или оптимизм человека — это результат конкретных его действий (подробнее эта логика представлена на рисунке 1).

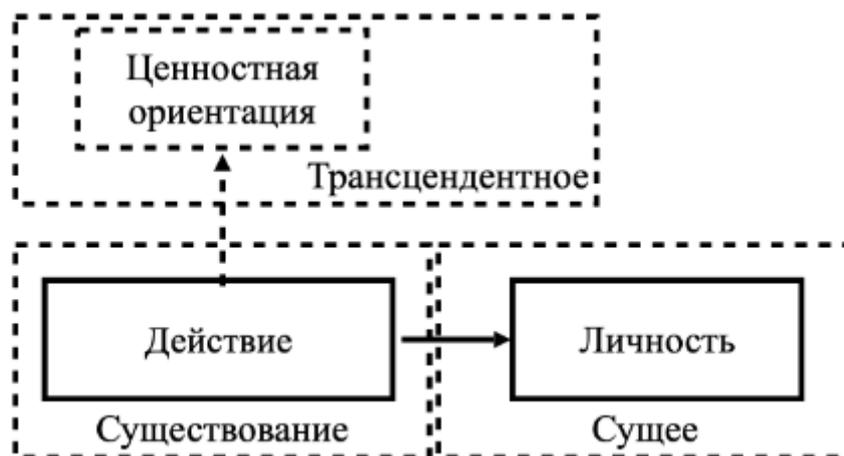


Рис. 1. Теоретическая модель связи ценностных ориентаций и личности

Действие человека опирается на трансцендентные для него ценностные ориентации. Руководствуясь этими ориентациями, человек создаёт собственную личность.

Описание базы данных и выборки

Эмпирическая база исследования основана на данных онлайн-опроса граждан, зарегистрировавшихся в качестве безработных в Центре занятости населения Санкт-Петербурга. Всего было зарегистрировано 65 534 человека, из них 1857 человек прошли опрос, который проводился в декабре 2020 г. — январе 2021 г. Период уникален, так как государством в рамках оказания мер поддержки пострадавшим от последствий кризиса COVID-19 были введены повышенные пособия для определённых категорий граждан, что способствовало резкому увеличению количества регистраций в качестве безработных в Центрах занятости населения Санкт-Петербурга, в том числе тех категорий граждан, которые ранее не обращались в службы занятости. В полученной выборке большинство прошедших опрос впервые зарегистрировались в Центре занятости населения Санкт-Петербурга (73,9%). В опросе приняли участие различные категории граждан: 35,7% мужчин и 64,3% женщин со следующим распределением по возрастным группам: 18–25 лет — 7,3%; 26–35 лет — 28,2%; 36–45 лет — 29,8%; 46–55 лет — 28,3%; старше 56 лет — 6,5%. Среди респондентов 45% имели несовершеннолетних детей; 49% состояли в браке; 12,5% сожительствовали, такая же доля была разведена. Не состояли в браке 24,3%; являлись вдовами или вдовцами 1,6%. Высшее образование имели 56,7% респондентов, незаконченное высшее — 8,1%, среднее профессиональное — 17,2%, среднее общее образование — 7,6%, неполное среднее — 1,4%. Среди респондентов со средним профессиональным или высшим образованием 36,6% имели техническое образование, 6,4% — естественно-научное, 51,4 — гуманитарное. Оставшиеся респонденты затруднились с ответом. Среди всех респондентов 35,1% ответили, что у них есть особенности здоровья, ограничивающие их в выполнении какой-либо работы. Коренными петербуржцами являлись 61,6% ответивших. Респонденты указали, что с началом кризиса COVID-19 у 64,3% значительно или немного ухудшилось финансовое положение (64,3 и 20,5% соответственно); не изменилось финансовое

положение у 9,6%, а улучшилось у 5,6% респондентов. У 54,6% граждан были люди на иждивении, в среднем — два человека. Среди респондентов, указавших год регистрации как безработного, 94,3% назвали 2020 г., 1,8% — 2021 г., 4% — 2019 г.

Обоснование формулировок вопросов, теоретические построения и процедура анализа данных

Выявление ценностных ориентаций построено на методологическом подходе Р. Инглхарта, в котором утверждается важность предоставления респондентам возможности выбирать среди понятных и однозначных формулировок (установок) [Инглхарт 2020]. Интерпретационная теоретическая рамка строится в виде ряда дихотомий-интуиций, а не строгой и сложной модели: вера в себя или вера в других; пессимизм или оптимизм.

Согласно этой логике была выбрана концептуальная дихотомия пессимизма и оптимизма, то есть двух мировоззренческих позиций, которые, как показывает М. Селигман, способны значительно влиять на поведения отдельных людей и индивидуальный успех [Селигман 2013]. В понимании Селигмана оптимизм — это когнитивное искажение, при котором человек понимает трудности и проблемы как временные и преходящие события, а хорошие события — как устойчивые и длительные. Во время исследования респонденты находились в трудной для них ситуации безработицы. Оптимисты ожидали перемен, так как считали, что трудности преходящи, а новое должно принести для них только хорошее. Пессимизм является противоположностью оптимизма и соответствующей оценки ситуации. Реализму свойственна оценка длительности и вероятности пессимистичных и оптимистичных сценариев, согласованная с действительными вероятностями их наступления.

Второй дихотомической парой выступали внутренний и внешний локусы контроля в том виде, в каком их предложил Роттер [Rotter 1966]. Внутренний локус контроля предполагает ориентацию на внутренние силы и личные возможности. Внешний локус контроля — ориентацию на внешние по отношению к человеку обстоятельства и ресурсы других людей и организаций.

Данные дихотомии также могут быть представлены, опираясь на схему, приведённую на рисунке 1; на рисунке 2 приведена схема для пессимизма.



Рис. 2. Теоретическая модель связи пессимизма и ценностной ориентации недоверия к новому

Ценностная ориентация недоверия к новому может выражаться в недоверии к оказываемой поддержке или к идее смены занятости, например. Избегание новых возможностей приведёт со временем к тому, что человек станет пессимистом. Такую же схему можно реализовать и для внутреннего локуса контроля (см. рис. 3).



Рис. 3. Теоретическая модель связи ценностной ориентации веры в себя и преобладания внутреннего локуса контроля

Человек, верящий только или преимущественно в себя, старается отказываться от внешней помощи. Итогом таких действий становится формирование личности с преобладанием внутреннего локуса контроля, элементом которой является ценностная ориентация «вера только в себя». Интерес к новым возможностям приводит к оптимистичному складу личности. Практика опираться преимущественно или только на других людей приводит к преобладанию внешнего локуса контроля. По аналогии со схемами на рисунках 2 и 3 можно объяснить оптимизм (см. рис. 4) и внешний локус контроля (см. рис. 5).

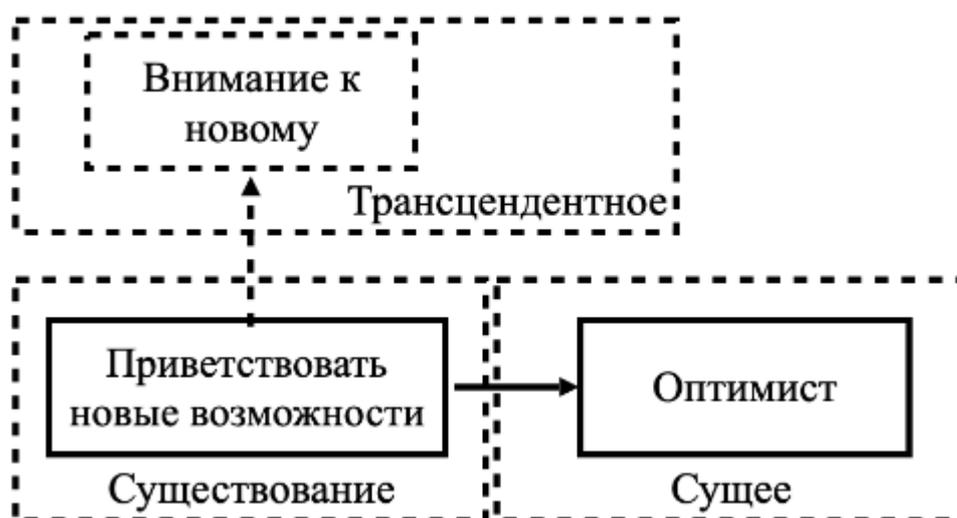


Рис. 4. Теоретическая модель связи ценностной ориентации внимания к новому и оптимистичного склада личности



Рис. 5. Теоретическая модель связи ценности конформизма и преобладания внешнего локуса контроля

Опираясь на предложенные теоретические построения, можно сформулировать гипотезы исследования.

Гипотеза 1 (H 1). Выраженная опора на других, как и опора на себя, будет, скорее, препятствовать активности граждан на рынке труда. Опора на себя будет толкать людей отказываться от внешней помощи, а выраженная опора на других — занимать более пассивную позицию.

Гипотеза 2 (H 2). Опора на себя в совокупности с оптимизмом будут, скорее, способствовать взаимодействию со службой занятости, так как у людей с такими ценностными ориентациями менее вероятны предубеждения в отношении службы занятости и более проактивная позиция.

Гипотеза 3 (H 3). Респонденты будут больше заинтересованы в помощи в трудоустройстве, нежели в переобучении.

В соответствии с предположением о пессимизме и оптимизме и внешнем и внутреннем локусе контроля, как следствиях ценностных ориентаций, был сформулирован ряд высказываний, с которыми респондентам было предложено согласиться или не согласиться. Высказывания были составлены авторами исследования, после чего были представлены экспертам-специалистам Службы занятости Санкт-Петербурга. Их комментарии были учтены в итоговом варианте формулировок. В анализе переменные были закодированы как ранговые шкалы: 1 — полностью не согласен; 2 — скорее не согласен; 3 — скорее согласен; 4 — полностью согласен.

Высказывания, которые нами априори связывались с оптимистическими ценностными ориентациями, были следующими:

- оптимистический взгляд на жизнь помогает в поиске работы;
- поиск работы является нормальным жизненным этапом для всех людей, вне зависимости от возраста, уровня квалификации и т. д.

Высказывания, которые нами априори связывались с пессимистическими ценностными ориентациями:

- никакие утешения или моральная поддержка не помогают человеку при поиске работы;
- начинать заново искать работу после большого стажа работы является показателем, что в жизни пошло что-то не так.

Высказывания, которые нами априори связывались с внешним локусом контроля:

- удача играет существенную роль при поиске работы;
- успех в поиске работы зависит от работодателей, какие возможности они предлагают.

Высказывания, которые нами априори связывались с внутренним локусом контроля:

- успех в поиске работы зависит только от усилий, которые прикладывает человек;
- заинтересованный человек всегда сможет найти работу.

Для выделения среди респондентов групп с устойчивыми наборами ценностных ориентаций был проведён кластерный анализ приведённых выше восьми переменных методом к-средних. Для оценки получившихся кластеров использовались силуэтная мера и индекс Дэвиса—Болдуина. Далее для получившихся кластеров измерялись их различия по выбранным стратегиям поиска работы. Под стратегиями понималась совокупность предпринимаемых гражданами действий по поиску работы. Стратегии поиска работы измерялись при помощи следующих переменных:

- *предпринимаемые действия по поиску работы*. Респондентам был задан вопрос, при ответе на который они могли отметить любое число подходящих им вариантов:

Предпринимали ли Вы в течение последнего месяца следующие действия?

- ✓ Готовил(а) резюме;
- ✓ Размещал(а) резюме на интернет-сайтах по поиску работы;
- ✓ Размещал(а) резюме в Службе занятости населения;
- ✓ Размещал(а) резюме или пост с объявлением в социальных сетях;
- ✓ Обращался(лась) за помощью к друзьям и знакомым;
- ✓ Обращался(лась) к работодателю напрямую;
- ✓ Проходил(а) собеседование.

Ответы были закодированы в дихотомические переменные, после чего подсчитывалась их сумма для каждого респондента, то есть количество отмеченных вариантов ответа. Это количество было названо активностью респондента. Респонденты были проранжированы от наиболее активного к наименее активному с присвоением соответствующего ранга каждому из них. Для кластера считался средний ранг;

- *стратегии, связанные с центром занятости*. Респондентам был задан вопрос: «За какой услугой Вы обратились в Службу занятости населения СПб?». Среди вариантов ответов были следующие: содействие в поиске работы; информирование о положении на рынке труда; получение пособия; регистрация в качестве безработного; помощь в организации профессиональ-

ной ориентации; психологическая поддержка; помощь в профессиональном обучении. При ответе можно было выбрать до трёх вариантов.

Статистическая значимость различий между получившимися кластерами оценивалась при помощи критерия Краскела—Уоллиса и Хи-квадрата.

Более детальный анализ позволил выделить, к каким действиям прибегали респонденты чаще в каждом из кластеров. Для этого были подсчитаны доля респондентов, выбравших соответствующие варианты ответа, а также статистическая значимость различий каждого кластера от каждого из двух остальных при помощи критерия Краскела—Уоллиса.

Результаты исследования

Ценностные ориентации безработных

Были выделены три кластера безработных в зависимости от установок и ценностных ориентаций, которые состоят из этих установок (силуэтная мера составила 0,142; индекс Дэвиса—Болдуина: 1,93).

Первый кластер. Доля данного кластера составила 29,2% от всех опрошенных. Представители данной категории граждан чаще, чем в среднем по выборке:

- не верят, что успех зависит от усилий, которые прикладывает человек при поиске работы, а также в то, что мотивация играет роль при поиске работы;
- склонны верить, что поиск работы не является нормальным жизненным этапом, а выступает признаком того, что в жизни что-то пошло не так;
- отрицают вклад моральной поддержки при поиске работы.

Второй кластер. В общей выборке доля данного кластера составила 29,7%. Представители данной категории граждан чаще, чем в среднем по выборке:

- верят, что всё зависит от них, а также придают больший вес мотивации при поиске работы;
- отмечают важность оптимистического взгляда в целом;
- воспринимают поиск работы как признак того, что что-то пошло не так. Это подтверждает изначальное теоретическое утверждение о понимании поиска работы как стрессовой ситуации и оптимистами, и пессимистами;
- соглашаются, что успех в поиске работы зависит от работодателей, от того, какие возможности они предлагает, однако роль моральной поддержки чаще отрицают.

Третий кластер. Доля в общей выборке наибольшая и составила 41,0%. Люди, вошедшие в эту группу, чаще, чем в среднем по выборке:

- верят, что всё зависит от них, а также чаще остальных убеждены в значительной роли мотивации при поиске работы;

- исключают роль удачи при поиске работы, но при этом отмечают важность оптимистического взгляда в целом;
- верят, что поиск работы — это нормальный жизненный этап, и не воспринимают его как признак того, что что-то в их жизни идёт не так;
- не соглашались, что успех в поиске работы зависит от работодателей и от того, какие возможности те предлагают;
- отмечают важность моральной поддержки.

Подробнее средние значения для ранговых переменных, которые использовались для оценки стратегий поиска работы, приведены в таблице 1.

Таблица 1

Ориентации граждан в отношении поиска работы

Ценностная ориентация	Средние значения по выборке	Первый кластер	Второй кластер	Третий кластер
Успех в поиске работы зависит только от усилий, которые прикладывает человек	1,98	2,83*	1,5*	1,72*
Удача играет существенную роль при поиске работы	1,95	1,98	1,82*	2,02
Оптимистичный взгляд на жизнь помогает в поиске работы	1,67	2,29*	1,4*	1,42*
Начинать заново искать работу после большого стажа работы — показатель, что в жизни что-то пошло не так	2,67	2,57*	1,75	3,41
Успех в поиске работы зависит от работодателей и от того, какие возможности те предлагают	1,96	1,97*	1,71*	2,14*
Заинтересованный человек всегда сможет найти работу	2,06	2,89*	1,69	1,73
Поиск работы является нормальным жизненным этапом для всех людей, вне зависимости от возраста, уровня квалификации и проч.	1,72	2,35*	1,61*	1,36*
Никакие утешения или моральная поддержка не помогают человеку при поиске работы	2,61	2,21	2,29	3,12*

* $p < 0,01$ по тесту Краскела—Уоллиса.

Первый кластер сильно выделяется по ценностным ориентациям по сравнению со вторым и третьим и несёт явно выраженный пессимистический взгляд на рынок труда, характеризуется преобладанием внешнего локуса контроля, то есть его представители всё происходящее склонны объяснять внешними условиями, а не собственными ошибками. Данную категорию граждан по установкам можно охарактеризовать как людей с «выученной беспомощностью», то есть тех, кто по разным причинам и обстоятельствам в настоящий момент не предпринимает самостоятельных усилий по преодолению ситуации. Вторым и третьим кластерами, наоборот, схожи друг с другом с точки зрения взгляда на рынок труда: представители этих кластеров имеют в целом оптимистический взгляд на рынок труда и в первую очередь осознают важность собственных усилий при поиске работы. Однако во второй группе по сравнению с третьей более выражена позиция ответственности и надежды на себя, а также отказ от внешней поддержки.

Связь ценностных ориентаций и стратегий граждан по поиску работы

Рассмотрим, что показал анализ связи степени активности в поиске работы, а также готовности к переобучению в зависимости от ценностных ориентаций в условиях кризиса COVID-19 (см. табл. 2).

Таблица 2

Средние ранги респондентов по уровню активности в поиске работы*

Кластер	Средний ранг
Первый	903,81
Второй	939,29
Третий	867,00

* Хи-квадрат: 6,271; асимптотическая значимость критерия Краскела—Уоллиса: 0,043.

Наибольшее количество попыток обращения к разным стратегиям по поиску работы предпринимает третий кластер. Это справедливо по оценке общего уровня активности в поиске работы (см. табл. 2). Респонденты, которые стараются придерживаться баланса в опоре на себя и на окружающих, оказываются наиболее активными. Они в равной мере обращаются к мобилизации собственных ресурсов и к помощи со стороны окружения. Респонденты, имеющие внутренний локус контроля, склонны больше опираться на себя, поэтому отказываются от многих возможностей, которые им предлагают службы занятости или сервисы по поиску работы (их ранг по количеству выбранных вариантов ниже). Однако этот эффект не такой сильный, как у первого кластера, поскольку отчасти эти возможности рассматриваются сквозь призму их понимания как новых возможностей. Респонденты с внешним локусом контроля и пессимизмом оказываются наименее активными в случае с использованием инструментов поиска работы. Они стараются полагаться на других, поэтому не проявляют активность самостоятельно. Кроме того, они относятся скептически к новым возможностям. Наибольшую активность показывает умеренный третий кластер, избегая крайностей позиций первых двух кластеров. Для более детального анализа была рассмотрена встречаемость тех или иных действий в каждом из кластеров (результаты приведены в таблице 3).

Таблица 3

Стратегии граждан в отношении поиска работы

Действие	Средние значения по выборке	Первый кластер	Второй кластер	Третий кластер
Размещал(а) резюме в Службе занятости населения	45,0%	46,0%	50,4%	40,4%*
Размещал(а) резюме/пост с объявлением в социальных сетях	20,1%	19,3%	26,6%*	16,0%*

* $p < 0,05$ по тесту Краскела—Уоллиса.

Значимые различия наблюдаются только в отношении размещения резюме в Службе занятости и постов в социальных сетях. Респонденты из третьего кластера статистически реже размещали резюме в службе занятости, а респонденты из второго кластера чаще размещали резюме в социальных сетях.

Также был проведён анализ стратегий, связанных с получением помощи со стороны службы занятости (см. табл. 4).

Таблица 4

Стратегии граждан, связанные с центром занятости

Стратегия	Средние значения по выборке	Первый кластер	Второй кластер	Третий кластер
Содействие в поиске работы	66,0%	66,2%	69,1%*	63,8%
Информирование о положении на рынке труда	5,8%	6,8%	5,7%	5,0%
Получение пособия	82,6%	80,6%	84,8%	82,6%
Регистрация в качестве безработного	62,6%	58,6%	66,1%*	63,0%
Помощь в организации профессиональной ориентации	11,3%	14,4%*	9,1%	10,4%
Психологическая поддержка	2,2%	2,3%	2,1%	2,1%
Помощь в профессиональном обучении	20,4%	21,6%	17,3%	21,6%

* $p < 0,05$ по тесту Краскела—Уоллиса.

Результаты показывают, что наиболее тесной кооперация с центром занятости оказывается у второго кластера.

Выводы и обсуждение

Относительно цели исследования, которая заключалась в определении связи между ценностными ориентациями и выбором соискателями той или иной стратегии действий на рынке труда, можно сделать несколько теоретических и эмпирических выводов. Ценностные ориентации представляют собой результат действий человека, они подталкивают человека к тому или иному выбору стратегий на рынке труда. Среди таких ценностных ориентаций были выделены опора на себя или на окружающих; пессимизм или оптимизм.

Поведение человека, при котором он избегает нового, приводит к недоверию к любым изменениям и, соответственно, к пессимизму. Обратная этому ситуация приводит к оптимизму. Поведение человека, при котором он доверяет преимущественно окружающим, приводит к формированию ценностной ориентации «опоры на других», то есть к внешнему локусу контроля. Обратное этому поведение приводит к формированию внутреннего локуса контроля.

Кластерный анализ продемонстрировал, что опора на себя связана с оптимизмом (первый кластер — 29,2% от всех опрошенных), а опора на других — с пессимизмом (второй кластер — 29,7% от всех опрошенных). Умеренная же позиция соотношения опоры на себя и на других сильнее связана с оптимизмом (третий кластер — 41,0% от всех опрошенных). Дальнейший анализ при помощи мер сравнения показал, что люди с умеренными ценностными ориентациями наиболее активны в выборе различных стратегий на рынке труда, что подтверждает гипотезу 1 (H 1). Гипотеза 2 (H 2) о связи оптимизма, опоры на себя и взаимодействия со службой занятости также нашла своё подтверждение. Респонденты второго кластера чаще обращались за различной помощью в службу занятости, что обусловливается сформированной у них проактивной позицией и отсутствием завышенных ожиданий от учреждения. Также можно говорить о том, что результатами подтверждена гипотеза 3 (H 3): респонденты действительно скорее заинтересованы в помощи в трудоустройстве, нежели в профессиональной переподготовке (66 против 20,4% респондентов).

Полученные результаты можно сопоставить с данными о стратегиях граждан на рынке труда до кризиса COVID-19 и после него. Тезис о том, что соискатели скорее будут заинтересованы в помощи в трудоустройстве как стратегии, нежели в профессиональной переподготовке, который Андреева и Лукьянова доказывают для периода COVID-19 [Андреева, Лукьянова 2021], оказывается справедливым и для периода до пандемии, о чём пишет Э. Хузиева: «Наиболее востребованными являются меры, направленные на помощь в трудоустройстве после обучения и софинансирование заинтересованного работодателя в переподготовке» [Хузиева 2018: 203]. Эти же выводы справедливы и для данных нашего исследования; тенденцию можно считать устойчивой к изменениям, которые привнес на рынок труда кризис COVID-19.

Ю. Свинухова среди факторов, влияющих на постпандемийные стратегии действий граждан на рынке труда, выделяет их опыт столкновения с институциональными ограничениями. Обращения к социальным связям, а также использование интернет-агрегаторов более характерны для людей с большим опытом взаимодействия с государственными службами занятости. Это подтверждает полученный результат: второй кластер, который чаще размещал резюме в службе занятости (и, соответственно, сталкивался с институциональными барьерами), но не обрёл чувство выученной беспомощности, как в первом кластере, чаще остальных размещал резюме и в социальных сетях, обращаясь тем самым к социальным связям [Свинухова 2023]. Таким образом, косвенно подтверждаются наблюдения об устойчивости ряда стратегий граждан к изменениям, вызванным пандемией [Андреева, Лукьянова 2021].

Полученные результаты позволяют сделать выводы, что при помощи гражданам, зарегистрировавшимся в качестве безработных, во-первых, требуется учитывать их общий взгляд на рынок труда, ценностные ориентации, поскольку для людей с разными ценностными ориентациями нужны разные программы. Обращаясь к экзистенциальной философии Сартра, где ценностные ориентации являются следствием действий человека, можно ожидать, что изменение действий приведёт к изменению сущего и соответственно — взгляда на рынок труда и предлагаемые услуги центров занятости. Для типа респондентов с внутренним локусом контроля и оптимизмом могут быть полезны консультации, формирующие более реалистичный взгляд на рынок труда. Для граждан с преобладающими пессимизмом и внешним локусом контроля могут оказаться полезны программы, формирующие у них более активную позицию. Программы же общего характера, не учитывающие установки и ориентации, должны давать смешанные результаты. Такие программы не особенно эффективны, что подтверждают исследования (см.: [Crépon, Berg 2016]). Но если говорить про отдельные меры помощи, ориентированные на всё население в целом, то, так как доля первого кластера является наименьшей среди всех, можно предположить, что наиболее эффективными будут такие, которые ориентированы на формирование у граждан проактивной позиции.

Данное исследование имеет ограничения. Прежде всего, результаты исследования отражают взаимосвязи ценностных ориентаций и стратегий действия на рынке труда граждан, зарегистрированных в качестве безработных в Санкт-Петербурге, что делает распространение выводов на более широкую совокупность российских безработных затруднительным. Кроме того, следует иметь в виду смещённость выборки, так как на рассылаемую онлайн-анкету склонны отвечать более лояльные к службе занятости граждане, а также те, кто имел время и возможность это сделать. И наконец, исследование проводилось в особое время — в период кризиса, вызванного COVID-19, и респонденты могли испытывать дополнительное давление этого обстоятельства.

Целью данного исследования не являлось понимание ситуации в конкретных профессиональных группах, что можно было бы выделить в качестве одного из направлений дальнейших исследований. Ведь даже в условиях кадрового избытка существуют сферы с хроническим дефицитом кадров [Judina, Riazantseva 2024], где стратегии людей могут быть иными. Другим важным экзистенциальным фактором может быть социальное одиночество, риск которого повышен для безработных, о чём пишут А. Никитин и его соавторы (см.: [Никитин et al. 2022]). Влияние одиночества на ценностные ориентации в контексте поиска работы также видится явлением, которое заслуживает исследовательского внимания.

Литература

- Андреева Ю. В. Лукьянова Е. Л. 2021. Стратегии занятости рабочих в период пандемии COVID-19. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 3: 271–289.
- Аранжин В. В. 2019. Влияние цифровой экономики на трудовые ценности поколения, входящего на рынок труда. *Векторы благополучия: экономика и социум*. 4 (35): 91–100.
- Баринов Д. Н. 2017. Трудовые ценности и девиантные модели поведения молодёжи на рынке труда. *Бюллетень науки и практики*. 12 (25): 484–491.
- Былков В. Г. 2021. Функционирование регионального рынка труда в условиях пандемии COVID-19. *Известия Байкальского государственного университета*. 31 (1): 43–51.
- Вишневская Н. Т. 2023. Роль государства в восстановлении рынка труда в постпандемийный период (на примере стран ОЭСР). *Вопросы государственного и муниципального управления*. 4: 150–172.

- Гегель Л. А. Фролова Ю. С. 2012. Ценности современного студенчества и конкурентоспособность на рынке труда. *Социально-гуманитарные знания*. 5: 229–240.
- Григорьева И., Равчик М. 2023. Экосистема городских сервисов (ЭГС): приоритетные потребности в социальных (электронных) услугах старшего поколения. *Журнал исследований социальной политики*. 21 (3): 551–564.
- Данилова Е. Н. 2013. Баланс индивидуалистских и коллективистских ценностей: сравнение Санкт-Петербурга и Шанхая. *Социологическая наука и социальная практика*. (2): 87–107.
- Дубин Б. 2002. Поколение: социологические границы понятия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2: 11–15.
- Ёлкина О. С. 2007. Основные закономерности стратегий экономического поведения работников на рынке труда (на основе данных социологических исследований). *Вестник Омского университета*. 1: 89–96.
- Инглхарт Р. 2020. *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Литрес.
- Калашникова И. В. et al. 2022. Ценности и предпочтения молодёжи на российском рынке труда. *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. 1 (64): 145–154.
- Кашепов А. В., Афонина К. В., Головачёв Н. В. 2021. Рынок труда РФ в 2020-2021 гг.: безработица и структурные изменения. *Социально-трудовые исследования*. 2 (43): 33–44.
- Козина И., Попова И. 2007. «Слабые группы» на рынке труда: гендерная специфика мотивации поведения. *Журнал исследований социальной политики*. 5 (3): 365–386.
- Магун В. С. 1998. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание. *Мир России. Социология. Этнология*. 7 (4): 113–144.
- Мещеряков Б., Зинченко В. 2004. *Большой психологический словарь*. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Минтруд России. 2021. *Федеральный проект «Содействие занятости»*. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/2>
- Никитин А. Н. et al. 2022. Одиночество и потеря работы: связь и социально-опасное влияние. *Московский экономический журнал*. 7 (2): 750–758.
- Половова Т. А. 2010. Цена и ценность образования в инновационной экономике. *Высшее образование в России*. 2: 140–145.
- Сартр Ж. П. 1989. Экзистенциализм — это гуманизм. В кн.: Яковлев А. А. (сост.) *Сумерки богов*: М.: Политиздат; 319–344.
- Свиныхова Ю. Н. 2023. Стратегии эффективного трудоустройства в условиях текущих особенностей российского рынка труда: конвергенция формальных и неформальных механизмов. *Национальная безопасность*. 3: 79–93.

- Селигман М. 2013. *Как научиться оптимизму: измените взгляд на мир и свою жизнь*. М.: Альпина Паблишер.
- Стофарандова В. В., Мисриханова Б. А., Салихов Г. Ш., 2022. К вопросу о структурных изменениях регионального рынка труда в современный период. *Экономика: вчера, сегодня и завтра*. 12 (9А): 113–121.
- ТАСС. 2021. *Росстат: число безработных в России в 2020 году выросло на 24,7%*. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10572707>
- Хузиева Э. Ф., 2018. Образовательные стратегии безработных: опыт социологического исследования. *Вестник экономики, права и социологии*. 2: 201–203.
- Archibald G. C., Eaton B. C., Lipsey R. G., 1986. Address Models of Value Theory. In: Stiglitz J. E., Mathewson G. F. (eds) *New Developments in the Analysis of Market Structure: Proceedings of a conference held by the International Economic Association in Ottawa, Canada*. London: Palgrave Macmillan, pp. 3–52.
- Bandura A. 1977. *Social Learning Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Blauner R. 1964. *Alienation and Freedom*. Chicago: University of Chicago Press.
- Boone J., Ours J. C. van. 2004. *Effective Active Labor Market Policies*. Bonn: IZA.
- Caliendo M., Schmidl R. 2016. Youth Unemployment and Active Labor Market Policies in Europe. *IZA Journal of Labor Policy*. 5: 1–30.
- Chen N., Sun D., Chen J. 2022. Digital Transformation, Labour Share, and Industrial Heterogeneity. *Journal of Innovation & Knowledge*. 7 (2): art. 100173. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2444569X22000130>
- Clark J. P. 1959. Measuring Alienation within a Social System. *American Sociological Review*. 24 (6): 849–852.
- Crépon B., Berg G. J. van den. 2016. Active Labor Market Policies. *Annual Review of Economics*. 8 (1): 521–546.
- Inglehart R. 2018. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press.
- Judina D. I., Riazantseva A. V. 2024. Analysis of Public Discussions in Social Media as a Method for Studying Social Issues. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 6 (1): 100–123.
- Lewis O. 1959. *Five Families: Mexican Case Studies in the Culture of Poverty*. New York: Basic Books.
- Lubasz H. 1987. Alienated Labour. *Hegel Bulletin*. 8 (2): 13–25.
- Maglio A. S. T., Butterfield L. D., Borgen W. A. 2005. Existential Considerations for Contemporary Career Counseling. *Journal of Employment Counseling*. 42 (2): 75–92.
- Mercer S. J. R. 2018. *Humanism and the Ideology of Work* (Doctoral Dissertation). University of Chester, United Kingdom. URL: <http://hdl.handle.net/10034/622688>

- Mignot P., Gee R. 2020. Precarity as an Existential Phenomenon within a Post-Industrial Labour Market. In: Scandrett E. (ed.) *Public Sociology as Educational Practice: Challenges, Dialogues and Counter-Publics*. Bristol, UK: Bristol University Press; 239–252.
- O’Conor A. 2001. *Poverty Knowledge: Social Science, Social Policy and the Poor in the Twentieth-century U.S. History*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Øyen S. A. 2011. The Existentialistic Subject Today. In: Timieniecka A.-T. (ed.) *Phenomenology/Ontopoiesis Retrieving Geo-Cosmic Horizons of Antiquity: Logos and Life*. Analecta Husserliana. The Yearbook of Phenomenological Research. 110 (1). New York: Springer; 61–74.
- Rokeach M. 1973. *The Nature of Human Values*. New York: Free Press.
- Rotter J. B. 1966. Generalized Expectancies for Internal Versus External Control of Reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*. 80 (1): 1–28.
- Seeman M. 1959. On the Meaning of Alienation, *American Sociological Review*. 24 (6): 783–791.
- Stack C. B. 1997. *All Our Kin: Strategies for Survival in a Black Community*. New York: Basic Books.
- Wood A. J., Burchell B., Lewis A. 2018. Unemployment and Well-Being. In: Lewis A. (ed.) *The Cambridge Handbook of Psychology and Economic Behaviour*. Cambridge: Cambridge University Press, 234–259.

BEYOND BORDERS

Anastasia Alexandrova, Maya Rusakova, Sergey Tkach

Value Orientations and Job Search Strategies of St. Petersburg Residents in the Context of the COVID-19 Crisis

ALEXANDROVA, Anastasia — **Abstract**

Center for Applied Sociology,
St. Petersburg State University,
Deputy Director. Address:
1/3 Smolny Street, Entrance 9,
191124, St. Petersburg,
Russian Federation.

Email: a.a.alexandrova@spbu.ru

RUSAKOVA, Maya —
Candidate of Sociological
Sciences, Center for Applied
Sociology, St. Petersburg State
University, Director. Address:
1/3 Smolny Street, Entrance 9,
191124, St. Petersburg,
Russian Federation.

Email: m.rusakova@spbu.ru

TKACH, Sergey — Center
for Applied Sociology, St.
Petersburg State University,
Leading Sociologist. Address:
1/3 Smolny Street, Entrance 9,
191124, St. Petersburg,
Russian Federation.

Email: s.tkach@spbu.ru

The article examines the relationship between value orientations and job search strategies of the unemployed in St. Petersburg. The authors rely on the existential understanding of attitudes as constructed by people's actions, pushing them to form certain value orientations. Orientations influence people's vision of the state of the labor market and their chances in it. The empirical database included questionnaires from 1,857 people registered as unemployed with the St. Petersburg Employment Service. The main tool of analysis was cluster analysis using the *K*-means method. The resulting clusters were assessed using the silhouette measure and the Davis—Baldwin index. The statistical significance of differences between clusters was determined using the Kruskal—Wallis test. Three stable clusters were identified: pessimists with a predominant orientation of reliance on others (29.2% of respondents), optimists with a predominant reliance on themselves (29.7% of respondents), and optimists with moderate orientations—relying on themselves and others (41% of respondents). It is shown that the prevalence of value orientations of optimism (the first cluster), as well as value orientations of pessimism (the second cluster), makes people less active in using support measures in the labor market and also reduces their willingness to undergo retraining. The prevalence of value attitudes of optimism in combination with reliance on themselves, at the same time, contributes to greater cooperation with employment centers. Also, respondents are more interested in assistance in employment than in professional retraining. The results obtained make a significant contribution to the discussion about the prospects of the existential approach in labor market research, and the conclusions can form the basis for individualized programs to help job seekers that take into account the value orientations of citizens.

Keywords: existentialism; labor market; value systems; locus of control; pessimism; optimism; self-reliance; reliance on others.

Acknowledgements

The work was done with the support of St. Petersburg State University, project code 121062300141-5.

The team of authors thanks Dmitry S. Cherneyko for the scientific advice in the preparation of this article.

References

- Andreyeva Yu. V., Lukyanova Ye. L. (2021) Strategii zanyatosti rabochikh v period pandemii COVID-19 [Workers Employment Strategies during the COVID-19 Pandemic]. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsialnyye peremeny*, no 3, pp. 271–289 (in Russian).
- Arangin V.V. (2019) Vliyanie tsifrovoy ekonomiki na trudovye tsennosti pokoleniya, vkhodyashchego na rynek truda [The Impact of the Digital Economy on the Labor Values of the Generation Entering the Labor Market]. *Journal of Wellbeing Technologies = Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*, no 4 (35), pp. 91–100 (in Russian).
- Archibald G. C., Eaton B. C., Lipsey R. G. (1986) Address Models of Value Theory. *New Developments in the Analysis of Market Structure: Proceedings of a Conference Held by the International Economic Association in Ottawa, Canada* (eds. J. E. Stiglitz, G. F. Mathewson), London: Palgrave Macmillan, pp. 3–52.
- Bandura A. (1977) *Social Learning Theory*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Barinov D. N. (2017) Trudovye tsennosti i deviantnye modeli povedeniya molodezhi na rynke truda [Labor Values and Deviant Behavior Patterns of Youth in the Labor Market]. *Bulletin of Science and Practice = Byulleten' nauki i praktiki*, no 12 (25), pp. 484–491 (in Russian).
- Bylkov V.G. (2021) Phunktsionirovaniye regionalnogo rynka truda v usloviyakh pandemii COVID-19 [Functioning of the Regional Labor Market in the Conditions of the Covid-19 Pandemic]. *Bulletin of the Baikal State University = Izvestiya Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 31, no 1, pp. 43–51 (in Russian).
- Blauner R. (1964) *Alienation and Freedom*, Chicago: University of Chicago Press
- Boone J., Ours J. C. van (2004) *Effective Active Labor Market Policies*, Bonn: IZA.
- Caliendo M., Schmidl R. (2016) Youth Unemployment and Active Labor Market Policies in Europe. *IZA Journal of Labor Policy*, no 5, pp. 1-30.
- Chen N., Sun D., Chen J. (2022) Digital Transformation, Labour Share, and Industrial Heterogeneity. *Journal of Innovation & Knowledge*, vol. 7 no 2, art. 100173. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2444569X22000130> (accessed 13 November 2024).
- Clark J. P. (1959) Measuring Alienation within a Social System. *American Sociological Review*, vol. 24, no 6, pp. 849–852.
- Crepon B., Berg G. J. van den (2016) Active Labor Market Policies. *Annual Review of Economics*, vol. 8, no 1, pp. 521–546.
- Danilova E. N. (2013) Balans individualistskikh i kollektivistiskikh tsennostey: sravnenie Sankt-Peterburga i Shankhaya [Balancing Individualist and Collectivist Values: A Comparison of St. Petersburg and Shanghai]. *Sociological Science and Social Practice = Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, no 2, pp. 87–107 (in Russian).

- Dubin B. (2002) Pokolenie: sotsiologicheskie granitsy ponyatiya [Generation: Sociological Boundaries of the Concept]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 2, pp. 11–15 (in Russian).
- Hegel L. A., Frolova Yu. S. (2012) Tsennosti sovremennogo studenchestva i konkurento-sposobnost' na rynke truda [Values of Modern Students and Competitiveness in the Labor Market]. *Social and Humanitarian Knowledge = Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no 5, pp. 229–240 (in Russian).
- Grigoryeva I., Ravchik M. (2023) Ekosistema gorodskikh servisov (JeGS): prioritetye potrebnosti v sotsial'nykh (elektronnykh) uslugakh starshego pokoleniya [Ecosystem of Urban Services (Eus): Priority Needs for Social (Digital) Services of the Older Generation]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 21 no 3, pp. 551–564 (in Russian).
- Inglehart R. (2018) *Culture Shift in Advanced Industrial Society*, Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R. (2020) *Kul'turnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution. How Human Motivations Change and How It Changes the World], Moscow: Litres (in Russian).
- Judina D. I., Riazantseva A. V. (2024) Analysis of Public Discussions in Social Media as a Method for Studying Social Issues. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, vol. 6, no 1, pp. 100–123.
- Kalashnikova I. V., Medvedeva G. G., Sigitova M. A., Filippova K. V. (2022) Tsennosti i predpochteniya molodezhi na rossiyskom rynke truda [Values and Preferences of Young People in the Russian Labor Market]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 1 (64), pp. 145–154 (in Russian).
- Kashepov A. V., Afonina K. V., Golovachev N. V. (2021) Rynok truda RF v 2020–2021 gg.: bezrobotitsa i strukturnyye izmeneniya [The Russian Labor Market in 2020–2021: Unemployment and Structural Changes]. *Social and Labour Research = Sotsialno-trudovyye issledovaniya*, vol. 43, no 2, pp. 33–44 (in Russian).
- Khuzieva E. F. (2018) Obrazovatel'nye strategii bezrobotnykh: opyt sotsiologicheskogo issledovaniia. [Educational Strategies of the Unemployed: Experience of Sociological Research]. *The Review of Economy, the Law and Sociology = Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, no 2, pp. 201–203 (in Russian).
- Kozina I., Popova I. (2007) “Slabye gruppy” na rynke truda: gendernaya spetsifika motivatsii povedeniya [“Weak Groups” in the Labor Market: Gender Specificity of Behavioral Motivation]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. vol. 5, no. 3, pp. 365–386 (in Russian).
- Lewis O. (1959) *Five Families: Mexican Case Studies in the Culture of Poverty*, New York: Basic Books.
- Lubasz H. (1987) Alienated Labor. *Hegel Bulletin*, vol. 8, no 2, pp. 13–25.
- Maglio A. S. T., Butterfield L. D., Borgen W. A. (2005) Existential Considerations for Contemporary Career Counseling. *Journal of Employment Counseling*, vol. 42, no 2. pp. 75–92.
- Magun V. S. (1998) Rossiyskie trudovye tsennosti: ideologiya i massovoe soznanie [Russian Labor Values : Ideology and Mass Consciousness]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology = Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 7, no 4, pp. 113–144 (in Russian).

- Mercer S. J. R. (2018) *Humanism and the Ideology of Work* (Doctoral Dissertation), University of Chester, United Kingdom. Available at: <http://hdl.handle.net/10034/622688> (accessed 13 November 2024).
- Meshcheryakov B., Zinchenko V. (2004) *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [Large Psychological Dictionary], St. Petersburg: Praym-EVROZNAK (in Russian).
- Mignot P., Gee R. (2020) Precarity as an Existential Phenomenon within a Post-Industrial Labour Market. *Public Sociology as Educational Practice: Challenges, Dialogues and Counter-Publics* (ed. E. Scandrett), Bristol, UK: Bristol University Press, pp. 239–252.
- Ministry of Labor and Social Protection of Russian Federation. (2021) *Phederal'nyy proekt "Sodeystvie zanyatosti"* [Federal Project "Promotion of Employment"] Available at: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/2> (accessed 13 November 2024) (in Russian).
- Nikitin A. N., Nikolaev A. V., Rudykh A. S., Zhergot A. E., Neustroev A. N. (2022) Odinochestvo i poterya raboty: svyaz' i sotsial'no-opasnoe vliyanie [Loneliness and Job Loss: Communication And Social Dangerous Influence]. *Moscow Economic Journal = Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal*, vol. 7, no 2, pp. 750–758 (in Russian).
- O'Connor A. (2001) *Poverty Knowledge: Social Science, Social Policy and the Poor in the Twentieth-century US History*, Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Øyen S. A. (2011) The Existentialistic Subject Today. *Phenomenology/Ontopoiesis Retrieving Geo-Cosmic Horizons of Antiquity: Logos and Life* (ed. A.–T. Timieniecka), *Analecta Husserliana The Yearbook of Phenomenological Research*, vol. 110, part 1, New York: Springer, pp. 61–74.
- Polovova T. A. (2010) Tsena i tsennost' obrazovaniya v innovatsionnoy ekonomike [The Price and Value of Education in an Innovation Economy]. *Higher education in Russia = Vysshee obrazovanie v Rossii*, no 2, pp. 140–145 (in Russian).
- Rokeach M. (1973) *The Nature of Human Values*, New York: Free Press.
- Rotter J. B. (1966) Generalized Expectations for Internal Versus External Control of Reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*, vol. 80, no 1, pp. 1–28.
- Sartre J.-P. (1989) Ekzistentsializm — eto gumanizm [Existentialism is a Humanism]. *Sumerki bogov [Götzen-Dämmerung]* (ed. A. Jakovlev), Moscow: Progress, pp. 319–344 (in Russian).
- Seeman M. (1959) On the Meaning of Alienation. *American Sociological Review*, vol. 24, no 6, pp. 783–791.
- Seligman M. (2013) *Kak nauchit'sya optimizmu: Izmenite vzglyad na mir i svoyu zhizn'* [Learned Optimism. How to Change Your Mind and Your Life], Moscow: Alpina Publisher (in Russian).
- Stack C. B. (1997) *All Our Kin: Strategies for Survival in a Black Community*, New York: Basic Books.
- Stofarandova V. V., Misrikhanova B. A., Salikhov G. Sh. (2022) K voprosu o strukturnykh izmeneniyakh regional'nogo rynka truda v sovremennyy period [On the Issue of Structural Changes in the Regional Labor Market in the Modern Period]. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow = Ekonomika: vchera, segodnya i zavtra*, vol. 12, no 9A, pp. 113–121 (in Russian).

- Svinukhova Yu. N. (2023) Strategii effektivnogo trudoustroystva v usloviyakh tekushchikh osobennostey rossiyskogo rynka truda: konvergentsiya phormalnykh i nephormalnykh mekhanizmov [Strategies for Effective Employment in the Context of the Current Features of the Russian Labor Market: Convergence of Formal and Informal Mechanisms]. *National Security = Natsionalnaya bezopasnost'*, no 3. pp. 79–93 (in Russian).
- TASS. (2021) *Rosstat: chislo bezrobotnykh v Rossii v 2020 godu vyroslo na 24,7%* [Rosstat: The Number of Unemployed in Russia in 2020 Increased by 24.7%]. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/10572707> (accessed 13 November 2024) (in Russian).
- Vishnevskaya N. T. (2023) Rol' gosudarstva v vosstanovlenii rynka truda v postpandemiynyy period (na primere stran OESR) [The Role of the State in the Recovery of the Labour Market in the Post-Pandemic Period (The Example of OECD Countries)]. *Public Administration Issues = Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya*, no 4, pp. 150–172 (in Russian).
- Wood A. J., Burchell B., Lewis A. (2018) Unemployment and Well-Being. *The Cambridge Handbook of Psychology and Economic Behavior* (ed. A. Lewis), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 234–259.
- Yelkina O. S. (2007) Osnovnyye zakonomernosti strategiy ekonomicheskogo povedeniya rabotnikov na rynke truda (na osnove dannykh sotsiologicheskikh issledovaniy) [Main Patterns of Economic Behavior Strategies of Workers in the Labor Market (Based on Sociological Research Data)]. *Herald of Omsk University = Vestnik Omskogo universiteta*, no 1, pp. 89–96 (in Russian).

Received: September 4, 2024

Citation: Alexandrova A., Rusakova M., Tkach S. (2024) Tsennostnye orientatsii i strategii poiska raboty zhitelyami Sankt-Peterburga v usloviyakh krizisa COVID-19 [Value Orientations and Job Search Strategies of St. Petersburg Residents in the Context of the COVID-19 Crisis]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 5, pp. 33–55. doi: [10.17323/1726-3247-2024-5-33-55](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-5-33-55) (in Russian).

А. А. Хлевов, А. Ю. Ивакина, Д. Е. Маевский, А. Р. Смаль

Богатство, призвание и равноправие: восприятие религиозных социально-экономических концепций баптистов и православных¹



ХЛЕВОВ Александр Алексеевич — д-р филос. наук, канд. ист. наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Севастопольского государственного университета. Адрес: 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Email: hlevov@mail.ru

В статье сравниваются социально-экономические установки православных и протестантов города Севастополь. Исследуется затруднение в понимании того, каким образом в современных социально-экономических условиях выполняются на практике предписываемые церковью паттерны поведения. Основная цель данного исследования — определить и проанализировать отношение верующих к социально-экономическим установкам, таким как отношение к богатству, призванию и равноправию, продиктованным концепциями Русской православной церкви (РПЦ) и движения Евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). Исследование опирается на формальную социологию Г. Зиммеля, а также на современные социологические и религиоведческие исследования. В качестве наиболее распространённой в Севастополе деноминации протестантизма были выбраны общины евангельских христиан-баптистов. Было взято 33 структурированных интервью с представителями двух конфессий — православными и протестантами (евангельские христиане-баптисты). В ходе исследования продемонстрированы основные социально-экономические установки православных и баптистов, которые были соотнесены с культурными особенностями российского общества и социально-экономическими концепциями обеих церквей. Также описаны факты в истории православия и баптистской ветви протестантизма, повлиявшие на принятие тех или иных доктринальных и социально-богословских положений. Кроме того, проведён анализ материалов, касающийся специфики современной жизни Евангельских христиан-баптистов и православных христиан.

Ключевые слова: социально-экономическое поведение; социология религии; православие; евангельские христиане-баптисты; идентичность; религиозность.

Введение

Церковь многие годы остаётся для российского общества важным социальным институтом. Это отмечается как в мониторинговых исследованиях [ВЦИОМ 2023], так и в исследованиях, связанных с религиозной идентичностью и трансформаций этого института в современном мире [Фёдо-

¹ Исследование, положенное в основу этой статьи, было представлено докладом на XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции НИУ ВШЭ в 2023 г. Авторы признательны НИУ ВШЭ за покрытие расходов на участие в конференции.

**ИВАКИНА Алина**

Юрьевна — студентка образовательной программы «Социология» Севастопольского государственного университета. Адрес: 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Email: lina.ivakina.02@mail.ru

**МАЕВСКИЙ Дмитрий**

Евгеньевич — студент образовательной программы «История» Севастопольского государственного университета. Адрес: 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Email: dmitr.maev@yandex.ru

рова 2020]. В свою очередь, как и любой социальный институт, церковь вынуждена постоянно адаптироваться к изменению культурных, политических и экономических условий, обновляя свои представления о том, чем для неё является современное общество. Для этого в религиозных институтах существуют социально-экономические концепции, выполняющие одновременно роль нормативного документа, предписывающего определённое поведение и точку зрения для последователей церкви и религии, и документом, выражающим отношение и взгляд церкви на современные социальные отношения. Соотнесение того, какими видит социальные отношения церковь, и того, как их видят участники религиозных организаций, даст представление о том, как церкви более успешно адаптироваться к современным реалиям.

Проблемой исследования являются затруднения в понимании того, каким образом в современных социально-экономических условиях выполняются на практике предписываемые церковью паттерны поведения. Ценности человека можно рассматривать как один из факторов, влияющих на его социально-экономическое поведение. Более чётко ценности религиозного человека формируются под влиянием культурной традиции, к которой он принадлежит. Этот тезис развивал Макс Вебер больше века назад в работе «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер 1990]. Он описал, как протестантское вероучение формировало зачатки капитализма, и, в частности, указывал, что протестантская этика переосмыслила представления о том, как нужно зарабатывать деньги, кто должен ими обладать, а также отмечал, что она установила определённые моральные ориентиры, способные корректировать и направлять индивида, принявшего эти новые представления [Вебер 1990: 73–74].

Можно поставить вопрос: «Как соотносится социально-экономическое поведение верующих с предписаниями религиозных организаций?»

Основная цель данного исследования — выявить и проанализировать отношение верующих к социально-экономическим установкам (таким как отношение к богатству, призванию и равноправию), продиктованными концепциями Русской православной церкви (РПЦ) и движения Евангельских христиан-баптистов (ЕХБ).

Задачи данного исследования — показать и соотнести социально-экономические установки православных и протестантов с культурными особенностями российского общества и социальными концепциями двух конфессий по наиболее выраженным информантами нарративам.

В качестве наиболее распространённой в Севастополе деноминации протестантизма выбраны общины Евангельских христиан-баптистов. Корнями их вероучение уходит к кальвинистскому богословию. Однако в силу исторических и культурных условий баптисты России обладают собственной спецификой, поскольку в России протестантские общины формировались в атмосфере государственного и общественного господства православия.



СМАЛЬ Александр Ростиславович — студент образовательной программы «Социология» Севастопольского государственного университета. Адрес: 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Email: alexsmal2003@mail.ru

Работа публикуется журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

В настоящее время христианские религиозные организации Севастополя соответствуют по своему устройству и обрядовому содержанию православным и баптистским общинам России. Можно отметить, что православное благочиние Севастополя с 2022 г. де-юре стало частью Русской православной церкви, что закрепляет единство в литургической традиции и административном устройстве. Евангельские христиане-баптисты на всём постсоветском пространстве также существенно не отличаются между собой в большинстве аспектов. На данный момент баптисты в Севастополе тесно сотрудничают с другими российскими организациями ЕХБ и принимают участие во всероссийских баптистских мероприятиях. Таким образом, православные и Евангельские христиане-баптисты Севастополя не обособлены регионально, активно вовлечены в общественную и духовную жизнь страны.

Источники эмпирических данных

Эмпирическая база исследования — 33 структурированных интервью с представителями двух конфессий, православными и протестантами (Евангельские христиане-баптисты). У протестантов взяты 18 интервью (семь у женщин и 11 у мужчин); возрастной интервал: 18–55 лет. Остальные 15 интервью получены у православных (девять у женщин и шесть у мужчин); возрастной интервал: 19–44 года. Все информанты являются активными участниками церковных мероприятий.

Сбор данных осуществлялся в двух церквях протестантов и одной православной воскресной школы. Интервью проводились с 1 ноября 2022 г. по 1 апреля 2023 г. Информантам были заданы группы вопросов про ценностные ориентации, отношение к социальному статусу, трудовые характеристики и экономическое поведение.

Полученные интервью были транскрибированы и проанализированы с помощью тематического анализа. В ходе открытого ручного кодирования выявлены три основных сюжета, которые информанты затрагивали в нарративах в большей степени: отношение к богатству; понимание призвания; отношение к женскому равноправию.

Теоретическая рамка исследования

В качестве теоретической модели исследования феномена религиозности была принята формальная социология Г. Зиммеля, который рассматривает религию как дихотомию формы и содержания: «Форма и содержание сплавлены <...> одна и та же форма может быть наполнена разными содержаниями» [Зиммель 2015: 387], — и наоборот, форма — это «образ мыслей и действий» [Зиммель 2015: 387], которые могут выражаться в канонах и догмах. Содержание же — «продукт теоретической картины мира, логически требующий специфической религиозной реакции» [Зиммель 2015: 334], что и является религиозностью.

Религиозность — побудительная сила и мотив социального действия; религиозные чувства оказывают влияние на поведение не только в религиозной жизни, но и в повседневной [Зиммель 2015: 343].

В свою очередь, можно отметить, что содержание религиозности, по Зиммелю, имеет схожие черты с пониманием религиозной этики Вебером: постулируется не «догматический» порядок, а нравственное содержание самих религиозных идей, которые, в свою очередь, влияют на жизненные практики верующих [Вебер 1990: 73]. Эти соображения подводят нас к тому, что индивид, включённый в систему религиозного мировоззрения, действует в различных социальных обстоятельствах, выстраивая свою жизнь не на порядке, предписанном его церковью, а, скорее, на собственном понимании моральных религиозных установок.

Для индивида важно, что церковь транслирует и предписывает, но то, как эти предписания будут реализовываться на практике, зависит непосредственно от верующего. Подобные процессы связаны с «приватизацией религии» [Лукман 2014], их можно описать как переход религии из публичной сферы общества в область личного, индивидуального, что отражается на многообразии персональных ритуалов и практик. Наиболее ярко эти процессы отражают исследования отдельных городских приходов, показывающие, что количество ассоциированных с верой велико, но реально посещают храмы менее 10% от населения города [Köllner 2013].

Религия способствует формированию религиозной идентичности, то есть субъективному переживанию индивидом своей принадлежности к религиозному сообществу. Оно базируется на религиозной вере и символических культовых практиках и связано с поисками стабильности и психологической устойчивости в условиях постоянно усложняющейся жизни.

Религиозные учения передаются другим поколениям и прививаются воспитанием, поэтому формирование моделей поведения человека обусловлено религиозной атмосферой семьи и окружения. Так и социально-экономическое поведение соотносится с действиями других людей и ориентируется на него. По мнению Т. Заславской, социально-экономическое поведение «представляет собой систему взаимосвязанных поступков и действий, которые люди совершают в социальной и экономической сферах под влиянием личных и групповых интересов ради удовлетворения своих потребностей» [Заславская 1985]. Также ценности и социальные отношения могут наполнять определённым смыслом деньги, выстраивая определённые паттерны поведения [Зелизер 2002].

Введение в историко-религиоведческий контекст

Сильное чувство сплочённости и общности можно наблюдать у Евангельских христиан-баптистов, так как их конфессия существовала и трансформировалась в России в условиях господства православия. В дореволюционную эпоху баптисты были коммерчески активными людьми: «Своих приверженцев баптизм поощрял к труду, умножению собственности, коммерции и т. п., но, как правило, не имел специализированных органов опеки и контроля над трудовой или же над торгово-промышленной деятельностью своих участников» [Королёва 2013: 140]. Советский период для ЕХБ был сложным, так как религиозные организации находились под давлением властей. В это время баптисты стали отходить от участия в международных баптистских организациях, формально принимать коммунистическую идеологию: «К тому же русские баптисты не только не считают коммунизм препятствием делу евангелизации, но и вполне разделяют его социально-экономические принципы как не противоречащие учению Господа нашего Иисуса Христа» [Клибанов 1973: 102]. В современной России баптисты ведут духовно-просветительскую и благотворительную деятельность в медицинских, исправительно-трудовых и образовательных учреждениях, а состав верующих заметно помолодел².

Противоположная позиция прослеживается у православных. В исторической ретроспективе богословские и этические положения РПЦ оценивались как коллективистские [Первушин 2008]. Отношение РПЦ к капитализму преимущественно негативное; более актуальной считается концепция «христиан-

² См. подробнее сайт Российского союза ЕХБ: <https://baptist.org.ru/faith/history>

ского (православного) социализма» [Казин 2020: 152–153]. Тем не менее современная РПЦ выступает в защиту частной собственности и имеет более сбалансированную позицию: церковь стала открыта принципам рынка и капиталистического хозяйства. Ф. Бродель объясняет такие перемены следующим образом: «В принципе, религия, являющаяся традиционной силой, говорит “нет” нововведениям рынка, денег, спекуляций, ростовщичества. Но возможны компромиссы и с Церковью. Твердя “нет”, она, в конце концов, отвечает “да” настоятельным требованиям времени» [Бродель 1993: 70].

Вебер отмечал, что православие входит в антагонизм с протестантизмом, образуя оппозицию «аскетизм — мистицизм». Так это описывает Ф. Тённис: «В православной церкви присутствует специфический мистицизм, основанный на неизбывной вере Востока в то, что братская любовь и милосердие <...> определяют не только некоторые социальные последствия, которые являются абсолютно незначительными, но и путь к познанию смысла мира, к мистическому отношению с Богом» (цит. по: [Забаев 2018: 118]). Таким образом, отношение к богатству и социальному статусу зависит от того, как индивид позиционирует себя по отношению к Богу: православные видят себя «сосудом Бога», протестанты же «орудием Бога»; из этого вытекает и отношение к деятельности. Для протестантов деятельность и успех в ней является фактором подтверждения спасения; в то же время для православных спасение — это особенное состояние, не связанное с экономической деятельностью.

Несмотря на общие исторические корни РПЦ и движения ЕХБ (сосуществование конфессий в одной культурной среде), необходимо выделить богословские различия. В социальном богословии «водораздел» между конфессиями обусловлен рядом факторов, среди которых изначальное ориентирование протестантов на западных теологов, жёсткое иерархическое представление общества в Православной церкви, осмысление жизненного успеха в обеих конфессиях как проявления божественной любви и благосклонности к человеку. Можно отметить, что социальное богословие в эпоху капитализма стало существенно отличаться в каждой конфессии и деноминации христианства. Среди христиан ведётся активная полемика о развитии социального христианского учения как в левую (социалистическую) сторону, так и в правую (рыночную).

В русском баптизме, как и в ряде западных протестантских деноминаций, существует понимание социальной ответственности верующего перед обществом. В православной социальной концепции труд является способом прикоснуться к аскетическому образу жизни, достигнуть духовного совершенства (в том числе через труд). Оба эти утверждения, по сути, находятся во внутреннем конфликте, так как социальная ответственность верующих баптистов отвергает аскетическое понимание труда православием. Труд не является для баптистов способом духовного совершенствования; это лишь инструмент для принесения пользы своим ближним и обществу. Таким образом, труд баптистами в России понимается более обыденно, его цель — быть частью общества, зарабатывать на «хлеб насущный», укреплять своё положение, свою жизнь и жизнь других людей. Православные понимают полезность труда как путь к духовному самосовершенствованию. Труд для них тоже безусловно служит во благо других, но вовсе не может являться целенаправленным преумножением своего личного состояния. Православному богословию свойственно более мистическое отношение к труду и потребностям человека: не только один труд питает человека, во многом все человеческие блага зависят от Божьей воли, поэтому целенаправленный заработок отходит на второй план. Баптисты ближе к светскому пониманию труда исключительно как способу материального роста. Трудиться необходимо не ради личного богатства, а ради Бога, себя самого, семьи, общества [Коваль 1994].

Таким образом, при рассмотрении двух конфессий можно выделить следующие социально-экономические принципы:

- для современного российского православия капитализм является новшеством, прослеживается скептическое отношение к частной собственности и рыночным принципам ведения хозяйства, не-

гативное к индивидуализму. Евангельским христианам-баптистам также более свойствен коллективизм в силу особенностей становления данной конфессии, при этом баптисты в современной России быстрее адаптировались к капиталистической экономике, смогли оформить чёткие богословские аргументы в пользу частной собственности и индивидуального предпринимательства;

- православные и баптисты одинаково понимают трудовую деятельность как потребность обеспечивать себя финансово, но для православных труд также может выступать как самопожертвование, аскетичная практика или жизненное испытание (способ духовного роста). Для баптистов труд, особенно тяжёлый, тоже может стать жизненным испытанием, но при этом не подразумевается обязательный духовный рост;
- можно проследить, что в православии акцент делается на провиденциализме: Бог способен устроить жизнь христианина вне зависимости от степени его усилий. Баптизм же более рационален: Бог может направлять человека, но ему необходимо прикладывать определённые усилия самостоятельно, особенно в трудовой и хозяйственной деятельности.

В настоящем исследовании представлена прежде всего региональная ситуация, связанная с развитием православия и движения Евангельских христиан-баптистов.

В настоящее время можно наблюдать за социально-экономическими привычками Евангельских христиан-баптистов и христиан РПЦ с помощью открытых источников и периодических изданий, семейных и личных историй. Но мы попытались исследовать данную тему при помощи глубинного интервью с представителями обеих конфессий.

Основные результаты исследования

Анализируя социальные концепции РПЦ³ и Российского союза Евангельских христиан-баптистов (РС ЕХБ)⁴, можно сразу заметить различные взгляды на экономическое благосостояние общества и отдельно взятого человека. Во-первых, прослеживается различие в понимании собственности. РПЦ не определяет права людей на собственность, в то время как ЕХБ признают незыблемость частной собственности как дарованной Богом. Из этого можно предположить, что баптисты более осознанно относятся к защите своих экономических прав. Обе конфессии порицают «погоню» за богатством.

В отношении к труду РПЦ более пессимистична, нежели РС ЕХБ: труд для РПЦ является вынужденной для пропитания деятельностью, а его результаты должны идти на обеспечение всем необходимым себя и помощь нуждающимся. Баптистами труд воспринимается как возможность реализовать своё призвание, работать в согласии с дарованными от природы талантами.

Отношение к богатству

По результатам интервью прослеживаются как расхождение, так и соответствие концепций по ключевым вопросам. Для баптистов отношение к богатству в первую очередь определяется тем, как человек распоряжается деньгами. Информанты из числа баптистов отмечали следующее:

Богатство — это хорошо в том случае, если эти средства идут, например, на благотворительность (мужчина, 43 года; дата интервью: 4 ноября 2022 г.)⁵.

³ См. подробнее: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>

⁴ См. подробнее: <https://baptist.org.ru/faith/faith-copya>

⁵ См. полный список информантов в приложении.

Богатство может помочь обеспечить тебе жизнь, хорошее питание, хорошую одежду. Ну и можно делиться с бедными, жертвовать больше (женщина, 42 года; дата интервью: 2 ноября 2022 г.).

Ответы информантов выявляют характерную черту для русской культуры, которая заключается в том, что легитимизация богатства и закрепление за ним соответствующего социального статуса происходят при условии, что предприниматель берёт на себя социальную ответственность, которая реализуется в социальной активности: «В России, где благотворительность и меценатство были традиционно сильно развиты, наиболее богатые и преуспевающие в бизнесе предприниматели получали известность и признательность общества не за свой вклад в развитие экономики, а именно за благотворительную деятельность, покровительство наукам и искусствам» [Савченко 2006].

Часть протестантов вкладывает в понятие «богатство» не финансовое благополучие, а здоровье и счастье:

Я, например, считаю себя богатой, потому что для меня богатство — это здоровые дети, чтобы они были счастливы, чтобы был со мной Бог. Мы, верующие люди, ищем Бога, и для нас это большое счастье (женщина, 40 лет; дата интервью: 2 ноября 2022 г.).

Протестанты также считают, что богатство — это показатель характера и души человека:

Я считаю, что богат тот, кто богат душевно, кто богат духом. Кто будет видеть чужую нужду и будет в ней участвовать (женщина, 49 лет; дата интервью: 2 ноября 2022 г.).

Таким образом, богатство для баптистов является скорее инструментом служения Богу, чем самоцелью.

Православные же отмечали, что богатство — это тяжёлая ноша, часто приводящая к зависимости от материального достатка:

Я сказала бы, что тяжело быть богатым, потому что много соблазнов (женщина, 44 года; дата интервью: 6 ноября 2022 г.);

Быть богатым, как уже говорили, тяжело, потому что чем больше у тебя появляется денег, тем больше у тебя появляется проблем и потребностей (мужчина, 19 лет; дата интервью: 6 ноября 2022 г.).

Некоторые отмечали, что идеальным состоянием является средний уровень дохода, позволяющий удовлетворить базовые потребности человека.

Таким образом, для информантов-протестантов богатство — это одновременно и способ удовлетворения личных потребностей (в одежде, питании и т. д.), и способ поддержки общества (благотворительность), и показатель духовного развития. Информанты-православные отмечали, что богатство — это прежде всего высокая социальная и личностная ответственность.

Интересны ответы молодёжи из числа баптистов. Молодые люди распределяют свой бюджет, в первую очередь исходя из собственных потребностей в досуге или материальном обеспечении (имущество, путешествия). Очень яркая характеристика для этой группы — увеличение собственной прибыли и денежной массы, в случае если у них будет стартовый капитал:

Хочу вложиться в какой-нибудь бизнес, который посчитаю нужным (мужчина, 19 лет; дата интервью: 26 ноября 2022 г.);

Я постараюсь реинвестировать во что-то, что принесёт ещё денег (мужчина, 29 лет; дата интервью: 26 ноября 2022 г.).

Православная молодёжь давала схожие ответы, но без масштабирования дохода. Таким образом, несмотря на религиозное мировоззрение, поведение молодых информантов обеих конфессиональных групп рационализировано и индивидуализировано (собственное положение в обществе главенствует над ценностями общины и религии).

Можно наблюдать, как происходит взаимодействие предписанных форм поведения и их интерпретация. Обе церкви смотрят на богатство как на очень важный социальный стабилизатор, поскольку настаивают на том, что основной функцией богатства (и зоной ответственности индивида, наделённого материальными благами) является благотворительность. Таким образом, на практике реализуется один из важнейших христианских принципов помощи ближнему. Однако также стоит отметить, что представители обеих конфессий по-разному оценивают статус «богатый человек». Для протестантов это возможность использовать ресурсы для удовлетворения своих потребностей и потребностей своих близких; в то время как православные считают богатство одним из многих соблазнов, которые отвлекают от настоящего «богатства» — Бога.

Немаловажно и то, что интерпретация предписаний размывается в зависимости от возраста респондентов. Таким образом, мы получаем смешиваемые этические взгляды на богатство (одновременно в них присутствуют религиозный характер и рационалистический). Для молодых информантов обеих конфессий важным остаётся включённость в современную капиталистическую индивидуализированную культуру, где успех (социальный, экономический и др.) измеряется количеством материальных благ. При этом религиозная составляющая в данном случае отражается в том, какое именно количество материальных благ индивид должен иметь. Для протестантов характерно развивать полученный капитал и преобразовывать его в ещё больший (что отчасти указывает на принципы, которые Вебер выводил в своих работах), а для православных предел материальных благ замыкается на удовлетворении своих потребностей и помощи ближайшему кругу лиц. Подобные обстоятельства могут указывать на то, что «содержание» религии для молодых представителей обеих конфессий превалирует над её формой.

Понимание призвания

По мнению Вебера, протестантская этика и дух западного капитализма имеют общий элемент — идею призвания (*Beruf*) человека как жизненную задачу, поставленную ему Богом. Сущность призвания заключается в добывании денег и является установкой по отношению к внешним благам. По результатам интервью мы видим, что позиция протестантов по данной теме частично совпадает с выводами Вебера [Вебер 1990]. В этом вопросе баптисты разделились на группы, то есть на тех, кто считает, что призвание — это:

- «то, к чему лежит сердце», и оно «не всегда связано с хорошей работой»;
- «проявление себя как личности через зарабатывание денег»;
- «набор определённых способностей, заложенных Господом в человека»;
- «просто хорошая работа».

Ответы на вопрос о призвании среди православных были следующими:

- деятельность, полезная окружающим;
- обязательно работа и средство материального заработка;

- «просто хорошая работа», «любимое дело»;
- семейная реализация («хороший муж и отец»).

Часть как протестантов, так и православных не знают, что такое призвание или не смогли сформулировать данное определение.

Таким образом, мы видим, что для информантов обеих конфессий призванием не всегда является установка на материальные блага. Призвание в большей степени ассоциируется с духовным развитием.

Отношение к женскому равноправию

Что касается семьи, воспитания и общественного равенства, концепция ЕХБ стоит на более патриархальных позициях, то есть отводят особую роль существующим гендерным ролям. РПЦ же более благосклонна к женскому равноправию, а также исходит из того, что существуют естественные различия между полами, общественными и социальными ролями.

В этом контексте можно упомянуть пример «домашних денег» В. Зелизер, которая утверждает, что «распределение и использование денег замужних женщин определялись не только соображениями экономической эффективности, но также сложным комплексом воззрений на семейную жизнь, меняющимися гендерными отношениями и принадлежностью к социальному классу» [Зелизер 2002: 66].

Среди информантов-баптистов была группа женщин, занимающихся только домохозяйством, воспитанием детей и не ведущих активную экономическую деятельность. Приводим ниже фрагменты из интервью с ними:

Скучный у меня день. Я — домохозяйка с детьми. Я занимаюсь детьми, домом, бытом и т. д. В основном этим. Ну, единственное, что, в воскресенье иногда удаётся поучаствовать в служении (женщина, 45 лет; дата интервью: 2 ноября 2022 г.);

Я — многодетная мама. Я с утра собираю детей, в разные смены дети учатся. Готовлю кушать, хожу на рынок. Днём езжу к родителям. Вечером тоже общаемся с семьёй (женщина, 35 лет; дата интервью: 2 ноября 2022 г.).

Другая группа женщин-протестанток занимается трудовой деятельностью, уделяя при этом достаточно время семье и быту:

Я встаю рано, так как сейчас работаю (дети у меня уже взрослые, самому маленькому 12 лет). Пятеро детей у меня, муж любимый... Еду на работу, работаю, тружусь, прихожу домой в четыре часа дня, нужно кушать приготовить, мужа встретить. Быт. Надо заботиться о детях, о муже (женщина, 49 лет; дата интервью: 2 ноября 2022 г.);

Я работаю два дня в неделю, поэтому мне времени на всё хватает. Я довольна этими обстоятельствами. В эти дни я иду утром на работу. Работу свою очень люблю. До 17 работаю, потом прихожу домой. У меня двое детей, готовлю ужин. Потом начинается стандартный день женщины (женщина, 34 года; дата интервью: 2 ноября 2022 г.).

У православных женщин наблюдаются более разнообразные повседневные занятия, в том числе экономическая активность при равном распределении времени на семью и самореализацию:

Проснулась, по возможности — помолилась, всех собрала (детей и мужа), куда нужно, домашние дела. Я работаю в храме преподавателем воскресной школы и певчим. Очень нравится моя работа. Привлекает тем, что, во-первых, я служу Богу своими делами, то есть так реализовываю себя и общаюсь с ним, тем что могу принести пользу окружающим. И опять-таки это интересно для развития себя. И ещё время могу правильно разделить — либо работе, либо домашним делам, у меня всё переплетено (женщина, 44 года; дата интервью: 6 ноября 2022 г.);

Утром кормлю, воспитываю, разговариваю. Потом какие-то деловые встречи, работа. В свободное время — чтение книг и занятие определёнными проектами (и творческими, и социально-важными в городе). Достаточно активный рабочий день. Хотелось бы сместить ракурс: было бы больше времени, можно было бы ещё заниматься какими-то вещами. Помимо моей основной работы, у меня есть творчество, в котором я нахожу себя. Хотелось бы больше времени; можно было бы несколько направлений для реализации себя в своей жизни выполнить (женщина, 33 года; дата интервью: 18 декабря.2022 г.);

Мой день начинается в семь утра. Я просыпаюсь, собираюсь на работу. Я работаю с 8 до 20. Потом прихожу домой, ужинаю с мужем, спрашиваю у него, как дела, мы читаем что-то, и, в принципе, день заканчивается. Больше всего времени уходит на работу, но я как раз распределила время на то, что мне очень нравится. Я работаю в реабилитационном центре с детьми-инвалидами. Мне очень нравится работа. Мне нравится работать с детьми; дети... они вдохновляют и заряжают (женщина, 38 лет; дата интервью: 16 февраля 2023 г.);

Половина дня примерно — на работу, и половина дня — на творчество. Мне кажется, что на данный момент у меня все в балансе (женщина, 34 года; дата интервью: 16 февраля 2023 г.).

Есть и женщины-православные, которые не имеют работу и занимаются только домохозяйством.

Гендерная тематика раскрывается ещё и через ответы на вопрос о поиске денег в случае срочной необходимости. На вопрос об этом представительницы ЕХБ давали следующие ответы:

В случае необходимости попрошу деньги у мужа (женщина, 20 лет; дата интервью: 26 ноября 2022 г.);

В этом случае спрошу помощи у близких родственников (женщина, 47 лет; дата интервью: 2 ноября 2022 г.).

Также были информанты из числа ЕХБ, которые в такой ситуации взяли бы займы денег у друзей.

Представительницы РПЦ выражали два основных взгляда на данную проблему, которые можно проиллюстрировать следующими высказываниями:

Если совсем срочно, то у кого-то одолжу. И, конечно, буду работать, чтобы эти деньги потом восполнить (женщина, 44 года; дата интервью: 6 ноября 2022 г.);

Пересмотрю свои расходы; где можно, сэкономлю, то есть перераспределю бюджет (женщина, 19 лет; дата интервью: 16 февраля 2023 г.).

Таким образом, отражение религиозных предписаний обнаруживается в фактическом поведении информантов обеих групп. У протестантов прослеживается более традиционный взгляд на социальные

роли мужчины и женщины. Заметен антагонизм конфессий, который отмечал ещё Вебер: аскетизм и мистицизм. Представительницы ЕХБ проявляют аскетизм (жизнь женщины замкнута в семейном кругу; досуг скуден). Представительницы РПЦ через различные пути познания мира (любимая работа как самореализация и творчество) выказывают мистицизм. Вместе с тем ответы информантов обнаруживают, как форма и содержание входят в равноценные отношения, где один элемент поддерживает другой. Для обеих церквей важна поддержка существующих гендерных социальных ролей, а следование формальным (нормативным) предписаниям со стороны общины продиктовано тем, что семейные отношения — фундаментальная единица как общества, так и религиозной общины. Таким образом, рекомендации, которые прописываются в нормативных документах обеих церквей, не встречают сопротивления внутри отдельно взятых домохозяйств.

Заключение

В современной религиозной сфере происходят важные изменения, характеризующиеся всеобъемлющим проникновением «приватизации религии». Последователи религиозных организаций положительно воспринимают учения церкви и христианства в целом. Однако они интерпретируют их таким образом, чтобы предписания не входили в конфликт с повседневной деятельностью. Индивидуальная вера может вступать в разночтения с постулатами церквей, например, в представлении о том, какие социальные и экономические обязанности должны брать на себя индивиды, наделённые богатством, различное понимание призвания, а также восприятия семейных ценностей или места и роли женщины в современной религиозной семье.

Представители православной церкви видят в богатстве огромную ответственность, которая ложится тяжёлой ношей на носителей материальных благ. Представители же протестантской церкви видят в богатстве способ помощи окружающим, а также удовлетворения потребностей своей семьи. Обе конфессии объединяет то, что в этом вопросе представители «молодёжных собраний» церкви давали рационализированные ответы.

Аналогичные результаты можно наблюдать и в другом социологическом исследовании по православным. М. Ефремова и З. Лепшокова пришли к выводу, что православные не склонны к повышению своего материального благосостояния и имеют минимальный интерес к экономической деятельности, так как в их вероучении отсутствует материализм [Efremova, Lepshokova 2019].

Представители обеих групп информантов в призвании видят больше духовное развитие, нежели трудовую деятельность.

В вопросе распределения гендерных ролей обе конфессии имеют значительные различия. Женщины из православного прихода больше времени уделяют досугу. Работа для них не является исключительно способом удовлетворения потребностей (как собственных, так и семейных), она выступает источником творческой самореализации, что соответствует размышлениям Вебера об антагонизме протестантских и православных церквей (оппозиция «рационализм — мистицизм»). Представительницы протестантской церкви больше времени уделяют семейному быту, работу они воспринимают как необходимость для финансовой поддержки семьи, а также для удовлетворения базовых потребностей.

Важнейшим выводом исследования является сопоставление, выделенное М. Вебером: протестанты через аскетический образ жизни позиционируют себя как «орудие Бога». Из этой позиции рождается рациональный и инструментальный взгляд на социально-экономическую деятельность. Представители православной церкви определяются, согласно Веберу, как «сосуд Бога», что предполагает направленность развития не вовне, а вовнутрь; самореализация становится самоцелью. Оба позиционирования применимы и отражаются в религиозности.

Приложение

Таблица П.1

Список информантов

№ информанта	Пол	Возраст (полных лет)	Конфессия	Сфера деятельности	Дата сбора данных
1	Женщина	35	ЕХБ*	Домохозяйка	2.11.2022
2	Женщина	45	ЕХБ	Домохозяйка	2.11.2022
3	Мужчина	44	ЕХБ*	Пастор, самозанятый	2.11.2022
4	Женщина	43	ЕХБ	Работник по найму	2.11.2022
5	Женщина	50	ЕХБ	Работник по найму	2.11.2022
6	Мужчина	37	ЕХБ	Работник по найму	2.11.2022
7	Женщина	34	ЕХБ	Работник по найму	2.11.2022
8	Женщина	49	ЕХБ	Работник по найму	2.11.2022
9	Мужчина	55	ЕХБ	Самозанятый	4.11.2022
10	Мужчина	52	ЕХБ	Военнослужащий	4.11.2022
11	Мужчина	47	ЕХБ	Временно не работает	4.11.2022
12	Мужчина	51	ЕХБ	Самозанятый	4.11.2022
13	Мужчина	43	ЕХБ	Работник по найму	4.11.2022
14	Мужчина	29	ЕХБ	Работник по найму	26.11.2022
15	Женщина	20	ЕХБ	Студентка	26.11.2022
16	Мужчина	19	ЕХБ	Студент	26.11.2022
17	Мужчина	18	ЕХБ	Студент	26.11.2022
18	Мужчина	32	ЕХБ	Работник по найму	26.11.2022
19	Мужчина	20	РПЦ**	Студент, работник по найму	6.11.2022
20	Мужчина	38	РПЦ	Работник по найму	6.11.2022
21	Мужчина	38	РПЦ	Военнослужащий	6.11.2022
22	Женщина	44	РПЦ	Регент церковного хора	6.11.2022
23	Женщина	44	РПЦ	Преподаватель воскресной школы	6.11.2022
24	Мужчина	19	РПЦ	Студент	6.11.2022
25	Женщина	33	РПЦ	Индивидуальный предприниматель	18.12.2022
26	Мужчина	43	РПЦ	Работник по найму	18.12.2022
27	Женщина	40	РПЦ	Домохозяйка	18.12.2022
28	Женщина	38	РПЦ	Работник по найму	16.02.2023
29	Женщина	19	РПЦ	Студентка	16.02.2023
30	Женщина	32	РПЦ	Работник по найму	16.02.2023
31	Женщина	34	РПЦ	Работник по найму	16.02.2023
32	Мужчина	41	РПЦ	Фрилансер	16.02.2023
33	Женщина	32	РПЦ	Работник по найму	16.02.2023

* Евангельские христиане-баптисты.

** Русская православная церковь.

Литература

- Бродель Ф. 1993. *Динамика капитализма*. Смоленск: Полиграмма.
- Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: *Избранные произведения*. М.: Прогресс; 61–272.
- ВЦИОМ. 2023. *Религия и общество: мониторинг*. 27 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring>
- Ефремова М. В., Лепшокова З. Х. 2019. Религиозная идентификация и установки на экономическую вовлечённость у христиан и мусульман в России. *Психология. Журнал ВШЭ*. (19) 2: 269–284. doi: 10.17323/1813-8918-2019-2-269-284
- Забаяев И. 2018. Религия и экономика: можем ли мы всё ещё опираться на Макса Вебера? *Социологическое обозрение*. 17 (3): 107–148. doi: 10.17323/1728-192X-2018-3-107-148
- Заславская Т. И. 1985. О социальном механизме развития экономики. В кн.: Заславская Т. И. *Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики*. Новосибирск: ИЭиОПП; 8–29.
- Зелизер В. 2002. Создание множественных денег. *Экономическая социология*. 3 (4): 5872. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=58
- Зиммель Г. 2015. *Избранное. Проблемы социологии*. М.; СПб.: Университетская книга; Центр гуманитарных инициатив.
- Казин А. Л. 2020. Православный социализм как русская национальная идея. В кн.: Резник Ю. М. (ред.) *Вопросы социальной теории: научный альманах*. 12. М.: Издательство Независимого института гражданского общества; 150–159.
- Клибанов А. И. 1973. *Религиозное сектантство в прошлом и настоящем*. М.: Наука.
- Коваль Т. Б. 1994. Православная этика труда. *Мир России. Социология. Этнология*. 3 (2): 54–96.
- Королёва Л. А. 2013. *Власть и евангельские христиане-баптисты в России. 1945–2000 гг.: эволюция взаимоотношений*. Пенза: ПГУАС.
- Лукман Т. 2014. Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии». *Социологическое обозрение*. 13 (1): 139–154.
- Первушин М. В. 2008. Православие и экономика: аксиологические ориентиры русского капитализма. *Богослов.ру: научный богословский портал*. URL: <https://bogoslov.ru/article/316074>
- Савченко В. В. 2006. Экономическая культура как фактор развития общества. *Вестник Ставропольского государственного университета*. 44: 88–97.

Фёдорова М. В. 2020. Религиозная идентичность в современном цифровом мире. *Социодинамика*. 6: 66–79. doi: [10.25136/2409-7144.2020.6.33085](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.33085)

Köllner T. 2013. Businessmen, Priests and Parishes: Religious Individualization and Privatization in Russia. *Archives de sciences sociales des religions*. 162: 37–53. URL: <https://doi.org/10.4000/assr.25037>

Alexander Khlevov, Alina Ivakina, Dmitry Mayevsky, Alexander Smal

Wealth, Calling, and Equality: The Perception of Religious Socio-Economic Concepts among Baptists and Orthodox Christians

KHLEVOV, Alexander—

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of "Universal History and World Culture, Sevastopol State University. Address: 33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Email: hlevov@mail.ru

IVAKINA, Alina— Student,

Bachelor Program in Sociology, Sevastopol State University. Address: 33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russian Federation .

Email: lina.ivakina.02@mail.ru

MAYEVSKY, Dmitry—

Student, Bachelor Program in History, Sevastopol State University. Address: 33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Email: dmitr.maev@yandex.ru

SMAL, Alexander—

Student, Bachelor Program in Sociology, Sevastopol State University. Address: 33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Email: alexsmal2003@mail.ru

Abstract

This article attempts a comparative analysis of the socio-economic attitudes of the Orthodox and Protestants of the city of Sevastopol. The problem of the study is the difficulty in understanding how, in modern socio-economic conditions, the patterns of behavior prescribed by the church are fulfilled in practice. The main purpose of this study is to identify and analyze the attitude of believers toward socio-economic attitudes (such as attitudes towards wealth, vocation, and equality) dictated by the concepts of the Russian Orthodox Church and the Evangelical Christian Baptist movement. The research is based on the formal sociology of G. Simmel, as well as on modern sociological and religious studies. Evangelical Christian Baptist communities were chosen as the most widespread denomination of Protestantism in the city of Sevastopol. 33 structured interviews were conducted with representatives of two faiths: Orthodox and Protestants (Evangelical Christians-Baptists). The study identified the main socio-economic attitudes of Orthodox and Baptists, which were correlated with the cultural characteristics of Russian society and with the socio-economic concepts of both churches. The facts in the history of Orthodoxy and the Baptist branch of Protestantism that influenced the adoption of certain doctrinal and socio-theological positions were also described. In addition, the analysis of materials concerning the specifics of the modern life of Evangelical Christians-Baptists and Orthodox Christians has been carried out.

Keywords: socio-economic behavior; sociology of religion; orthodoxy; Evangelical Christian Baptists; identity; religiosity.

References

- Braudel F. (1993) *Dinamika kapitalizma* [La Dynamique du Capitalisme], Smolensk: Poligramma (in Russian).
- Efremova M., Lepshokova Z. (2019) Religioznaya identifikatsiya i ustanovki na ekonomicheskuyu vovlechennost' u khristian i musul'man v Rossii [Religious Identification and Attitude toward Economic Involvement among Christians and Muslims in Russia]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics = Psihologiya. Zhurnal VShE*, vol. 19, no 2. doi: [10.17323/1813-8918-2019-2-269-284](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-2-269-284) (in Russian).
- Fedorova M. V. (2020) Religioznaya identichnost' v sovremennom tsifrovom mire [Religious Identity in Today's Digital World]. *Sociodinamika*, no 6, pp. 66–79. doi: [10.25136/2409-7144.2020.6.33085](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.33085) (in Russian).

- Kazin A. L. (2020) Pravoslavnyy sotsializm kak russkaya natsional'naya ideya [Orthodox Socialism as a Russian National Idea]. *Voprosy sotsial'noy teorii: nauchnyy al'manakh* [Questions of Social Theory: A Scientific Almanac] (ed. Yu. M. Reznik), iss. 12, Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimogo instituta grazhdanskogo obshchestva, pp. 150–159 (in Russian).
- Klibanov A. I. (1973) *Religioznoe sektantstvo v proshlom i nastoyashchem* [Religious Sectarianism in the Past and Present], Moscow: Nauka (in Russian).
- Köllner T. (2013) Businessmen, Priests and Parishes: Religious Individualization and Privatization in Russia. *Archives de sciences sociales des religions*, no 162, pp. 37–53. Available at: <https://doi.org/10.4000/assr.25037> (accessed 11 September 2024).
- Koroleva L. A. (2013) *Vlast' i evangel'skie khristiane-baptisty v Rossii. 1945–2000 gg.: evolyutsiya vzaimootnosheniy* [Power and Evangelical Baptist Christians in Russia. 1945–2000: Evolution of Relationships], Penza: PGUAS (in Russian).
- Koval' T. B. (1994) Pravoslavnyaya etika truda [Orthodox Ethics of Labor]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 3, no 2, pp. 54–96 (in Russian).
- Luckmann T. (2014) Dopolnenie k tretyemu nemetskomu izdaniyu “Nevidimoy religii” [An Afterword to the German Edition of The Invisible Religion]. *Russian Sociological Review = Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 13, no 1, pp. 139–154 (in Russian).
- Pervushin M. V. (2008) Pravoslaviye i ekonomika: aksiologicheskie orientiry russkogo kapitalizma [Orthodoxy and Economy: Axiological Orientations of Russian Capitalism]. *Bogoslov.ru: nauchnyy bogoslovskiy portal*. Available at: <https://bogoslav.ru/article/316074> (accessed 11 September 2024) (in Russian).
- Savchenko V. V. (2006) Ekonomicheskaya kul'tura kak faktor razvitiya obshchestva [Economic Culture as the Factor of Society Development]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Stavropol State University*, no 44, pp. 88–97 (in Russian).
- Simmel G. (2015) *Izbrannoe. Problemy sotsiologii* [Selected Works. Problems of Sociology], Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga; Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).
- VCIOM (Russian Public Opinion Research Center) (2023) *Religiya i obshchestvo: monitoring* [Religion and Society: Monitoring]. July 27. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-religiya-i-obshchestvo-monitoring> (accessed 1 September 2024) (in Russian).
- Weber M. (1990) Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. [Die protestantische Ethik und der “Geist” des Kapitalismus]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Progress, pp. 61–272 (in Russian).
- Zabaev I. (2018) Religiya i ekonomika: mozhem li my vse eshche opirat'sya na Maksa VWebera? [Religion and Economics: Can We Still Rely on Max Weber?]. *Russian Sociological Review = Sotsiologicheskoye obozreniye*, vol. 17, no 3, pp. 107–148. doi: [10.17323/1728-192X-2018-3-107-148](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-107-148) (in Russian).
- Zaslavskaya T. I. (1985) O sotsial'nom mekhanizme razvitiya ekonomiki [On the Social Mechanism of Economic Development]. *Puti sovershenstvovaniya sotsial'nogo mekhanizma razvitiya sovetskoy ekonomiki* [Ways to Improve the Social Mechanism of Development of the Soviet Economy], Novosibirsk: The Institute of Economics and Industrial Engineering (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), pp. 8–29 (in Russian).

Zelizer V. (2002) Sozdanie mnozhestvennykh deneg [The Social Meaning of Money]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 4, pp. 58–72. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=58 (accessed 1 September 2024) (in Russian).

Received: January 11, 2024

Citation: Khlevov A., Ivakina A., Mayevsky D., Smal A. Bogatstvo, prizvanie i ravnopravie: vospriyatie religioznykh sotsial'no-ekonomicheskikh kontseptsiy baptistov i pravoslavnykh [Wealth, Calling, and Equality: The Perception of Religious Socio-Economic Concepts among Baptists and Orthodox Christians]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 5, pp. 56–72. doi: [10.17323/1726-3247-2024-5-56-72](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-5-56-72) (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

А. С. Колотовкина

Институты прошлого: потенциал организационной теории в исследованиях коллективной памяти



КОЛОТОВКИНА Анна Сергеевна — аспирантка факультета социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; младший научный сотрудник Лаборатории цифровых исследований литературы и фольклора Института русской литературы (ИРЛИ, Пушкинский Дом). Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Набережная Макарова, д. 4.

Email: annykolotovkina@gmail.com

Работа публикуется журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

Статья посвящена потенциалу организационной теории в исследованиях памяти (memory studies). Отмечаются существующие подходы к исследованиям сюжетов на стыке исторической памяти и организаций. Институциональный подход в исследованиях памяти отличается полнотой описания отдельных кейсов, но также нехваткой сравнения и узким пониманием института памяти. Организационные исследования памяти направлены прежде всего на изучение формирования и воспроизводства истории конкретных организаций, им недостаёт внимания к теоретическим находкам. Главной слабостью описанных методологических решений является их слабая теоретическая и дисциплинарная проницаемость, что приводит к параллельной исследовательской работе в областях, мало интересующихся друг другом.

Альтернативным методологическим ходом может оказаться применение социологии организаций к исследованиям музеев, архивов, образовательных учреждений и других мнемонических акторов. В статье рассматриваются три ключевых направления социологии организаций: (1) новый институционализм (с фокусом на изоморфизме, расщеплении и организационной дискреции); (2) теория ресурсной зависимости и (3) организационная экология. Описанные подходы иллюстрируются примерами из эмпирических работ, посвящённых коллективной памяти, а также кейсами, актуальными для социальных и исторических исследований. Отмечается, что организационную теорию можно использовать для анализа коммеморативных практик, (вос)производства идентичности, отношений с государством. Она позволяет объяснить вариацию практик в разнообразных институтах, связывает установившиеся в организации традиции с её действиями в настоящем времени и типологизирует организации на новых основаниях.

Ключевые слова: институты памяти; коллективная память; организационный институционализм; ресурсная зависимость; мнемонические акторы; коммеморативные практики.

Введение

Коллективная, или культурная, память в академической литературе связывается с пониманием групповой идентичности в самом широком смысле — от семейной до национальной; от представлений о себе до репрезентации себя другим группам [Олик 2012; Андерсон 2016]. Такую память можно

охарактеризовать как социальную репрезентацию прошлого [Jedlowski 2001: 33], акт передачи коллективных представлений о прошлом [Connerton 1989: 39] и как «комплекс текстов, монументальных сооружений, практик и ритуалов, позволяющий хранить знания о событиях, удалённых во времени» [Архипова et al. 2017: 89]. При накоплении памяти индивиды или группы формируют свои идентичности на основе обычаев, практик и норм [Hirsch, Smith 2002]. Акты вспоминания встраивают индивида в разные социальные рамки (например, в семью, религию, класс) [Feindt et al. 2014: 32]. В политическом смысле коллективная память обращается к актуализированному прошлому (*usable past*), то есть к набору «исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами» [Малинова 2019: 291]. Работой с актуализированным прошлым занимаются мнемонические акторы (*mnemonic actors*) — «политические силы, заинтересованные в особом понимании прошлого» [Bernhard, Kubik 2014: 4]. Мнемонические акторы могут действовать для поддержания своей или близкой себе власти, легитимации тех или иных решений, получения ресурсов (в том числе общественной поддержки) и др. [Малинова 2019: 291].

Исследования памяти обращаются к разнообразным и нелинейным отношениям, таким как идеологические запросы власти и общества, академическая история и её публичная репрезентация и, наконец, то, что называется триумфом и травмой [Giesen, Eisenstadt 2015]. Немецкий историк Вульф Канстейнер отмечает следующие особенности коллективной памяти: она (1) не является историей, хотя их и объединяет общая основа; (2) относится к коллективным феноменам, но выражается в индивидуальных действиях и высказываниях; (3) обращена к прошлому, но часто действует в интересах настоящего; (4) в равной степени сформирована продуманными сторонними манипуляциями и индивидуальным бессознательным [Kansteiner 2002: 180]. На схожем наборе парадоксов строится и организация. Объект организационных исследований и исследований памяти всё время перемещается между микро- и макроуровнями, затрагивая как широкий исторический контекст, так и индивидуальный опыт, имеет политическое, экономическое и культурное измерения. Ещё одно значимое сходство исследований организаций и исследований памяти — постоянное балансирование между поиском общих тенденций (например, изоморфизм в организациях) и эмоциональные режимы в памяти) и кейс-стади (изучение конкретного института и (или) группы).

Несмотря на перечисленные сходства этих дисциплин, динамика отношений между памятью и институтами остаётся малоизученной [Coraiola et al. 2023: 10], что объясняет и ограниченное количество организационных исследований в этой сфере. Аналогично сторонники неоинституционального и прочих подходов игнорируют мнемонический аспект деятельности организаций [Rowlinson et al. 2010]. Понятие «память» для них имеет в первую очередь функциональное значение — сохранение и передача опыта, который может оказаться полезным для деятельности организации [Coraiola et al. 2023: 11–12]. В литературе неоднократно отмечалось, что исследования памяти могут выиграть от использования сравнительных исторических и социологических подходов, в том числе организационной теории [Conway 2010: 451]. Использование ресурсов организационной теории в исследованиях институтов памяти поможет преодолеть часть проблем, отмечаемых критиками *memory studies*. Так, исследования памяти часто фокусируются на конкретных событиях, освещая практики, но игнорируя их рецепцию, или рассматривают коллективную память как ещё один уровень индивидуальной [Kansteiner 2002: 179]. Также их критикуют за расплывчатость терминологии, отсутствие проработанных методов и описательность [Сафронова 2018: 23]. Ещё одна зона критики — склонность к исследованию отдельных случаев (кейсов) [Saito, Wang 2014: 168]. Изучение (вос)производства коллективной памяти в институтах — область для исследования полей памяти и действующих в них разных версий прошлого [Олик 2012: 47], а также механизмов, «изучение которых позволяет лучше понимать, почему одни способы интерпретации социальной реальности оказываются влиятельнее других, чем определяется успех и какие ресурсы работают более эффективно» [Малинова 2019: 288]. Многообразие полей и механизмов можно рассматривать как следствие многообразия институтов, связанных с коллективной памятью.

Организационный фактор в исследованиях памяти возникает, когда мы переходим от набора случаев к поиску общих тенденций; учитываем институциональную специфику и её влияние на внутренние практики; обращаем внимание на механизмы взаимодействия между организациями — использование ресурсов, давление, изоморфизм и др.

Данный обзор включает разные фокусы и подходы к понятиям «институт», «организация», «память», «практики» и др. Задача состоит в том, чтобы найти различия и точки пересечения между разными теоретическими взглядами на одно эмпирическое явление, отметить их сильные стороны по отдельности и в синтезе. Предлагаемая статья состоит из трёх смысловых частей. В первой я опишу существующие формы синтеза организаций и коллективной памяти — это исследования институтов памяти (*memory in institutions*) и организационные исследования памяти (*organizational memory studies*). Вторая часть посвящена трём значимым направлениям организационной теории — неоинституционализму, экологической теории и теории ресурсной зависимости. Здесь я рассуждаю о возможностях применения этих подходов к исследованию коллективной памяти в самом широком смысле (то есть внутренних и межинституциональных отношений, коммеморативных практик, политических действий и др.). Наконец, в третьей части я отмечаю перспективы дальнейшего синтеза описанных направлений, сформулированные на основе эмпирической литературы и опыта изучения коллективной памяти.

Институты памяти: мнемонические акторы, мемориальная инфраструктура

Специфика институционального подхода в исследованиях памяти в том, что внешне он может напоминать социологические исследования организаций. Однако используя схожий лексикон (институты, ресурсы, легитимность), эта область далека от социологии организаций. Несмотря на наличие в исследованиях памяти социологического направления, соответствующие подходы встречаются ещё редко. В этой части статьи речь пойдёт об институтах в том смысле, в каком их понимают исследователи коллективной памяти.

К институтам коллективной памяти можно отнести «здания, организации, иерархические и бюрократические структуры с оплачиваемым персоналом, которые в области культуры принимают решения долгосрочного плана <...> реализуют ценности, нормы и программы, которые <...> имеют долгосрочный характер» [Ассман 2018: 260]. С XIX века европейские национальные государства использовали коллективную память как ресурс: музеи, библиотеки, архивы и историческая наука стали значимыми институтами для поддержания власти и легитимности [Olick 1999: 343].

Институционализация памяти, во-первых, опирается на различную инфраструктуру (памятники, музеи, коммеморативные практики, календари и др.); во-вторых, производится в организациях разного типа и уровня; в-третьих, встраивает индивида в мемориальную культуру (прежде всего национальную) [Ассман 2016: 25]. Коммеморативные практики можно определить как «совокупность публичных актов “вспоминания” [исторических фигур или событий] и (пере)осмысления в современном контексте» [Малинова 2017: 10]. Важно, что коммеморация — нейтральный термин в том смысле, что может означать любую смысловую окраску события — от радости до скорби. Суть события — вписывание прошлого в настоящее, его актуализация [Малинова 2017: 10]. Под мемориальной культурой (*culture of remembrance, memorial culture*) мы понимаем способы взаимодействия общества со своим прошлым, как слова, так и действия.

Процесс институционализации памяти связан с разнообразными затратами и требует административную структуру, финансирование, общественную поддержку, методологические основания и др. Алейда Ассман предлагает различать две формы культурной памяти: активное памятование (выражающееся в канонизации определённых событий, личностей образов; коммеморативных практиках;

устойчивых нарративах) и накопительную память (архивы, содержание которых может быть малоизучено или неизвестно). Обе формы памяти требуют разнообразных институциональных ресурсов (например, комплектование и содержание архивов финансово и кадрово затратны) [Ассман 2019: 34]. Средства передачи памяти различаются в зависимости от организации [Олик 2012: 54], это хорошо заметно на примере музеев в разных типах населённых пунктов или в школьной программе по гуманитарным дисциплинам для младших и старших классов. Человек может попадать из пространства одной мнемонической социализации в другое; например, в случае миграции и смены образовательной среды. Получается, что ребёнок приобретает новую коллективную память взамен к уже имеющейся, и они могут противоречить друг другу [Zerubavel 1996: 299]. Следует отметить, впрочем, что первая коммеморативная итерация может быть незначительно ближе второй. Так, события Первой мировой войны для современного школьника равноценно загадочны вне зависимости от того, на чьей стороне были его предки.

Разнообразие форм и технологий памяти связано с разнообразием социальных институтов, а то, как происходит регулирование коммемораций на государственном уровне, соответственно, связано с устройством государства как института [Olick 1999: 343]. Состав институтов памяти можно трактовать по-разному. Так, в русскоязычной академии первоочередными институтами памяти считаются организации и инициативы, в центре деятельности которых работа с историей (например, Российское историческое общество или проект «Последний адрес») [Миллер 2019]. Недостаток такого подхода в том, что он ограничивает возможности для сравнительного анализа и приводит к бесконечно множающемуся корпусу описательных кейс-стади на тему коллективной памяти. В то же время к институтам памяти можно отнести, например, судебную систему. Значимый элемент любых форм культурной памяти — самоидентификация, а это продукт юридических преобразований (развитие прав человека, понятия «свобода», «независимость» и др.) [Misztal 2003: 20]. Более очевидный пример в этой сфере — суды над нацистскими преступниками в послевоенной Европе и законодательные акты в отношении памяти о Холокосте. Существует институциональная ответственность организаций и их отдельных сотрудников — по такому принципу работают выплаты социальным группам, пострадавшим в ходе того или иного исторического события [Ассман 2019: 206].

Политический контекст институтов коллективной памяти, безусловно, важен, но он не всегда работает очевидным образом. Социальное или политическое действие может не быть главной целью существования организации (например, бизнеса или медиа), но в определённых исторических обстоятельствах такие институты оказываются вовлечены в идеологическую борьбу [Barnett, Woywode 2004: 1453]. Кроме того, нужно прояснить непростые отношения между национальной и глобальной политикой. Классический пример: даже наднациональная историческая политика (память о Холокосте) реализуется ресурсами национальных государств (местными институциями и нормами) [Saito, Wang 2014: 169].

Конкурентная борьба за трактование прошлого ведётся и до институционализации [Ассман 2018: 261], и в её процессе: институты памяти могут конфликтовать, оспаривать действия и экспертизу друг друга [Миллер 2019: 91–93]. Зачастую в основе институционализации находится травматическое событие [Coraiola et al. 2018: 53]. Алейда Ассман пишет, что коллективная память о Холокосте в современном виде зарождалась при участии институтов, не всегда имеющих прямое отношение к истории: «По инициативе новых студентов на лекциях рассказывалось об изгнании еврейских студентов и профессоров из университетов. Далее подключились другие институции. Молодые врачи устраивали в клиниках выставки об истории своих медицинских учреждений в период национал-социализма; гражданские инициативы выявляли имена депортированных и уничтоженных евреев» [Ассман 2016: 19].

Институциональные процессы в отношении коллективной памяти сегодня подвергаются разнообразной идеологической критике. Прежде всего, постоянное воспроизводство одних и тех же ритуалов

делает процесс шаблонным [Ассман 2016: 26]. Впрочем, эта шаблонность имеет перспективу для сравнительных исследований: «Как только определённая форма коммеморации институционализируется, она будет сохраняться, даже если исчезнут причины её первоначального появления <...> но никакая практика не может оставаться полностью неизменной» [Saito 2010: 634]. Примером могут быть разнообразные советские практики, сохраняющиеся до сих пор. 19 мая в школах по всей стране отмечается День детских общественных объединений, наследник Дня пионерии, атрибутика которого (в отличие от названия) не меняется. В то же время распространённые в советских школах уроки мужества, на которые десятилетиями приглашали ветеранов Великой Отечественной войны, сегодня продолжают с тем же названием, но уже с другими гостями или без них [Konkka 2021]. Описанные мероприятия содержат набор общих внешних атрибутов, чем напоминают содержание школьной программы; по сути, эти практики столь же изоморфны, что и силлабусы.

Подобно театральным или литературным специалистам, появляются «работники мемориальной сферы», а изначально личная эмоциональная работа становится задачей, которую можно делегировать профессионалам, что может иметь разные последствия для индивидуальной и коллективной культуры. Кроме того, агрегирование информации, которым занимаются институты, становится основой для дальнейшей работы с памятью — она движется по заданной траектории [Ассман 2018: 261; 270]. С одной стороны, культура непредставима без канона; с другой, такой подход заранее определяет форму и содержание будущего знания, то есть уже в момент проживания события можно предугадать его грядущую коммеморацию.

В исследованиях институтов памяти появилось некоторое количество устойчивых метафор, хорошо описывающих динамику этого культурного процесса и применимых к разным социальным и национальным контекстам. Кроме того, как относительно молодая дисциплина *memory studies* быстро реагирует на изменения в изучаемом объекте, будь то трансформации политических режимов или цифровая революция. Наиболее уязвимым местом этой группы исследований остаётся склонность к кейс-стади. Даже замечая схожие паттерны нарративов или практик в институтах вроде школ и библиотек, исследователи этого направления продолжают разделять память по принципу «событие» или «страна», редко обращаясь к сравнительным организационным исследованиям.

Память институтов: организационные исследования для прошлого и будущего

Память и организационное знание в том или ином виде давно присутствуют в исследованиях институтов. Так, бихевиоральные теории связывают действия организаций с их историей (ориентированной на настоящее) и будущими целями; усвоенный опыт консервируется и воплощается в ритуалах и повседневных практиках [Levitt, March 1988; Walsh, Ungson 2009]. На вопрос о том, что и как помнят институты, отвечают организационные исследования памяти (*organizational memory studies* — OMS)¹. Это направление является ответвлением классической организационной теории. Наиболее известное его определение приводится в программной для направления статье Дж. Уолша и Дж. Ангсона: это «ящик с инструментами», содержащий информацию о прошлом, актуальную для текущего организационного процесса [Walsh, Ungson 1991: 61].

Организационная память создаётся и воспроизводится на нескольких уровнях — в индивидах, организационной культуре, изменениях, структуре, экологии и внешних архивных источниках [Walsh, Ungson 1991]. Важно прояснить понятие «организационная культура»: она состоит из совместно проживаемых ритуалов, символов, верований, восприятий и др., которые объединяют участников организации [Zamanou, Glaser 1994]. Классическим примером памяти в организациях являются корпоратив-

¹ Здесь и далее термин используется как зонтичное наименование для нескольких подходов к исследованию организаций.

ные музеи, цель которых в сохранении истории, поддержании групповой идентичности (в том числе гордости), взаимодействии с внешней публикой и др. [Nissley, Casey 2002: 36]. На каждом этапе создания такого музея сотрудники принимают решения о том, что из жизни организации уже является историей (такое решение не очевидно, если речь идёт о действующем институте), какие из её частей они хотят сохранить и разделить с внешней аудиторией. Это одновременно форма работы с коллективной памятью сотрудников и воспроизведение доминирующего в организации нарратива [Nissley, Casey 2002: 38].

К организационной памяти также относятся некоторые когнитивные процессы (например, научение) [Walsh, Ungson 2009: 52]. Помимо памяти, важен процесс забвения, то есть понимание того, кем мы уже не являемся [Anteby, Molnar 2012]. Важный ресурс для сохранения институциональной памяти — письменные источники. Одни из них создаются как раз для фиксирования истории организации (архивы), другие становятся источниками со временем (использованные библиотечные карточки, личные дела уволившихся сотрудников, утратившие силу постановления). Сохранение письменных данных, однако, редко оказывается случайным; любая библиотека или архив начинает свою работу с определения круга документов, которые будут собираться [Linde 2009: 12]. Источниками коллективной памяти становятся также сотрудники организации [Linde 2009: 13] как свидетели каких-то событий, о которых спустя время рассказывают в биографических текстах или медиа.

Институты занимаются не только работой с информацией, но и её интерпретацией. Разница в методах и результатах может объясняться организационными характеристиками и такими формами поведения организаций, как дискреция и изоморфизм (о них речь пойдёт в следующей части статьи) [Walsh, Ungson 1991: 60–61]. Для сбора информации важны практики, которые могут варьироваться на уровне популяций и сообществ [Walsh, Ungson 1991: 67], что отсылает нас к организационной экологии. Например, теневые бизнес-структуры будут скрывать и (или) уничтожать значительную часть своей документации, а культурные институты, напротив, оставят после себя разнообразные письменные свидетельства. Стратегии работы с документами могут повторяться в идеологически и (или) профессионально близких организациях, что также подлежит изучению.

Организации обладают собственной эмоциональной культурой, в том числе модусами эмоциональной реакции сотрудников на те или иные события. Это можно сравнить с организационным языком, описанным у Дж. Мейера и Б. Роуэна: «Подобно тому, как с помощью мифов зависти, злости, альтруизма и любви можно проинтерпретировать и объяснить действия индивидов, мифы докторов, бухгалтеров или конвейера помогают понять деятельность организации» [Мейер, Роуэн 2011: 53]. Коллективные эмоции сообщества формируются и воплощаются через ритуалы, которые могут носить рациональный или аффективный характер [Berkovich, Eyal 2018]. Совместное проживание корпоративных успехов и неудач через ритуалы, реакции радости или печали объединяют участников организации; те же механизмы и у коммемораций [Akgün, Keskin, Вурне 2012: 98]. Поскольку коммеморация связана в том числе со смертью, соответствующие практики любопытно изучать в организациях, чья деятельность также связана с ней. Например, недавнее исследование коммеморативных практик в полицейской среде показывает, что полицейские обладают особой символической культурой, воспринимают свою работу как пространство риска и близкой смерти, а также связывают свой опыт с опытом коллег (в том числе из других городов) [Sierra-Arévalo 2019].

Организационные исследования памяти — не маргинальная, но периферийная часть классических исследований организаций. Если классическая организационная теория, помимо общей критики, постоянно проверяется эмпирическими исследованиями, то организационные исследования памяти в академическом поле рассматриваются, скорее, с точки зрения текущих лакун и перспектив развития. Среди слабых мест направления отмечается, что организационные исследования на современном этапе не

учитывают индивидуальные факторы, такие как раса, гендер и др., в формировании институционального знания; предполагается, что организационные исследования памяти могут выиграть от обращения к феминистским подходам и интерсекциональности [Harris 2017]. Ещё одна зона критики — излишний менеджериализм и восприятие памяти как механического процесса [Rowlinson et al. 2010]. Значительная часть литературы по организационным исследованиям памяти рассматривает память «в контексте менеджмента, как ресурс эффективного управления» [Васильев 2012].

Также в литературе проблематизируется идентичность — персональная, организационная, национальная; данное понятие в OMS часто рассматривается как устойчивое, хотя оно может постоянно пересобираться [Ailon-Souday, Kunda 2003]. Данное замечание тесно связано с проблемой деколонизальности: организации могут использовать прошлое как символический ресурс, отвергать или видоизменять прежние практики, устанавливать разные отношения с глобальным рынком [Lahiri, Bhandarker, Behrens 2021]. Критические исследования организационной памяти предлагают любопытные наблюдения: например, банки в постколониальной Гане сознательно использовали архитектурный стиль, отличающийся от предшествующего [Decker 2014]. Это свидетельство можно отнести к истории, организационным трансформациям и коллективной памяти. Такие феномены говорят в пользу синтеза теорий.

Тем не менее организационные исследования памяти в настоящий момент сближаются с соседними дисциплинами, явно или неосознанно опираясь на несколько предпосылок из *memory studies*. Например, эти дисциплины объединяет само понимание общего проживания прошлого опыта и его использование для целей настоящего, а также связь коллективной памяти с инфраструктурой (то есть с письменными и материальными источниками) [Eisenman, Frenkel 2021: 2]. Коммеморативные практики и всё, что относится к коллективной памяти, зачастую находятся в центре идентичности, которую демонстрирует организация. Так, сравнительное исследование школьных сайтов показало, что большая часть содержащихся там материалов относится к церемониям, коммеморациям или иным мероприятиям, связанным с историей региона и (или) страны [Dimopoulos, Tsami 2018: 13]. Исследование одной из американских страховых компаний меняет традиционный взгляд на память как на организационный ресурс; вместо этого Ш. Линд рассматривает компанию как место (вос)производства памяти, чем, по сути, делает вклад и в OMS, и в *memory studies* [Linde 2009; Васильев 2012]. Приведённые примеры являются, пожалуй, исключениями, поскольку организационные исследования памяти действуют в устоявшейся логике обращения к собственной памяти как ресурсу. Тем не менее работы на стыке дисциплин говорят о возможности синтеза и общности объекта. Мемориальное измерение организационных практик — ещё одна характеристика института, которая может изучаться как в исследованиях памяти, так и в классической организационной теории.

Организационные подходы к исследованиям коллективной памяти

Выше я рассмотрела несколько теоретических формул пересечения коллективной памяти и организационной динамики. Однако возможностей для их синтеза больше, и, на мой взгляд, они находятся в базовых теориях организаций. Далее я обращаюсь к нескольким классическим подходам и размышляю о том, как их можно применить в исследованиях коллективной памяти.

Неоинституционализм

Значимость неоинституциональных подходов объясняется их вниманием к внутриорганизационным процессам (в особенности к структурам и практикам), которые предшествующие теории рационального выбора не могли объяснить [Goodrick, Salancik 1996: 2]. Согласно этим подходам, организации образуют поле, состоящее из производителя и потребителей, регулирующих инстанций, источников,

ресурсов и др. [DiMaggio, Powell 1983: 148]. Само наличие рационализированной системы институтов в той или иной сфере — свидетельство уровня модернизации общества [Мейер, Роуэн 2011: 49]. Этим тезисом неoinституционалисты совпадают с исследователями памяти и исторической политики [Ассман 2018: 261].

Организации стремятся к обретению легитимности, а для её достижения соблюдают принятые в институциональной среде нормы и ожидания [Goodrick, Salancik 1996: 1]. Эти нормы представляют собой договорённости о том, как должна быть выполнена та или иная задача. Соблюдение договорённостей происходит благодаря регулированию на разных уровнях (принятые в обществе нормы, государственное управление, образование и аккредитация) [DiMaggio, Powell 1983; Goodrick, Salancik 1996].

Следование договорённостям через определённые практики делает организации похожими друг на друга; этот процесс называется изоморфизмом [Мейер, Роуэн 2011]. Так формируются организационные мифы, которые могут проявляться и на уровне структуры (например, наличие образовательной программы по патриотическому воспитанию). Изоморфизм повышает шансы организации на выживание, увеличивает её легитимность, создаёт «представление об организации как об отвечающей всем требованиям, рациональной и современной» [Мейер, Роуэн 2011: 48], при этом на практике может снижать эффективность и не отвечать реальному положению дел (неясно, влияет ли наличие образовательной программы на степень патриотичности). Изоморфизм неодинаков на разных уровнях: руководящие структуры имеют больше сходств, чем локальные организации; это особенно хорошо изучено на примере образовательных институтов [Мейер, Роуэн 2011; Voxenbaum, Jonsson 2017: 4]. Классический пример современной изоморфной практики — использование интернет-ресурсов, создание официальных сайтов и профилей организации в социальных сетях. Если сегодня необходимость использования Интернета объясняется принципами рекламы и PR, то пару десятилетий назад сайты создавались для отчётности (актуально для образовательных учреждений) и демонстрации технологического развития [Dimopoulos, Tsami 2018: 1]. Сайты — способ демонстрации институциональной идентичности. Организационные характеристики влияют на характер самопрезентации; например, религиозные и светские, а также начальные и старшие школы демонстрируют разное соотношение образовательного и символического контента [Dimopoulos, Tsami 2018: 8]. Накануне памятных исторических дат, как праздничных так и трагических, организации используют свои медиа для выражения тех или иных чувств, при этом и форма, и содержание контента, посвящённого одному событию, могут различаться. Сравним, например, коммеморации событий российской истории периода 1990-х гг. (распад СССР, война в Чечне и др.): в медиа образовательных учреждений, на сайтах музеев и в социальных сетях политических партий они выглядят по-разному.

Отличие изоморфизма в том, что он предполагает встраивание в уже существующую систему [Voxenbaum, Jonsson 2017: 3] и, соответственно, много имитации. Это заметно на примере коммеморативных и других мнемонических практик в организациях — они часто повторяют практики других институтов (как государства, так и коллег) [Coraiola, Suddaby, Foster 2018; Coraiola et al. 2023: 36]. Почему так происходит? Организации становятся похожими друг на друга в результате разных механизмов давления [DiMaggio, Powell 1983; Voxenbaum, Jonsson 2017: 3]. Один из них связан с властными отношениями, политической и судебной сферами. В отечественных практиках требование ведения социальных сетей (для школ), написания регулярных финансовых отчётов (для НКО), фиксирования объёмов выдачи книг (для библиотек) — это примеры того, как государство унифицирует подчинёнными ему организации, принуждая их к стандартным практикам. Другой механизм — нормативные требования, которые часто связаны с профессиональной сферой. Например, от куратора выставки ожидают соответствующего образования и личных качеств (исследовательская этика и др.). В бизнесе нормативное давление распространяется на уровне крупных фирм [Voxenbaum, Jonsson 2017: 6]. Наконец, третий механизм — имитация — распространяется через коллег по полю, которых организации воспринима-

ют как похожих на себя и при этом авторитетных с профессиональной точки зрения. Имитация связана с неопределённостью и неуверенностью, которые порождают дискрецию.

Неоинституциональный подход продуктивен для исследований памяти, поскольку, с одной стороны, позволяет изучать схожесть организаций на разных уровнях, с другой, оставляет пространство для осмысления их различий. Некоторые из институтов памяти обладают агентностью, то есть возможностью не встраиваться в официальный дискурс, (не)использовать определённые практики и др. Дискреция в организациях может происходить по нескольким причинам: (1) наличие или отсутствие ресурсов; (2) институциональное давление; (3) действующие в организации стандарты; (4) интересы акторов. Например, школы могут интерпретировать административные предписания в выгодном для себя ключе, опираясь на личные представления, организационную культуру и доступные ресурсы [Wilkins 2002: 121]. Так, советские утренники в детских садах, посвящённые памятным революционным датам, проводились выборочно; их количество и контент зависели от возраста детей и имеющихся ресурсов (в том числе методических) [Костюхина 2017: 173]. Главной причиной дискреции, однако, остаётся общее состояние неопределённости в сферах, не охваченных предписаниями [Pfeffer, Salancik 1978; Goodrick, Salancik 1996: 1–2]. Предпосылки этой неопределённости можно сформулировать следующим образом [Goodrick, Salancik 1996: 4–5]: во-первых, когда определена цель, но неясны способы её достижения, организация самостоятельно останавливает свой выбор на одном из возможных способов действия. Если целью музея является привлечение новых посетителей, его администрация может принять решение о снижении стоимости билетов или, напротив, о её увеличении и сознательном превращении музея в элитарное место. В обоих случаях в музее появятся новые посетители, но из разных социальных групп. Во-вторых, некоторые причинно-следственные связи остаются непрояснёнными до конца, и в этом случае организация принимает на веру какой-либо из сценариев [Мейер, Роуэн 2011]. В-третьих, предпосылкой для дискреции является неочевидность институциональных ценностей, их недостаточная разработанность, что можно проиллюстрировать примерами из сферы культурного наследия: разные представления активистов и государственных органов приводили к тому, что пропадали здания, предметы искусства или документы.

Ресурсная зависимость

Теория ресурсной зависимости изучает рациональное поведение организаций, которые преследуют свои интересы, контролируют собственные ресурсы и взаимодействует с «соседями» по полю — коллегами, поставщиками, покупателями и др. [Pfeffer, Salancik 1978]. В основе этой теории предпосылки о значимости социального контекста, в котором действуют институты; выбираемые ими для преследования своих интересов стратегии, а также властные отношения в поле. В этом заключается отличительная черта подхода, позиция, согласно которой «*B* зависит от *A* в той степени, в какой *A* обладает властью над *B*» [Davis, Adam Cobb 2010: 23–24]. При этом *A* и *B* могут находиться в состоянии взаимозависимости, тогда оба будут обладать определённой степенью власти и нуждаться друг в друге [Davis, Adam Cobb 2010: 24]. Так, например, взаимоотношения между музеем и находящимся в нём сувенирным магазином: первый предоставляет помещение, иногда предлагает идеи и товары, права на использование логотипа музея при продаже репродукций, например; второй обеспечивают финансовый поток, иногда превышающий общую стоимость входных билетов. Программная работа по теории ресурсной зависимости посвящена исследованию разнообразных способов и форм взаимодействия организации с её окружением, механизмов получения и ограничения выгод [Pfeffer, Salancik 1978]. В эмпирических исследованиях ресурсной зависимости ключевой дихотомией выступает разделение институтов на частные и государственные, однако многообразие организаций и их стратегий гораздо выше [Tolbert 1985: 3].

Задачи административной структуры в том, чтобы обеспечивать стабильный приток ресурсов и регулировать отношения с внешним миром [Tolbert 1985: 1]. Именно поэтому теория ресурсной зависимости

уделяет много внимания роли менеджеров и других профессионалов; облик организации в той или иной среде определяют именно они. Власть менеджеров напрямую связана с успешностью управления имеющимися ресурсами, а их деятельность определяет значимые для организации процессы. Это заметно при сравнении моделей управления схожими институтами. Марлен Ларуэлль, например, пишет о разнообразии существующих в России молодёжных организаций, имеющих отношение к историко-патриотическому воспитанию [Laruelle 2015]. Одни из них действуют на базе школ, другие объединяются с религиозными, военными и прочими общественными организациями или образуют самостоятельные учреждения. Иногда занятия проходят бесплатно, иногда предполагают оплату разного объёма. Отличаются также условия занятости: это может быть местом для волонтёрской или дополнительной профессиональной нагрузки, а также социальным лифтом или способом зарабатывать деньги после потери предыдущего источника дохода (актуально для ветеранов локальных войн, которые часто работают в таких учреждениях после демобилизации) [Laruelle 2015: 11–12]. Каждое из условий, определяющих, как организация будет функционировать в дальнейшем, связано с наличием тех или иных ресурсов — финансовых, кадровых, методических, символических — и с выбором других участников поля.

Решения, которые принимают участники поля, могут меняться, что требует постоянной адаптации, и речь далеко не всегда идёт только о финансах. В области исторической политики и работы с памятью также могут происходить изменения, связанные с управленческими решениями. Как отмечают исследователи, со временем изменилась роль распространённого в советских школах поискового движения «Красные следопыты», занимавшегося поиском останков солдат и их захоронением, уходом за мемориальными комплексами, сбором и сохранением предметов, связанных с войной. Их деятельность была и краеведческой, и патриотической и, как и многие внеклассные движения того времени, охватывала не всех школьников, формируя, скорее, группы по интересам. Многочисленные находки «Красных следопытов» стали основой для школьных музеев и уголков боевой славы. Постепенно такие мемориальные места возникли даже в небольших населённых пунктах, где, порой, школьный музей был единственной местной достопримечательностью [Konkka 2021]. Поддержание деятельности музея стало важным символическим ресурсом, поэтому полевая работа «следопытов» постепенно заменялась на музейную [Konkka 2021]. Ещё одно изменение произошло со сменой политического строя. Сегодня поисковые экспедиции требуют гораздо больше ресурсов, прежде всего — финансовых, но и методических (изменилось отношение к поисковой работе, появились регламенты). Это занятие перешло из стихийно детского в организованное взрослое. Школьные музеи функционируют с давно собранным материалом, однако некоторые из них, в зависимости от наличия ресурсов, расширяют свои экспозиции, добавляя предметы, относящиеся к более поздним историческим событиям [Konkka 2021].

В условиях взаимозависимости организации могут действовать по-разному; например, находить альтернативные источники дохода [Davis, Adam Cobb 2010: 24]. Так организации, находящиеся на государственном обеспечении, которое оказывается для них недостаточным, увеличивают свой доход, внедряя платные услуги. Обратная ситуация — обращение частных организаций за государственной помощью (льгота, заём, кредитные каникулы и др.). Ещё одна стратегия — объединение с другими акторами (создание профессиональных ассоциаций) [Davis, Adam Cobb 2010: 24]. При этом ресурсы как таковые являются, скорее, отправной точкой изучения проблемы; исследователей интересует создаваемая зависимость и соответствующее ей распределение власти. Если рассматривать ресурсы в связке с расстановкой сил на примере институтов памяти, можно увидеть, как устанавливается лидерство точек зрения (доминирующий нарратив) и практик (коммемораций).

Организационная экология

В центре внимания экологических подходов — вопрос о причинах разнообразия организаций, формах их сосуществования, возникновении, изменения и умирания [Hannan, Freeman 1977: 936; Baum,

Shipilov 2006: 55]. Окружающая среда, в которой находится конкретная организация, состоит из нескольких уровней. На первом находится организация, на втором — популяция (собрание схожих по занятиям и ресурсам организаций), на третьем — сообщество (взаимодействие популяций, занимающихся разными задачами, но полезных друг другу) [Hannan, Freeman 1977: 936; Baum, Shipilov 2006: 55].

Изменения, которые проходит организация, можно свести к четырём понятиям: вариация (*variation*), выбор (*selection*), удержание (*retention*) и соревнование (*competition*) [Baum, Shipilov 2006: 56]. Вкратце эту схему можно объяснить так: в институции появляется новый руководитель, который более или менее осознанно привносит новые практики и принципы работы. Коллектив, опираясь на существующие представления, организационную культуру и успешность привнесённого, даёт этим практикам оценку и выбирает (опять же с разной степенью осознания) те из них, что продолжат существовать. Успешные практики удерживаются, для этого могут прилагаться дополнительные усилия. Результатом воплощения этих практик может стать конкуренция в организационном поле, и на этом этапе решение о принципах деятельности снова нужно будет пересмотреть, что возвращает к предыдущим пунктам. Важно отметить, что определить успешность того или иного решения и предугадать его последствия иногда практически невозможно; я сравнила бы это с непрекращающейся игрой в шахматы, где каждый ход меняет расстановку сил. Ещё одна проблема — неясность причинно-следственных связей, когда в случае успеха не получается определить его предпосылки [Baum, Shipilov 2006: 56].

Взаимодействие организаций также можно исследовать на нескольких уровнях [Carroll 1984: 72; Baum, Shipilov 2006: 57]. Первый такой пример — межорганизационный, обращающий внимание не только на институт, но и на связанных с ним индивидов. Второй — уровень демографии, на котором можно отслеживать возникновение и умирание организаций. В западной академии исследования институциональной смертности (*mortality*) часто связаны с образовательными учреждениями [Zapp, Dahmen 2023]. В контексте коллективной памяти этот подход можно было бы связать с коммеморативными проектами, возникающими в определённые исторические периоды, тесно зависящими от тенденций исторической политики и источников финансирования. На третьем уровне процессы, происходящие в одной популяции, влияют на другую. Социологи и культурологи отмечают изменение роли музеев: из элитарных учреждений, чьей целью было сохранение наследия, значимого для высших слоёв общества, они превратились в демократические институты [Misztal 2003: 21]. Идеологией современного музея стало просвещение, целью — привлечение посетителей разного возраста, социального происхождения и культурного бэкграунда. Современные музеи отличаются разнообразием нарративов, направленность на эмоциональную составляющую восприятия (солидаризация и эмпатия), внимание к индивидуальному опыту представителей разных социальных групп, вариативность сопровождения объектов (тексты, экскурсии и прочие пояснения) [Andermann, Arnold-de Simine 2012: 2]. Всё это следствие нескольких явлений, произошедших в соседних организационных популяциях: технологические изменения; запрос со стороны публики; деятельность PR-специалистов, кураторов и др. Четвёртый уровень относится к существованию организационного сообщества, его устойчивости в условиях изменений, происходящих в популяциях. Здесь можно продолжить пример с финансированием коммеморативных инициатив. Законодательные ограничения деятельности фондов угрожают как самим фондам, так и подопечным НКО; в результате организационное сообщество, объединённое интересом к той или иной теме (сохранение памяти о репрессиях, например), может перестать существовать.

В отличие от других организационных теорий, экологический подход нечасто, но всё же применяется к исследованиям коллективной памяти. Во-первых, он повлиял на становление исследований организационной памяти: вспомним тезис о том, что организации учитывают опыт происходящих с ними изменений, что имеет как положительные, так и отрицательные последствия (повторение успешных стратегий может приводить к стагнации) [Baum, Shipilov 2006: 56]. Во-вторых, экологические метафоры продуктивны для работы с историческим материалом, они позволяют рассматривать идеоло-

гические позиции организаций как источник конфликта или ресурс. Исследование газет, издаваемых в период подъёма национал-социализма в Австрии, показало, что издания со схожей политической направленностью находились в большем противостоянии и конкуренции, чем оппозиционные друг другу, поскольку имели близкую аудиторию, но неполную идеологическую солидарность [Barnett, Wooywode 2004]. Это соотносится с одной из моделей легитимации, существующей в экологических теориях и объясняющей взаимодействие схожих институтов в одной нише [Hannan, Freeman 1989].

Экологический подход актуален и для исследования коммеморативных практик в разных организационных контекстах. Так, Д. Альдерман изучал, как американские школы используют имя Мартина Лютера Кинга в своём названии. Он искал связь между организационными характеристиками учебного заведения и фактом переименования и обнаружил, что большинство учреждений, назвавших себя в честь Мартина Лютера Кинга, находятся в северных и западных штатах; чаще всего это начальные и средние школы [Alderman 2002: 603–604]. Переименование школ — административная задача, требующая работы руководства, попечительского и (или) родительского комитета. Большое значение имеет и мнение общественности: школы воспринимаются как важнейшие агенты детской социализации, а их функционирование непосредственно обеспечивается местными налогоплательщиками. Наименование учреждения тем или иным образом — это коммеморативная практика, отсылающая к местным или национальным коллективным представлениям. Разнообразие и зачастую противостояние этих представлений делает школы аренами обсуждений, столкновения интересов и потенциальных конфликтов [Alderman 2002: 604–605], а значит, их можно рассматривать с точки зрения организационной экологии. Интересным примером здесь будет описанная разница восприятий одной и той же практики в разных учреждениях: если одни воспринимали переименование школы как продвижение идей демократии и справедливости, то другие считали, что это делает идентичность школы преимущественно афроамериканской [Alderman 2002: 607].

Как следствие цифровизации и радикальных изменений в том, как мы потребляем и производим информацию, исследователи вводят понятие «коннективная память» (*connective memory*) [Hoskins 2011]. Для исследований памяти так называемый коннективный поворот стал альтернативой устоявшимся дихотомиям («индивидуальное — коллективное» и др.), поскольку он предполагает постоянную «перекалибровку времени, пространства (места) и памяти людьми и технологиями <...> включёнными в разнообразные социальные сети» [Hoskins 2011: 29]. Этот подход обращает внимание на взаимодействие индивида и групп, на взаимодействие с историей как «в реальном времени», то есть с использованием технологий, так и более привычным образом — через архивы, музеи, библиотеки и др. Память, таким образом, будет трансформироваться при каждом взаимодействии и зависеть от индивида, способа передачи информации, института и др. [Ekelund 2023: 1]. Коннективная память близка экологическому подходу в исследованиях организаций, поскольку учитывает разнообразие инструментов её передачи. Этот подход, на мой взгляд, позволит исследовать более широкие контексты, в которых формируется и передаётся историческая память, что соответствует пониманию поля. В целом концепция коннективной памяти может использоваться как методологическая оптика или аналитический инструмент, в том числе для изучения столкновения и конфликта между идеями [Ekelund 2023: 1].

Современные исследователи используют синтетический концепт — «экологию мнемонических сообществ» [Coraiola, Suddaby, Foster 2018; Coraiola et al. 2023]. Этот подход связан с экологией организаций в самом широком смысле, он учитывает взаимодействия сообществ на разных уровнях и изменения, которые происходят внутри. Таким образом, можно исследовать деятельность, связанную с разными формами памяти, внутри мнемонических сообществ и между ними. Вкратце её можно описать как память, представление (*representing*) и забвение [Coraiola et al. 2023: 14], то есть как сохранение памяти, переложение её в нарратив и формирование соответствующей коммеморативной практики. Каждый из этих этапов влияет на организационную культуру. Представление памяти связано с процессами исто-

ризации (формирование архива), кураторства (выставки и прочие проекты) и образования ритуала. Представление наиболее распространено в организациях с долгой историей. Некоторые институции устраивают временные или постоянные экспозиции, посвящённые собственной истории. Иногда исторических пластов несколько: в одном здании могут быть памятные таблички, отсылающие к разным историческим периодам (что особенно интересно на примере постсоветских государств, в которых быстро сменяются эпохи). Ритуалы в давно существующих институциях работают на поддержание идентичности и даже социальной структуры [Dacin, Munir, Tracey 2010]. Наконец, забвение в мнемонических сообществах может выражаться в отказе от определённых воспоминаний, их подавлении или отстранении от них (*dissociating*) [Coraiola et al. 2023: 23]. В этом случае речь идёт об информации, малоактуальной или вредной для организации на текущем этапе её существования [Misztal 2003: 20]. В эту категорию попадают сведения и о недолго проработавших сотрудниках, и об идеологически невыгодных временных периодах. Если вычеркнуть прошлое не получается, от него можно частично отстраниться, преуменьшив, например, свою роль в тех или иных событиях [Booth et al. 2007: 626].

Перспективы дальнейших исследований

Изоморфные структуры и практики

Если рассматривать институты исторической памяти как акторов в организационном поле, можно проследить возникновение изоморфных структур (образовательные программы, должности, аттестации) и практик (коммеморативные ритуалы, способы празднования и горевания). Российское мнемоническое поле предлагает разнообразные данные для исследований в этом ключе: бюджетные организации ведут подробную отчётность (в том числе в социальных сетях). Сопоставив эти данные с организационными характеристиками, можно разработать классификацию по нужному признаку и даже делать предсказания.

Политико-идеологическое направление

Одно из возможных направлений дальнейшего синтеза организационной теории и исследований памяти — это изучение социальных движений в терминах институциональных логик [Friedland, Alford 1991], что позволит рассматривать политические идеологии как часть организационной культуры, анализировать коммеморации с институциональных позиций [Saito, Wang 2014: 170] и, например, находить такие конструкции, как «борьба с фальсификацией истории» или «осмысление трудного прошлого». Исследователи коллективной памяти и социологи организаций могут совместно работать над темами мемориального пространства (например, соотношение власти и контроля с темой смерти в музее) [Cutcher et al. 2016: 3–4], географических границ и глобализации [Coraiola et al. 2023: 51].

Исследования маргинализованных групп

Институциональная память становится эмоционально и содержательно гомогенной (на фоне доминирующего нарратива снижается внимание к сторонним сюжетам) [Ассман 2016: 26]. Память отдельных людей или социальных групп может размываться и, если использовать школьную метафору, приобретать факультативное значение. Та часть истории, которая не попадает в нарративы музеев, просветительских проектов или образовательные программы, оказывается на периферии. Кроме того, среди форм взаимодействия сообществ есть систематическая власть — источник дискриминации по гендерному или расовому признаку. Так образуется коллективная память маргинализованных групп. Её можно изучать с двух сторон: как сопротивление доминирующему нарративу и как продвижение собственного [Coraiola et al. 2023: 31].

Эмоции в организациях

Восприятие ритуалов коллективной памяти разнообразно: одни вызывают бурные споры (коммеморации погибших общественных деятелей) [Громов 2017], другие воспринимаются как нечто фоновое и нейтральное (позднесоветские производственные демонстрации). Это разнообразие потенциально полезно для исследователей, поскольку речь идёт об эмоциональной составляющей практик и производстве смыслов. К тому же внимание к эмоциям превратит замкнутый круг, при котором ритуалы памяти изучаются вне их рецепции [Kansteiner 2002: 179].

Исследования организационной культуры и профессиональных групп

Создание, воспроизводство и поддержание коллективной памяти можно рассматривать как работу: например, можно говорить о профессионализации коммеморации [Олик 2012: 51] в определённые исторические периоды. Профессиональные мнемонические сообщества разнообразны, к ним можно отнести как государственные архивы, так и организованные социальные движения или мемориальные семейные собрания. Способ администрирования этих институтов, работа профессионалов и организационная культура, вероятно, будут отличаться в зависимости от типологии мнемонических сообществ, которую ещё предстоит разработать), и это ещё одно направление для будущих исследований [Rowlinson et al. 2010; Coraiola et al. 2023: 43–44].

Заключение

Замечание Э. Зерубавеля о том, что коллективная память мнемонического сообщества больше, чем сумма памяти всех его участников [Zerubavel 1996: 291], справедливо и для организации, которая живёт и действует не только как собрание занятых в ней профессионалов. Организационная идентичность и коллективная память как понятия объединены тем, что они сконструированы — исторически и социально [Anteby, Molnar 2012: 517].

Схожими являются и академические траектории исследований памяти и организационной теории. Э. Зерубавель рассуждает о том, как назначение Огюста Конта отцом-основателем социологии имплицитно отсекает предшественников в глазах студентов [Zerubavel 1996: 287]. Исследования памяти находятся в ещё более затруднительной ситуации: не имеющие собственной дисциплинарной ниши и кочующие в диапазоне от психологии до литературоведения, они перепроизводятся в каждом новом академическом поле, в которое попадают; их отцы-основатели, методы и тенденции каждый раз назначаются заново. Организационная теория может оказаться полезной в том числе потому, что сама находится в схожей ситуации (с точки зрения картирования наук), однако за счёт проработанных теорий и методологических дизайнов гораздо более устойчива к критике.

В чём преимущества синтеза описанных теорий? Во-первых, вдумчивая работа с предложенными теориями позволяет прояснить терминологическую путаницу, очевидную для всех, кто попытается искать тексты с помощью ключевых слов — *organization*, *institution* и *memory*. Все упомянутые в этом обзоре концепции можно рассматривать во множественном числе, что порождает непонимание и затрудняет обмен знаниями. «Институты» в исследованиях памяти и «институты» в организационной теории — это не омонимы и не случайное совпадение, но разные подходы к родственным сюжетам. Разобраться с этими понятиями и картировать их — важная задача, поскольку она обогатит оба направления и облегчит вход в тему для новых исследователей.

Во-вторых, организационная теория социологизирует исследования памяти. Подавляющее большинство существующих текстов по теме *memory studies* распадается на две категории: (1) подробные опи-

сания кейсов; (2) теоретизирование (в том числе социологическое). Организационная социология тоже обладает организационной культурой². В этой дисциплине принято взвешенное соотношение теории и эмпирики. Исследования, выполненные с использованием этих подходов, позволят сопоставить теоретические находки из обеих дисциплин.

Кроме того, работа в организационной парадигме позволит создать новые классификации и развить понятийный аппарат, что значимо для любой науки, в особенности для такой молодой, как *memory studies*. Например, мы сможем говорить не только о «памяти о Второй мировой войне», но и о «памяти школ» или «памяти маргинализованных групп». Точно также мы сможем рассматривать память бюрократических учреждений и бизнеса, городских и сельских организаций и др.

Для социологии организаций обращение к теме коллективной памяти и новым данным может оказаться продуктивным: Сбор и сравнительный анализ сведений, относящихся к коллективной памяти, требуют тонких методологических настроек: это потенциально сенситивные интервью, сведения из социальных сетей, которые могут отвечать совсем не на запланированные исследовательские вопросы, политические риски и др. Для исследований организаций, которые часто основываются на кабинетной работе с документами, это будет интересной методологической задачей.

Данный обзор имеет несколько естественных ограничений. Во-первых, он не претендует на полноту (в статье приводится ссылка на метаобзор по одной из тем), а стремится обозначить общие направления. Во-вторых, в статье вынужденно кратко описаны подходы организационной теории и кратко же сформулированы постулаты этих подходов, без учёта дебатов, продолжающихся в этой сфере. Некоторые из потенциально продуктивных подходов в тексте не упомянуты: так, я не рассматривала сетевой анализ и довольно косвенно описала исследования бюрократий. Надеюсь, что эти ограничения станут поводом для дискуссии и дальнейшего развития темы.

Литература

Андерсон Б. 2016. *Воображаемые сообщества*. М.: Кучково поле.

Архипова А. et al. 2017. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы. *Антропологический форум*. 33: 84–122.

Ассман А. 2016. *Новое недовольство мемориальной культурой*. Перев. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое Литературное обозрение.

Ассман А. 2018. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. Перев. с нем. Б. Хлебников. Изд. 2-е. М.: Новое Литературное обозрение.

Ассман А. 2019. *Забвение истории — одержимость историей*. Перев. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое Литературное обозрение.

Васильев А. 2012. Memory studies: единство парадигмы-многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти). *Новое Литературное обозрение*. 5: 461–480.

Громов Д. 2017. Немцов мост как место символической интеракции. *Антропологический форум*. 32: 171–200.

² Исследования памяти как академическая область тоже могут быть рассмотрены с использованием организационных подходов: они производятся в разных полях [Олик 2012: 47], с потенциально разным набором ресурсов, ритуалов и культурой.

- Костюхина М. С. 2017. Октябрьский сценарий в детском саду. *Детские чтения*. 12 (2): 173–183.
- Малинова О. Ю. 2017. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. *Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики)*. 4 (87): 6–22.
- Малинова О. Ю. 2019. Политика памяти как область символической политики. *МЕТОД: московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. 9: 285–312.
- Мейер Д., Роуэн Б. 2011. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал. *Экономическая социология*. 12 (1): 43–67. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259551850/ecsoc_t12_n1.pdf#page=43
- Миллер А. И. 2019. Рост значимости институционального фактора в политике памяти-причины и последствия. *Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики)*. 3 (94): 87–102.
- Олик Д. 2012. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. *Социологическое обозрение*. 11 (1): 40–74.
- Сафронова Ю. А. 2018. Третья волна *memory studies*: двадцать три года против шерсти. *Политическая наука*. 3: 12–27.
- Ailon-Souday G., Kunda G. 2003. The Local Selves of Global Workers: The Social Construction of National Identity in the Face of Organizational Globalization. *Organization Studies*. 24 (7): 1073–1096.
- Akgün A. E., Keskin H., Byrne J. 2012. Organizational Emotional Memory. *Management Decision*. 50 (1): 95–114.
- Alderman D. H. 2002. School Names as Cultural Arenas: The Naming of US Public Schools after Martin Luther King, Jr. *Urban Geography*. 23 (7): 601–626.
- Andermann J., Arnold-de Simine S. 2012. Museums and the Educational Turn: History, Memory, Inclusivity. *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 4 (2): 1–7.
- Anteby M., Molnar V. 2012. Collective Memory Meets Organizational Identity: Remembering to Forget in a Firm's Rhetorical History. *Academy of Management Journal*. 55 (3): 515–540.
- Barnett W. P., Woywode M. 2004. From Red Vienna to the Anschluss: Ideological Competition among Viennese Newspapers during the Rise of National Socialism. *American Journal of Sociology*. 109 (6): 1452–1499.
- Baum J. A., Oliver C. 1992. Institutional Embeddedness and the Dynamics of Organizational Populations. *American Sociological Review*. 57 (4): 540–559. Baum J. A. C., Shipilov A. 2006. Ecological Approaches to Organizations. In: Clegg S. et al. (eds). *Sage Handbook for Organization Studies*. London: Sage Publications Ltd; 55–110.
- Berkovich I., Eyal O. 2018. Feelings, Moods, and Emotion in Schools: Affective Perspectives. In: Connolly M. et al. (eds) *The SAGE Handbook of School Organization*. London: SAGE Publications Ltd; 210–227.

- Bernhard M. H., Kubik J. (eds). 2014. *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press.
- Booth C. et al. 2007. Accounting for the Dark Side of Corporate History: Organizational Culture Perspectives and the Bertelsmann Case. *Critical Perspectives on Accounting*. 18 (6): 625–644.
- Boxenbaum E., Jonsson S. 2017. Isomorphism, Diffusion and Decoupling: Concept Evolution and Theoretical Challenges. In: Greenwood R. et al. (eds) *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism*. 2nd edn. London: SAGE Publications Ltd; 77–101.
- Carroll G. R. 1984. Organizational Ecology. *Annual Review of Sociology*. 10 (1): 71–93.
- Connerton P. 1989. *How Societies Remember*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Conway B. 2010. New Directions in the Sociology of Collective Memory and Commemoration. *Sociology Compass*. 4 (7): 442–453.
- Coraiola D. M. et al. 2023. Ecologies of Memories: Memory Work Within and Between Organizations and Communities. *Academy of Management Annals*. 17 (1): 373–404.
- Coraiola D., Suddaby R., Foster W. M. 2018. Organizational Fields as Mnemonic Communities. In: Glückler J., Suddaby R., Lenz R. (eds) *Knowledge and Institutions*. Cham, Switzerland: Springer Open; 45–68.
- Cutcher L. et al. 2016. Spaces and Places of Remembering and Commemoration. *Organization*. 23 (1): 3–9.
- Dacin M. T., Munir K., Tracey P. 2010. Formal Dining at Cambridge Colleges: Linking Ritual Performance and Institutional Maintenance. *Academy of Management Journal*. 53 (6): 1393–1418.
- Davis G. F., Adam Cobb J. 2010. Chapter 2. Resource Dependence Theory: Past and Future. In: Bird Schoonhoven C., Dobbin F. (eds) *Stanford's Organization Theory Renaissance, 1970–2000 (Research in the Sociology of Organizations, vol. 28)*. Leeds: Emerald Group Publishing Limited; 21–42. URL: [https://doi.org/10.1108/S0733-558X\(2010\)0000028006](https://doi.org/10.1108/S0733-558X(2010)0000028006)
- Decker S. 2014. Solid Intentions: An Archival Ethnography of Corporate Architecture and Organizational Remembering. *Organization*. 21 (4): 514–542.
- DiMaggio P. J., Powell W. W. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. 48 (2): 147–160.
- Dimopoulos K., Tsami M. 2018. Greek Primary School Websites: The Construction of Institutional Identities in a Highly Centralized System. *Leadership and Policy in Schools*. 17 (4): 397–421.
- Eisenman M., Frenkel M. 2021. Remembering materiality: A Material–Relational Approach to Organizational Memory. *Organization Theory*. 2 (3). URL: <https://doi.org/10.1177/26317877211029666>
- Ekelund R. 2023. Connective Memory. In: Bietty L. M., Pogacar M. (eds) *The Palgrave Encyclopedia of Memory Studies*. Cham: Springer International Publishing; 1–5.
- Feindt G. et al. 2014. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies. *History and Theory*. 53 (1): 24–44.

- Friedland R., Alford R. 1991. Bringing Society Back In: Symbols, Practices, and Institutional Contradictions. In: Powell W. W, DiMaggio P. J. (eds) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago, IL: University of Chicago Press; 232–263.
- Giesen B., Eisenstadt S. N. 2015. *Triumph and Trauma*. London: Routledge.
- Goodrick E., Salancik G. R. 1996. Organizational Discretion in Responding to Institutional Practices: Hospitals and Cesarean Births. *Administrative Science Quarterly*. 41 (1): 1–28.
- Hannan M. T., Freeman J. 1977. The Population Ecology of Organizations. *American Journal of Sociology*. 82 (5): 929–964.
- Hannan M. T., Freeman J. 1989. *Organizational Ecology*. Cambridge: Harvard University Press.
- Harris K. L. 2017. Re-Situating Organizational Knowledge: Violence, Intersectionality and the Privilege of Partial Perspective. *Human Relations*. 70 (3): 263–285.
- Hirsch M., Smith V. 2002. Feminism and Cultural Memory: An Introduction. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 28 (1): 1–19.
- Hoskins A. 2011. Media, Memory, Metaphor: Remembering and the Connective Turn. *Parallax*. 17 (4): 19–31.
- Jedlowski P. 2001. Memory and Sociology: Themes and Issues. *Time & Society*. 10 (1): 29–44.
- Kansteiner W. 2002. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*. 41 (2): 179–197.
- Konkka O. 2021. Teaching and Remembering the Great Patriotic War in Soviet Schools. In: Hoffmann D. L. (ed) *The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*. London: Routledge; 86–106.
- Lahiri M., Bhandarker A., Behrens A. 2021. Organizational Memory and Institution Theory: A Postcolonial Perspective. *Thunderbird International Business Review*. 63 (4): 487–501.
- Laruelle M. 2015. Patriotic Youth Clubs in Russia. Professional Niches, Cultural Capital and Narratives of Social Engagement. *Europe-Asia Studies*. 67 (1): 8–27.
- Levitt B., March J. G. 1988. Organizational Learning. *Annual Review of Sociology*. 14 (1): 319–338.
- Linde C. 2009. *Working the Past: Narrative and Institutional Memory*. New York: Oxford University Press.
- Misztal B. 2003. *Theories of Social Remembering*. Maidenhead, UK: McGraw-Hill Education.
- Nissley N., Casey A. 2002. The Politics of the Exhibition: Viewing Corporate Museums through the Paradigmatic Lens of Organizational Memory. *British Journal of Management*. 13 (2): S35–S45.
- Olick J. K. 1999. Collective Memory: The Two Cultures. *Sociological Theory*. 17 (3): 333–348.
- Pfeffer J., Salancik G. R. 1978. *The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective*. New York: Harper Row.

- Rowlinson M. et al. 2010. Social Remembering and Organizational Memory. *Organization Studies*. 31 (1): 69–87.
- Saito H. 2010. From Collective Memory to Commemoration. In: Grindstaff L. et al. (eds) *Handbook of Cultural Sociology*. London: Routledge; 629–638.
- Saito H., Wang Y. 2014. Competing Logics of Commemoration: Cosmopolitanism and Nationalism in East Asia's History Problem. *Sociological Perspectives*. 57 (2): 167–185.
- Sierra-Arévalo M. 2019. The Commemoration of Death, Organizational Memory, and Police Culture. *Criminology*. 57 (4): 632–658.
- Tolbert P. S. 1985. Institutional Environments and Resource Dependence: Sources of Administrative Structure in Institutions of Higher Education. *Administrative Science Quarterly*. 30 (1): 1–13.
- Walsh J. P., Ungson G. R. 1991. Organizational Memory. *Academy of Management Review*. 16: (1): 57–91.
- Walsh J. P., Ungson G. R. 2009. Organizational Memory. In: Prusak L. (ed) *Knowledge in Organisations*. London: Routledge: 177–212.
- Wilkins R. 2002. Schools as Organisations: Some Contemporary Issues. *International Journal of Educational Management*. 16 (3): 120–125.
- Zamanou S., Glaser S. R. 1994. Moving toward Participation and Involvement: Managing and Measuring Organizational Culture. *Group Organization Management*. 19 (4): 475–503.
- Zapp M., Dahmen C. 2023. Live and (Let) Die—Shifting Legitimacies and Organizational Mortality in American Higher Education, 1944–2018. *Social Problems*. Spad001. URL: <https://doi.org/10.1093/socpro/spad001>
- Zerubavel E. 1996. Social Memories: Steps to a Sociology of the Past. *Qualitative Sociology*. 19: 283–299.

PROFESSIONAL REVIEWS

Anna Kolotovkina

Institutions of the Past: The Potential of Organizational Theory in Collective Memory Studies

KOLOTOVKINA, Anna —

PhD student at the Faculty of Sociology of the European University in St. Petersburg; Junior researcher at the Laboratory of Digital Research of Literature and Folklore of the Institute of Russian Literature (Pushkin House). Address: 199034, 4 Makarova Embankment, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: annykolotovkina@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the potential of organizational theory in memory studies. The existing approaches to the study of themes at the intersection of historical memory and organizations are noted. Firstly, this is the institutional approach in memory studies, which is characterized by a thorough description of individual cases but a lack of comparison, as well as a narrow understanding of what can be considered an institution of memory. Secondly, there are organizational memory studies (OMS), which are aimed primarily at studying the formation and reproduction of the history of specific organizations and which lack attention to the theoretical findings of memory studies. The main weakness of the described methodological solutions is their weak theoretical and disciplinary permeability, which leads to parallel research work in areas that are little interested in each other.

An alternative methodological move may be the application of the sociology of organizations to studies of museums, archives, educational institutions, and other mnemonic actors. The article examines three key areas of organizational sociology: new institutionalism (focusing on isomorphism, decoupling, and organizational discretion), resource dependence theory, and organizational ecology. The approaches described are illustrated by examples from empirical studies on collective memory, as well as cases relevant to social and historical research. It is noted that organizational theory can be used to analyze commemorative practices, (re)production of identity, and relations with the state. It helps explain variations in practices across institutions, links established organizational traditions with their actions in the present, and typologizes organizations on new grounds.

Keywords: memory institutions; collective memory; organizational ecology; isomorphism; discretion; resource dependence; mnemonic actors; commemorative practices.

References

- Ailon-Souday G., Kunda G. (2003) The Local Selves of Global Workers: The Social Construction of National Identity in the Face of Organizational Globalization. *Organization studies*, vol. 24, no 7, pp. 1073–1096.
- Akgün A. E., Keskin H., Byrne J. (2012) Organizational Emotional Memory. *Management Decision*, vol. 50, no 1, pp. 95–114.
- Alderman D. H. (2002) School Names as Cultural Arenas: The Naming of US Public Schools after Martin Luther King, Jr. *Urban Geography*, vol. 23, no 7, pp. 601–626.

- Andermann J., Arnold-de Simine S. (2012) Museums and the Educational Turn: History, Memory, Inclusivity. *Journal of Educational Media, Memory, and Society*, vol. 4, no 2, pp. 1–7.
- Anderson B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities], Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).
- Anteby M., Molnar V. (2012) Collective Memory Meets Organizational Identity: Remembering to Forget in a Firm's Rhetorical History. *Academy of Management Journal*, vol. 55, no 3, pp. 515–540.
- Arhipova A., Doronin D., Kirzyuk A., Radchenko D., Sokolova A., Titkov A., Yugay E. (2017) Voyna kak prazdnik, prazdnik kak voyna: perphormativnaya kommemoratsiya Dnya Pobedy [War as Festival, Festival as War: Performative Commemoration of Victory Day]. *Forum for Anthropology and Culture = Antropologicheskij forum*, no 33, pp. 84–122 (in Russian).
- Assmann A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention], Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie (in Russian).
- Assmann A. (2018) *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik], Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie (in Russian).
- Assmann A. (2019) *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriej* [Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit: Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945], Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie (in Russian).
- Barnett W. P., Woywode M. (2004) From Red Vienna to the Anschluss: Ideological Competition among Viennese Newspapers during the Rise of National Socialism. *American Journal of Sociology*, vol. 109, no 6, pp. 1452–1499.
- Baum J. A., Oliver C. 1992. Institutional Embeddedness and the Dynamics of Organizational Populations. *American Sociological Review*, vol. 57, no 4, pp. 540–559.
- Baum J. A. C., Shipilov A. (2006) Ecological Approaches to Organizations. *Sage Handbook for Organization Studies* (eds. S. Clegg, C. Hardy, T. Lawrence, W. Nord, London: SAGE Publications Ltd, pp. 55–110.
- Berkovich I., Eyal O. (2018) Feelings, Moods, and Emotion in Schools: Affective Perspectives. *The SAGE Handbook of School Organization* (eds. M. Connolly, D. H. Eddy-Spicer, Ch. James, Sh. D. Kruse), London: SAGE Publications Ltd, pp. 210–227.
- Bernhard M. H., Kubik J. (eds) (2014). *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*, Oxford: Oxford University Press.
- Boxenbaum E., Jonsson S. 2017. Isomorphism, Diffusion and Decoupling: Concept Evolution and Theoretical Challenges. *The SAGE Handbook of Organizational Institutionalism* (eds. R. Greenwood, Ch. Oliver, T. Lawrence, R. Meyer), 2nd edn., London: SAGE Publications Ltd, pp. 77–101.
- Carroll G. R. (1984) Organizational Ecology. *Annual Review of Sociology*, vol. 10, no 1, pp. 71–93.
- Connerton P. (1989) *How Societies Remember*, Cambridge; New York: Cambridge University Press.

- Conway B. (2010) New Directions in the Sociology of Collective Memory and Commemoration. *Sociology Compass*, vol. 4, no 7, pp. 442–453.
- Coraiola D. M., Foster W. M., Mena S., Foroughi H., Rintamäki J. (2023) Ecologies of Memories: Memory Work Within and Between Organizations and Communities. *Academy of Management Annals*, vol. 17, no 1, pp. 373–404.
- Coraiola D., Suddaby R., Foster W. M. (2018) Organizational Fields as Mnemonic Communities. *Knowledge and Institutions* (eds. J. Glückler, R. Suddaby, R. Lenz), Cham, Switzerland: Springer Open, pp. 45–68.
- Cutcher L., Dale K., Hancock P., Tyler M. (2016) Spaces and Places of Remembering and Commemoration. *Organization*, vol. 23, no 1, pp. 3–9.
- Dacin M. T., Munir K., Tracey P. (2010). Formal Dining at Cambridge Colleges: Linking Ritual Performance and Institutional Maintenance. *Academy of Management Journal*, vol. 53, no 6, pp. 1393–1418.
- Davis G. F., Adam Cobb J. (2010) Chapter 2. Resource Dependence Theory: Past and Future. *Stanford's Organization Theory Renaissance, 1970–2000 (Research in the Sociology of Organizations, vol. 28)*. (eds. C. Bird Schoonhoven, F. Dobbin), Leeds: Emerald Group Publishing Limited, pp. 21–42. Available at: [https://doi.org/10.1108/S0733-558X\(2010\)0000028006](https://doi.org/10.1108/S0733-558X(2010)0000028006) (accessed 26 October 2024).
- Decker S. (2014) Solid Intentions: An Archival Ethnography of Corporate Architecture and Organizational Remembering. *Organization*, vol. 21, no 4, pp. 514–542.
- DiMaggio P. J., Powell W. W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*, vol. 48, no 2, pp. 147–160.
- Dimopoulos K., Tsami M. (2018) Greek Primary School Websites: The Construction of Institutional Identities in a Highly Centralized System. *Leadership and Policy in Schools*, vol. 17, no 4, pp. 397–421.
- Eisenman M., Frenkel M. (2021). Remembering Materiality: A Material–Relational Approach to Organizational Memory. *Organization Theory*, vol. 2, no 3. Available at: <https://doi.org/10.1177/26317877211029666> (accessed 26 October 2024).
- Ekelund R. (2023) Connective Memory. *The Palgrave Encyclopedia of Memory Studies* (L.M. Bietty, M. Pogacar), Cham: Springer International Publishing, pp. 1–5.
- Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimçev R. (2014) Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies. *History and Theory*, vol. 53, no 1, pp. 24–44.
- Friedland R., Alford R. (1991) Bringing Society Back In: Symbols, Practices, and Institutional Contradictions. *The New Institutionalism in Organizational Analysis* (eds. W. W. Powell, P. J. DiMaggio), Chicago, IL: University of Chicago Press, pp. 232–263.
- Giesen B., Eisenstadt S. N. (2015) *Triumph and Trauma*, London: Routledge.
- Goodrick E., Salancik G. R. (1996). Organizational Discretion in Responding to Institutional Practices: Hospitals and Cesarean Births. *Administrative Science Quarterly*, vol. 41, no 1, pp. 1–28.

- Gromov D. (2017) Nemcov most kak mesto simvolicheskoy interakcii [Nemtsov Bridge as a Place of Symbolic Interaction]. *Forum for Anthropology and Culture = Antropologicheskij forum*, no 32, pp. 171–200 (in Russian).
- Hannan M. T., Freeman J. (1977) The Population Ecology of Organizations. *American Journal of Sociology*, vol. 82, no 5, pp. 929–964.
- Hannan M. T., Freeman J. (1989) *Organizational Ecology*, Cambridge: Harvard University Press.
- Harris K. L. (2017). Re-Situating Organizational Knowledge: Violence, Intersectionality and the Privilege of Partial Perspective. *Human Relations*, vol. 70, no 3, pp. 263–285.
- Hirsch M., Smith V. (2002) Feminism and Cultural Memory: An Introduction. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, vol. 28, no 1, pp. 1–19.
- Hoskins A. (2011) Media, Memory, Metaphor: Remembering and the Connective Turn. *Parallax*, vol. 17, no 4, pp. 19–31.
- Jedlowski P. (2001) Memory and Sociology: Themes and Issues. *Time & Society*, vol. 10, no 1, pp. 29–44.
- Kansteiner W. (2002) Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*, vol. 41, no 2, pp. 179–197.
- Konkka O. (2021) Teaching and Remembering the Great Patriotic War in Soviet schools. *The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia* (ed. D. L. Hoffmann), London: Routledge, pp. 86–106.
- Kostyuhina M. S. (2017) Oktyabr'skij scenarij v detskom sadu [The October Script for Preschoolers]. *Children's Readings = Detskie chteniya*, vol. 12, no 2, pp. 173–183 (in Russian).
- Lahiri M., Bhandarker A., Behrens A. (2021) Organizational Memory and Institution Theory: A Postcolonial Perspective. *Thunderbird International Business Review*, vol.63, no 4, pp. 487–501.
- Laruelle M. (2015) Patriotic Youth Clubs in Russia. Professional Niches, Cultural Capital and Narratives of Social Engagement. *Europe-Asia Studies*, vol. 67, no 1, pp. 8–27.
- Levitt B., March J. G. (1988) Organizational Learning. *Annual Review of Sociology*, vol. 14, no 1, pp. 319–338.
- Linde C. (2009) *Working the Past: Narrative and Institutional Memory*, New York: Oxford University Press.
- Malinova O. Yu. (2017) Kommemoratsiya istoricheskikh sobytij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of Historical Events as Instrument of Symbolic Politics: Opportunities of Comparative Analysis]. *Politeia: The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics = Politeia: analiz, hronika, prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, no 4 (87), pp. 6–22 (in Russian).
- Malinova O. Yu. (2019) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [The Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics]. *METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies = METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskih disciplin*, iss. 9, pp. 285–312 (in Russian).

- Meyer J., Rowan B. (2011) *Institutsionalizirovannye organizatsii: phormal'naya struktura kak miph i tseremonial* [Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 12, no 1, pp. 43–67. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259551850/ecsoc_t12_n1.pdf#page=43 (accessed 26 October 2024) (in Russian).
- Miller A. I. (2019) Rost znachimosti institutsional'nogo phaktora v politike pamyati-prichiny i posledstviya [Growth of the Significance of Institutional Factor in Politics of Memory — Causes and Implications]. *Politeia: The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics = Politeia: analiz, hronika, prognoz (zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, no 3 (94), pp. 87–102 (in Russian).
- Misztal B. (2003) *Theories of Social Remembering*, Maidenhead, UK: McGraw-Hill Education.
- Nissley N., Casey A. (2002) The Politics of the Exhibition: Viewing Corporate Museums through the Paradigmatic Lens of Organizational Memory. *British Journal of Management*, vol. 13, no 2, pp. 35–45.
- Olick J. K. (1999) Collective Memory: The Two Cultures. *Sociological Theory*, vol. 17, no 3, pp. 333–348.
- Olick J. K. (2012) Phiguratsii pamyati: protsess-relyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Figurations of Memory: A Process-Relational Methodology Illustrated on the German Case]. *Russian Sociological Review = Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 11, no 1, pp. 40–74 (in Russian).
- Pfeffer J., Salancik G. R. (1978) *The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective*, New York: Harper Row.
- Rowlinson M., Booth C., Clark P., Delahaye A., Procter S. (2010) Social Remembering and Organizational Memory. *Organization Studies*, vol. 31, no 1, pp. 69–87.
- Safronova Yu. A. (2018) Tret'ya volna memory studies: dvadtsat' tri goda protiv shersti [The Third Wave of Memory Studies: Going against the Grain for Twenty-Three Years]. *Political Science (RU) = Politicheskaya nauka*, no 3, pp. 12–27 (in Russian).
- Saito H. (2010) From Collective Memory to Commemoration. *Handbook of Cultural Sociology* (eds. L. Grindstaff, M.-Ch. Lo, J. R. Hall), London: Routledge, pp. 629–638.
- Saito H., Wang Y. (2014) Competing Logics of ommemoration: Cosmopolitanism and Nationalism in East Asia's History Problem. *Sociological Perspectives*, vol. 57, no 2, pp. 167–185.
- Sierra-Arévalo M. (2019) The Commemoration of Death, Organizational Memory, and Police Culture. *Criminology*, vol. 57, no 4, pp. 632–658.
- Tolbert P. S. (1985) Institutional Environments and Resource Dependence: Sources of Administrative Structure in Institutions of Higher Education. *Administrative Science Quarterly*, vol. 30, no 1, pp. 1–13.
- Vasiliev A. (2012) Memory studies: edinstvo paradigmy-mnogoobrazie obektov (Obzor angloyazychnykh knig po istorii pamyati) [Memory Studies: The Unity of Paradigms-Many Objects (A Review of English-Language Books on the Historical Memory)] *New Literary Review = Novoe Literaturnoe obozrenie*, no 5, pp. 461–480 (in Russian).
- Walsh J. P., Ungson G. R. (1991) Organizational Memory. *Academy of Management Review*, vol. 16, no 1, pp. 57–91.

Walsh J. P., Ungson G. R. (2009) Organizational memory. *Knowledge in Organisations* (ed. L. Prusak), London: Routledge, pp. 177–212.

Wilkins R. (2002). Schools as Organisations: Some Contemporary Issues. *International Journal of Educational Management*, vol. 16, no 3, pp. 120–125.

Zamanou S., Glaser S. R. (1994) Moving toward Participation and Involvement: Managing and Measuring Organizational Culture. *Group Organization Management*, vol. 19, no 4, pp. 475–503.

Zapp M., Dahmen C. (2023) Live and (Let) Die—Shifting Legitimacies and Organizational Mortality in American Higher Education, 1944–2018. *Social Problems Social Problems*, spad001. Available at: <https://doi.org/10.1093/socpro/spad001> (accessed 31 October 2024)

Zerubavel E. (1996) Social Memories: Steps to a Sociology of the Past. *Qualitative Sociology*, vol. 19, pp. 283–299.

Received: August 11, 2024

Citation: Kolotovkina A. (2024) Instituty proshlogo: potentsial organizatsionnoy teorii v issledovaniyakh kollektivnoy pamyati [Institutions of the Past: The Potential of Organizational Theory in Collective Memory Studies]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 5, pp. 73–97. doi: [10.17323/1726-3247-2024-5-73-97](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-5-73-97) (in Russian).

ДИСКУССИИ

Д. Б. Литвинцев

Жилищные жалобы, институциональные аномалии и волокита: новые аспекты старой дискуссии



ЛИТВИНЦЕВ Денис Борисович — кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета. Адрес: 630073, Россия, г. Новосибирск, проспект Карла Маркса, д. 20.

Email: denlitv@inbox.ru

Статья развивает дискуссию о дисфункциональности института жалоб в сфере ЖКХ в России, начало которой было положено в 2022–2023 гг. серией статей Д. Б. Литвинцева и О. Э. Бессоновой, опубликованных в журнале «Экономическая социология». В основу данной работы преимущественно легло обсуждение выступления А. Д. Абдулаева с тематическим докладом на семинаре Высшей школы экономики в марте 2024 г. В статье затрагиваются такие вопросы, как необходимость расширения строго институционального подхода до интегративного, ограниченность количественных методов в исследовании института жалоб, проблема институциональных аномалий в функционировании института жалоб, а также обсуждается феномен волокиты. Особое внимание уделяется проблеме анализа электронных жалоб, поданных через различные интернет-порталы, и невозможности в полной мере избавиться от институциональных злоупотреблений, формализуя и модерирруя подаваемые жалобы. В качестве нового аспекта дискуссии предлагается рассматривать жилищные жалобы как особый вид жалоб (по аналогии с жилищным активизмом как особым видом социального активизма). Для этого автор настоящей статьи обращается к обширному опыту Великобритании, в которой функционирует централизованный канал подачи жилищных жалоб — служба жилищного омбудсмена, осуществляющая свою работу в соответствии с Кодексом рассмотрения жалоб. Служба ведёт ежегодную публичную отчётность о своей деятельности, публикуя результаты и рейтинги в открытом доступе на официальном сайте. В заключении отмечается необходимость развития позитивной культуры жалоб в сфере ЖКХ в России, что требует дальнейших исследований и разработки соответствующих рекомендаций.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство; культура жалоб; институт жалоб; институциональная аномалия; жилищная жалоба; волокита.

Введение

Двенадцатого марта 2024 г. на базе Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) Высшей школы экономики (ВШЭ) состоялся семинар «Жалоба как инструмент отстаивания прав частных собственников в российском поле ЖКХ на примере многоквартирных домов Санкт-Петербурга»¹. В качестве дискуссанта в семинаре принял участие и автор настоящей статьи. Докладчик А. Д. Абдулаев, опираясь в том числе на раз-

¹ См. подробнее <https://ecsoclab.hse.ru/announcements/902824292.html>

личные аспекты дискуссии между мною, Д. Б. Литвинцевым, и О. Э. Бессоновой, начавшейся ещё в 2022 г. на страницах журнала «Экономическая социология» [Литвинцев 2022; Бессонова 2022], представил авторское видение проблематики и методологию исследования, основанную в том числе на анализе массива жалоб с портала «Наш Санкт-Петербург». Целесообразно отметить, что впервые А. Д. Абдулаев показал отдельные результаты своего исследования на конференции «Ковалёвские чтения» также в 2022 г. [Абдулаев 2022].

Расширение круга практических вопросов для научного обсуждения, связанных с функциональностью института жалоб в сфере ЖКХ в России, вовлечение в неё новых участников, а также стимулирование дальнейших научных (как фундаментальных, так и прикладных) исследований — такова была изначальная цель дискуссии, которая отчасти перешла в полемику. И, по мнению автора настоящей статьи, именно данная цель и была достигнута. Иными словами, в этом и заключался смысл начатой дискуссии, по поводу которого задавалась вопросом О. Э. Бессонова, приняв исключительно за «словесные баталии» постановку Д. Б. Литвинцевым проблем и выдвижение гипотез [Бессонова 2023: 150] в предыдущих статьях.

В то же время О. Э. Бессонова справедливо отмечает, что речь идёт не обо всех жалобах в сфере ЖКХ, а лишь о небольшом сегменте, идущем от собственников многоквартирных домов (МКД) [Бессонова 2023: 149]. Представляется, что именно этот сегмент и является чрезвычайно значимым и, наоборот, охватывающим существенное число жалоб городских жителей² (что, кстати, и было продемонстрировано в докладе А. Д. Абдулаева) на содержание жилья, управление МКД, коммунальные услуги и т. п. В данном случае речь идёт действительно о ЖКХ, а не о городском хозяйстве в целом (ремонт дорог, развитие инфраструктуры и др.). И в этом смысле выводы о функциональности института жалоб делаются применительно именно к обозначенной сфере, а не по отношению ко всей социально-экономической структуре общества.

Основной исследовательский замысел настоящей статьи — развить дискуссию о функционировании института жалоб в обозначенной выше сфере, опираясь на наиболее интересные моменты выступления А. Д. Абдулаева и высказанные в ходе его обсуждения другими дискуссантами идеи: особенности методологии исследования жалоб как института в сфере ЖКХ; ограничения количественного метода исследования жалоб и возможности качественного подхода; институциональные аномалии, связанные с информатизацией и формализацией процесса подачи жалоб; жилищный активизм и жилищные жалобы как особый вид жалоб и др. По ходу статьи затрагиваются также отдельные положения состоявшейся ранее дискуссии между Д. Б. Литвинцевым и О. Э. Бессоновой (первопричина жалоб и психоэмоциональное состояние; отличие жалоб от запроса на обслуживание; невозможность замещения института жалоб судебными исками в сфере ЖКХ в силу волокиты и больших транзакционных издержек и т. п.), представляющиеся актуальными в свете новых эмпирических данных А. Д. Абдулаева.

Вопросы методологии

Во-первых, всё более очевидным становится тот факт, что применение чисто институционального подхода недостаточно для всестороннего анализа функциональности института жалоб. Это в том числе отметил дискуссант С. Г. Пашков на семинаре ЛЭСИ, обратив внимание на двустороннее влияние института и его участников. С одной стороны, мы имеем институт жалоб как социальный факт (по

² Большое количество жалоб в сфере ЖКХ связано не только с неудовлетворительной работой управляющих компаний (УК), но и с халатностью самих застройщиков, на что обращают внимание также и зарубежные исследователи. Несмотря на высокий спрос на жилье, девелоперы находятся под огромным давлением со стороны покупателей из-за ограниченных сроков и бюджета. В результате наблюдается массовое строительство низкокачественных жилых комплексов, дефекты которых можно зафиксировать визуально [Saufi, Yusof, Rahman 2023]. Эта ситуация наблюдается и в России.

Э. Дюркгейму), который довлеет над социально-экономическими субъектами (и собственниками МКД, и УК). С другой стороны, сами субъекты в процессе взаимодействия способны повлиять на функциональность института (что также проявляется в виде институциональных злоупотреблений), способствовать его мутации и (или) мимикрии. Это противоречие свидетельствует в пользу необходимости не просто междисциплинарного подхода, на чём настаивал автор настоящей статьи в своих предыдущих работах [Литвинцев 2022; 2023], но применения интегральной парадигмы, сочетающей как традиции социологического реализма (парадигма социальных фактов и конфликтов, по Дж. Ритцеру), так и номинализма (парадигма социального поведения, по Дж. Ритцеру). Можно, например, обратиться к теории структуриации Э. Гидденса, в рамках которой утверждается, что социальные структуры (в том числе институт жалоб) являются и средством, и одновременно результатом взаимодействия.

Во-вторых, количественные методы исследования функциональности института жалоб демонстрируют определённую ограниченность, не будучи дополненными качественными методами (дискурс-анализ, нарративный анализ и т. п.), которые нацелены на изучение содержания самих жалоб³. Ограниченность связана в первую очередь с программно-техническими возможностями анализа жалоб, поданных через различные информационные системы. В связи с этим, с одной стороны, исследование А. Д. Абдулаева свелось к выгрузке жалоб с портала «Наш Санкт-Петербург» по 2022 г. включительно; с другой стороны, возникли сложности с отбором валидных обращений. Невозможно исходить из того, что с одной учётной записи (аккаунта) может подавать жалобы только один человек. Это отличает электронные жалобы (особенно анонимные) от традиционных жалоб на бумаге и устных во время личного приема. В презентации А. Д. Абдулаева было чётко показано, что с одного из аккаунтов было подано несколько тысяч жалоб, связанных с обслуживанием МКД. Ответить однозначно на вопрос, подавали ли их «городской сумасшедший»⁴ или группа заинтересованных граждан⁵, работающих с одного аккаунта, или это попросту была пакетная выгрузка жалоб из другой базы данных, практически невозможно. Однако это не просто статистический выброс, а именно аномалия, что было неоднократно отмечено в ходе обсуждения доклада, в том числе В. В. Радаевым. Более того, судя по всему, речь в данном случае должна идти именно об институциональной, а не просто о статистической аномалии.

Институциональные аномалии и волокита

Под институциональной аномалией понимаются «разнообразные формы отклонения институтов от их нормального функционирования, ведущие к снижению их эффективности и продуцирующие негативные внешние эффекты» [Фролов, Лаврентьева 2016: 139]. Институциональные аномалии и дисфункции связаны, но не идентичны. Аномалии могут приводить к дисфункциям, однако дисфункции могут также возникать и без явных аномалий (например, отторжение, по В. М. Полтеровичу, что связано с функционированием альтернативных институтов). Аномалия чаще касается определённых отклонений от нормального состояния и (или) функционирования, тогда как дисфункция — более обширное понятие, включающее негативные последствия функционирования института и (или) полную либо частичную утрату функциональности (аномия, по Э. Дюркгейму, Р. Мертону). При этом дисфункцио-

³ Качественные методы применялись, например, в исследовании повседневности советского общества 1950–1980 гг., неотъемлемой частью которого были жалобы по жилищно-бытовым вопросам в различные инстанции [Гущин 2018], или в исследовании квартирного вопроса в жалобах уральского городского населения 1970-х гг., опирающихся на представления о справедливости, рассматриваемой через призму порядка, законности и заслуженности благ, предоставляемых государством [Клинова 2017].

⁴ Любопытно, но специалисты в области лингвистической экспертизы отмечают: подобная идиома характеризует различные виды девиантного поведения в позитивном ключе [Чубина 2020]. В этом плане тысячи поданных жалоб от имени одного человека могут не только свидетельствовать об отклонениях в поведении, но и приносить отчасти реальную пользу.

⁵ Профессиональные жалобщики (идейные либо финансово замотивированные) не такая уж и редкость, как полагает О. Э. Бессонова [Бессонова 2023: 149]. Вопрос лишь в количественной оценке данного феномена.

нальный институт, становясь устойчиво неэффективным и имея самоподдерживающийся характер, может трактоваться как институциональная ловушка (в терминах В. М. Полтеровича).

В этом смысле тысячи поданных жалоб от имени одного пользователя — это явное отклонение от нормы, институциональная аномалия (поскольку окончательно не установлено происхождение жалоб), которая в конечном счёте может привести к дисфункции института, что, вероятно, связано с институциональным злоупотреблением, усугубляющимся с проникновением информационно-коммуникационных технологий в сферу ЖКХ. В то же время попытки сократить эти самые злоупотребления со стороны собственников МКД за счёт жёсткой регламентации процесса подачи жалоб и их модерации на портале «Наш Санкт-Петербург» (а по большому счёту и на других аналогичных российских ресурсах) также не имеют полного успеха.

Таким образом, как бы строго ни формализовался процесс подачи жалобы через Интернет, остаются нерешёнными следующие проблемы:

- если модераторам портала удастся отсеять бессодержательные (жалобы как средство общения) и ошибочные жалобы, то на поток импульсивных жалоб⁶ повлиять практически невозможно. Сезонный характер жалоб на холодные батареи в самом начале отопительного периода хорошо известен как УК, так и контрольно-надзорным органам. Однако не принять подобную жалобу нельзя, равно как и не отправить ответ на неё. Причём УК удовлетворить подобную жалобу зачастую не может в силу особенностей графика подключения отопления в разных районах города ресурсоснабжающими организациями. Вот и получается, что жалоба как будто реальная, содержательная и отчасти по адресу, однако первопричина жалобы — эмоции из разряда «Ну как же так? По слухам, в соседнем доме уже есть отопление, а у меня до сих пор нет»⁷. Причём совсем не обязательно в квартире в этот момент температура воздуха действительно ниже нормативной. И здесь опять же существенную роль играет субъективный фактор, поскольку человеку может быть холодно и при + 24°C, в то время как норматив составляет + 18°C, а для угловых комнат + 20°C (см. Приложение № 1 к Правилам предоставления коммунальных услуг, утверждённых Постановлением Правительства РФ № 354 от 6 мая 2011 г.). Поэтому в данном случае первопричина жалобы всё же именно психоэмоциональное состояние⁸, а не холод в квартире как определённое обстоятельство, на что указывала О. Э. Бессонова [Бессонова 2023: 149]. Более того, С. Хене полагает, что жалобы могут выступать источником для исследований в области социологии эмоций, сложным для анализа с методологической точки зрения. В этом дискурсе жалобы — это свидетельства перенапряжения и тревоги, подчёркивающие хрупкое эмоциональное состояние действующих лиц в городских пространствах [Hoehnhe 2012]. Неслучайно В. В. Радаев в своих последних исследованиях эмоционально нагруженного потребления (формы которого, кстати, могут быть обнаружены и в ЖКХ) отмечает, что эмоции являются одной из важнейших причин отклонения от сугубо рационального

⁶ Классификация жалоб (реальная, ошибочная, импульсивная, донос, средство общения) подробно рассмотрена в предыдущих публикациях; см.: [Литвинцев 2022; 2023].

⁷ По мнению Х. С. Кодзиты, жалобы в жилищной сфере тесно связаны со слухами, поскольку оба явления могут формировать представления о тех или иных проблемах. Слухи, в свою очередь, способны усилить или изменить восприятие жалоб, создавая определённый контекст для их интерпретации [Kajita 2023].

⁸ К слову, автор настоящей статьи никогда ранее не ссылался на работы по психологии К. Юнга, на что ошибочно указывает О. Э. Бессонова [Бессонова 2023: 149]. Сама по себе идея применить психологические типы к анализу поведения жалобщиков весьма любопытна, однако в предыдущей статье речь шла о возможности апеллирования к профессиональному опыту, о чём писал шотландский философ Д. Юм в трактате «Исследование о человеческом разумении» (1748).

поведения⁹, а сама эмоциональная составляющая присутствует практически в каждом социально-экономическом акте [Радаев 2023];

- неформальные ограничения (эмоции, слухи и др.) и формальные правила не позволяют в полной мере «избавиться» от бюрократической отписки как институциональной ловушки [Литвинцев 2023]. Кейс с отоплением в осенний период приводит к массовым отпискам, а ряд других категорий жалоб, в том числе на портале «Наш Санкт-Петербург», — к так называемым промежуточным ответам, которые, в том числе, нацелены не на решение проблемы, а на продление срока рассмотрения жалобы. В данном случае можно говорить о существовании ещё одного дефекта института жалоб — о волоките. В сфере ЖКХ это откладывание жалобы в «долгий ящик», медленное и затруднительное продвижение жалобы по различным инстанциям, сопровождающееся многочисленными отписками¹⁰. Причём, как отмечают исследователи, эффективных мер борьбы с волокитой не было найдено в том числе в традиционной судебной системе [Сафонова 2016]. Вероятно, в этом кроется одна из причин того, что институт жалоб не был заменён на судебные иски в сфере ЖКХ. Далее в рассуждениях можно пойти по пути О. Э. Бессоновой, взглянув на проблему через призму раздаточной экономики [Бессонова 2023: 151], но можно поступить иначе и обратиться к теории дисфункций институтов и систем О. С. Сухарева. При схожей дисфункциональности связанных институтов (отписки, волокита и т. п.) очевидно, что собственники в МКД будут выбирать вариант наиболее эффективный и с наименьшими транзакционными издержками (эффективность, по О. С. Сухареву, может быть определена как отношение числа исполняемых функций к единице транзакционных затрат) [Сухарев 2020]. Подача иска в суд сопровождается колоссальными транзакционными издержками, в то время как отправка жалобы через Интернет займёт всего пару минут. Это, собственно, и объясняет популяризацию всевозможных онлайн-сервисов для подачи жалоб и постепенное вытеснение традиционных форм;
- волоките способствует и невозможность модератором портала всегда достоверно определить исполнителя по той или иной жалобе, что связано с особенностями материально-технологической среды, во взаимосвязи с которой функционирует и институт жалоб в сфере ЖКХ. Речь идёт про коммунальность среды в X-матрице, к которой относится и Россия, на что неоднократно в своих работах обращала внимание С. Г. Кирдина-Чэндлер [Кирдина 2014]. Жалоба на отсутствие горячей воды может быть связана с качеством работ УК, с аварией на инженерных сетях ресурсоснабжающей организации или вообще с отсутствием циркуляционного трубопровода, что уже будут относиться к компетенции регионального оператора капитального ремонта. Причём в каждом конкретном случае будет отличаться и срок реагирования на жалобу, и фактический срок устранения проблемы. Однако в большинстве случаев подобная жалоба (в отдельных случаях ошибочная, как было показано выше) направляется модератором портала в УК как исполнителю коммунальных услуг.

Жилищная жалоба как особый вид жалоб

Учитывая многогранность и многомерность изучаемого феномена, хочется задаться вопросом: а не являются ли жилищные жалобы жалобами особого рода? К этому вопросу подводят представления о жи-

⁹ Различные отклонения характеризуют в том числе множественность рациональностей в жилищной сфере как в России, так и в странах Африки и Европы, что обуславливает отказ от классического бинарного видения (оппозиция «рациональный — нерациональный») социально-экономического взаимодействия, в том числе и в сфере ЖКХ [Литвинцев 2024].

¹⁰ Оценка масштаба распространения данной проблемы представляется небезынтересной и актуальной задачей, однако выходит за рамки настоящей статьи.

личном активизме (*housing activism*) как форме социального активизма, что было отмечено дискуссантом С. Г. Пашковым на семинаре ЛЭСИ. Исследователи из Швеции и Чили отмечают, что жилищный активизм не всегда движим инклюзивными и прогрессивными устремлениями, иногда он принимает форму исключаящего сопротивления [Polanska, Valenzuela-Fuentes, Kaun 2019].

Анализ официальных источников в Интернете показывает, что действительно в разных странах жилищные жалобы выделяются в отдельную категорию. Так, на портале государственных услуг США в разделе жалоб можно обнаружить раздел «Housing Complaints» («Жилищные жалобы»), к которому относятся жалобы на домовладельца, на дискриминацию при аренде жилья и на ипотечную компанию¹¹. Понятно, что подобная классификация жилищных жалоб отражает сложившуюся в США социально-культурную и институциональную среду. В этом смысле культура жалоб в США, одобряющая жалобное поведение, существенно отличается от культуры сдержанности и сочувствия, например, в Японии, где жаловаться не особо принято¹². В японской культуре люди обязаны ставить себя на место тех, кому они могут пожаловаться. Действительно, жалоб не должно быть, потому что в идеале их можно было бы предвидеть и рассматривать заранее. Но американцы сразу же жалуются при первом намёке на несправедливость и со всей прямотой требуют незамедлительного решения [North 2000].

В Великобритании практика работы с жилищными жалобами более обширна. В стране функционирует Служба жилищного омбудсмена (Housing Ombudsman Service), а рассмотрение жалоб осуществляется в соответствии со специальным и регулярно обновляемым «Кодексом рассмотрения жалоб» (Complaint Handling Code), целью которого является создание позитивной культуры жалоб в жилищном секторе. В кодексе отмечается, что эффективное рассмотрение жалоб позволяет жителям быть услышанными и понятыми. Отправной точкой для этого является общее понимание того, что представляет собой жалоба — это связанное с интересами жильца или группы жильцов выражение недовольства, каким бы образом оно ни было осуществлено, по поводу обслуживания, действий или бездействия домовладельца или тех, кто работает от его имени, его персонала. При этом важно понимать разницу между запросом на обслуживание и жалобой. Запрос на обслуживание — это требование жильца принять меры для исправления ситуации. Жалоба должна быть подана, когда жилец выражает недовольство ответом на его запрос на обслуживание, даже если обработка этого запроса продолжается [Complaint Handling Code 2024]. В этом плане жалоба на прорыв канализации, которую приводит как пример О. Э. Бессонова [Бессонова 2023: 149], является запросом на обслуживание. В жилищную жалобу она превратится уже в случае бездействия УК или в результате неудовлетворительного проведения ремонтных работ. Данная логика рассуждений, принятая в Великобритании, в полной мере уместна и для России.

На сайте жилищного омбудсмена в открытом доступе публикуется Ежегодный обзор жалоб (Annual Complaints Review), итоги которого за 2022–2023 гг. показаны в таблице 1. Несмотря на многочисленные институциональные усилия государства по совершенствованию работы с жалобами, результаты их рассмотрения демонстрируют, что в трети случаев жилищный омбудсмен не выявил нарушений в состоянии недвижимости. Тем не менее в отчёте отмечается, что в сравнении с предыдущим периодом количество не выявленных нарушений сократилось на 20% [Annual Complaints Review 2024].

¹¹ См. <https://www.usa.gov/housing-complaints>

¹² Встаёт интересный вопрос. Возвращаясь к теории институциональных матриц С. Г. Кирдиной-Чэндлер, Япония как восточная страна относится к X-матрице, как и Россия [Кирдина 2014]. При этом культура жалоб в современной России, выражающаяся во множественных злоупотреблениях институтом жалоб [Литвинцев 2022; 2023], куда ближе к культуре США. Парадокс?

Таблица 1

Распределение жилищных жалоб в Великобритании (доля в %). 2022–2023 гг.

Категории жалоб	Недобросовестное управление	Проблемы в обслуживании	Возмещение ущерба	Нарушений не выявлено
Состояние недвижимости	31	19	20	30
Работа с жалобами	39	35	15	11
Антисоциальное поведение	21	16	8	55

Конечно, данная ситуация требует отдельного изучения, так как причины ложных жалоб и (или) иных злоупотреблений институтом жалоб в жилищной сфере Великобритании и России могут существенно отличаться. Тем не менее количество не выявленных нарушений по результатам рассмотрения жалоб в Великобритании удивительным образом практически совпадает с аналогичным показателем, например, в Сибирском Федеральном округе (31,8%) [Литвинцев 2023: 14]. Это может быть связано с тем, что определённая доля жалоб, как отмечают исследователи из США, не носит инструментальный характер, то есть они не направлены на изменение существующего положения дел, а, скорее, просто выражают разочарование или направлены на то, чтобы вызвать сочувствие [Alicke et al. 1992]. Иными словами, речь опять же идёт про импульсивные жалобы и (или) жалобы как средство общения [Литвинцев 2022; 2023]. В то же время жалобы ради общения, будучи неконструктивными, по мнению К. Дж. Норлок, выполняют важные социальные функции, в том числе облегчение одиночества и эмоциональную солидарность, их подают как ради других, так и ради самого себя [Norlock 2018].

Изучение опыта работы с жилищными жалобами в Великобритании демонстрирует наличие не просто централизованного канала подачи жалоб такого вида, особого гаранта исполнения правил (жилищный омбудсмен), но и нацеленность на формирование позитивной культуры подачи жилищных жалоб и работы с ними. Для сравнения: в России существует как множество каналов подачи жалоб, включая всевозможные порталы в Интернете (что было показано в докладе А. Д. Абдулаева), так и множество гарантов — различные контрольно-надзорные органы и т. п. При этом полностью отсутствует какой-либо кодекс, пошагово регламентирующий процесс подачи жилищной жалобы и работы с ней (не считая отдельных положений жилищного законодательства). О позитивной культуре жалоб в жилищном секторе говорить и вовсе не приходится, да и подобная цель никогда не заявлялась в рамках реформы ЖКХ.

Кроме того, в Великобритании функционирует и Королевский институт жилья (Chartered Institute of Housing — CIH), являющийся профессиональной организацией для людей, работающих в жилищном секторе. Специалистами института была также разработана инструкция «Как эффективно отрабатывать жалобы» («How to... Handle Complaints Effectively»), в основе которой лежит «Кодекс рассмотрения жалоб», упомянутый выше [How to... 2021]. В России на сегодняшний день отсутствуют подобные профессиональные сообщества, занятые в том числе научными исследованиями жилищной сферы (если не брать во внимание отдельные, разрозненные исследования крупных социологических агентств и специализированных порталов). Что касается непосредственно работы с жалобами, то в Интернете можно найти множество руководств для собственников МКД, как пожаловаться во все инстанции на что угодно, в то время как научно-обоснованное и практико-ориентированное руководство по работе с жалобами со стороны УК попросту никем не разрабатывалось (не считая отдельных коротких статей в формате блогов).

Заключение

Несмотря на достижение первоначальных целей дискуссии между О. Э. Бессоновой и Д. Б. Литвинцевым, что было заявлено в самом начале, существует ещё немало как теоретико-методологических, так и прикладных вопросов функционирования института жалоб в сфере ЖКХ в России. Именно это

и было продемонстрировано в докладе А. Д. Абдулаева, который обсуждался в стенах Высшей школы экономики в марте 2024 г. Дальнейшее развитие высказанных во время обсуждения доклада идей, а также всестороннее исследование отдельных положений, сформулированных на страницах журнала в ходе дискуссии в прошлые годы, будет способствовать не просто пониманию специфики функционирования института жалоб, но и выработке управленческих решений, направленных на повышение его функциональности, борьбу с институциональными ловушками и аномалиями, мутацией и мимикрией, сокращению числа бюрократических отписок и волокиты в условиях коммунальной материально-технологической среды.

Исследователям жалоб в жилищной сфере целесообразно в дальнейшем обратить внимание на особенности методологии, требующей не просто комплексного междисциплинарного подхода, но и сочетания традиций социологического реализма и номинализма, количественных и качественных методов. Подобное не исключает при этом возможность применения разной исследовательской оптики, будь то раздаточная экономика О. Э. Бессоновой, социология рынков В. В. Радаева или жилищная социология Д. Б. Литвинцева. Это будет способствовать более глубокому пониманию процессов в сфере ЖКХ, проходящем как на микро- и мезоуровне, так и на макроуровне. Количественная оценка отдельных дефектов института жалоб (отписок, волокиты и т. п.) позволит оценить его дисфункциональность с новых исследовательских позиций. В то же время детальный анализ различных институциональных аномалий позволит в конечном счёте ответить на вопрос, усиливают ли они дисфункцию самого института или же являются просто особенностью его функционирования в российских социально-культурных реалиях.

Отдельное внимание в дальнейшем целесообразно уделить самому феномену жилищных жалоб в контексте жилищного активизма, их психоэмоциональной природе (как ограничителя рациональных действий, что способствует институциональным злоупотреблениям) и изучению механизмов формирования позитивной культуры жалоб в России в условиях активной информатизации сферы ЖКХ. Несмотря на существенные различия в жилищном секторе России, где преобладает жильё в частной собственности, и других стран, где преобладает арендное жильё, опыт Великобритании в работе с жилищными жалобами представляет немалый научный интерес. Однако уже сейчас как об эффективном шаге можно говорить о централизации работы с жилищными жалобами, то есть о сокращении каналов их подачи и гарантов исполнения правил, а также о разработке единых рекомендаций по отработке жалоб для всех участников жилищных отношений.

Литература

- Абдулаев А. Д. 2022. Социальная трансформация института административных жалоб в среде гражданских инфраструктур на примере Санкт-Петербурга. В кн.: Скворцов Н. Г., Асочаков Ю. В. (отв. ред.) *Социология в постглобальном мире. Материалы всероссийской научной конференции*, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 г. СПб.: Скифия-принт; 849–850.
- Бессонова О. Э. 2022. Институциональная природа жалоб в рыночной и раздаточной средах. *Экономическая социология*. 23 (5): 133–144. doi: [10.17323/1726-3247-2022-5-133-144](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-133-144)
- Бессонова О. Э. 2023. Роль института жалоб в формировании новой реальности в России. *Экономическая социология*. 24 (5): 148–157. doi: [10.17323/1726-3247-2023-5-148-157](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-148-157)
- Гущин А. А. 2018. Жалобы и обращения граждан по жилищно-бытовым вопросам как элемент повседневности советского общества в 1950–1980-х гг. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 45 (1): 78–88. doi: [10.21685/2072-3024-2018-1-8](https://doi.org/10.21685/2072-3024-2018-1-8)

- Кирдина С. Г. 2014. *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию*. Изд. 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История.
- Клинова М. А. 2017. «Квартирный вопрос» в жалобах уральского городского населения 1970-х гг. В кн.: Ахьямова И. А., Петрова Л. Е., Пронин А. А. (науч. ред.) *Открытый город: через вовлеченность — к изменениям*. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 158–163.
- Литвинцев Д. Б. 2022. Жалобы — не подарок: дисфункциональность института жалоб в сфере жилищно-коммунального хозяйства в России. *Экономическая социология*. 23 (4): 110–121. doi: [10.17323/1726-3247-2022-4-110-121](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-110-121)
- Литвинцев Д. Б. 2023. Жалоб много, но прибыль есть: злоупотребление сигнальными институтами в российском ЖКХ. *Экономическая социология*. 24 (4): 98–111. doi: [10.17323/1726-3247-2023-4-98-111](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-4-98-111)
- Литвинцев Д. Б. 2024. Множественность рациональностей в жилищной сфере стран Африки и Европы: обзор современных небинарных подходов. *Социологическое обозрение*. 23 (3): 375–389. doi: [10.17323/1728-192x-2024-3-375-389](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-375-389)
- Радаев В. В. 2023. Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть первая: теоретические основы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 5: 202–220. doi: [10.14515/monitoring.2023.5.2491](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2491)
- Сафонова К. Г. 2016. Исторические модели возникновения и развития норм по борьбе с «судебной волюнтаристкой». *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 1 (1): 81–92.
- Сухарев О. С. 2020. Дисфункция правил и институциональная эффективность. *AlterEconomics*. 17 (2): 433–450. doi: [10.31063/2073-6517/2020.17-2.16](https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.16)
- Фролов Д. П., Лаврентьева А. В. 2016. «Искусство войны» с институциональными аномалиями: обзор основных методов. *AlterEconomics*. 3: 138–152.
- Чубина Е. А. 2020. Внутренняя форма фразеологических единиц в аспекте судебной лингвистической экспертизы. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 6 (70): 120–124. doi: [10.17803/2311-5998.2020.70.6.120-124](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.70.6.120-124)
- Alicke M. D. et al. 1992. Complaining Behavior in Social Interaction. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 18 (3): 286–295. doi: [10.1177/0146167292183004](https://doi.org/10.1177/0146167292183004)
- Annual Complaints Review 2022–23*. 2024. Housing Ombudsman Service. URL: <https://www.housing-ombudsman.org.uk/annual-complaint-review-reports/annual-complaints-review-2022-23>.
- Complaint Handling Code*. 2024. Housing Ombudsman Service. URL: <https://www.housing-ombudsman.org.uk/app/uploads/2024/09/03.Complaint-Handling-Code-24.pdf>
- Hoenhe S. 2012. The Outraged Passenger — Complaint Letters as Sources for a Sociology of Emotions. In: *II ISA Forum of Sociology. 1–4, August 2012, Buenos Aires, Argentina. Book of Abstracts*; 272–273. URL: <https://www.isa-sociology.org/uploads/files/isa-forum2012-book-of-abstracts.pdf>

- How to... Handle Complaints Effectively*. 2021. Chartered Institute of Housing. URL: <https://www.cih.org/media/acmfyas1/how-to-handle-complaints-effectively.pdf>
- Kajita H. S. 2023. GOSSIP AND COMPLAINT: Ways of (Re-)Producing the Social in Housing ‘Expertly.’ In: Migotto A., Tattara M. (eds) *Contested Legacies: Critical Perspectives on Postwar Modern Housing*. Leuven: Leuven University Press; 155–178. doi: [10.2307/j.ctv35r3v58.10](https://doi.org/10.2307/j.ctv35r3v58.10)
- Norlock K. J. 2018. Can’t Complain. *Journal of Moral Philosophy*. 15 (2):117–135. doi: [10.1163/17455243-20170004](https://doi.org/10.1163/17455243-20170004)
- North S. 2000. Cultures of complaint in Japan and the United States. *Berkeley Center for Working Families Working Paper*. 17. Berkeley, CA: Center for Working Families, University of California, Berkeley. URL: <http://hdl.handle.net/2345/4112>
- Polanska D. V., Valenzuela-Fuentes K., Kaun A. 2019. Housing Activism: Overlooked Forms, Practices and Implications. *Housing Studies*. 34 (10): 1585–1587. doi: [10.1080/02673037.2019.1658721](https://doi.org/10.1080/02673037.2019.1658721)
- Saufi M., Yusof L. M., Rahman R. A. 2023. Complaints and Rectifications During Defect Liability Period: Homebuyer Perspective. *Journal of Engineering, Project, and Production Management*. 13 (3): art. 0021. doi: [10.32738/JEPPM-2023-0021](https://doi.org/10.32738/JEPPM-2023-0021)

DISCUSSIONS

Denis Litvintsev

Housing Complaints, Institutional Anomalies, and Red Tape: New Aspects of an Old Debate

LITVINTSEV, Denis —
Candidate of Sociological
Sciences, Associate
Professor of the Department
of Management, Novosibirsk
State Technical University.
Address: 20 Karl Marx
Ave., Novosibirsk, 630073,
Russian Federation.

Email: denlitv@inbox.ru

Abstract

The article develops a discussion about the dysfunctionality of the institution of complaints in the housing and communal services sector in Russia, which began in 2022–2023 with a series of articles by D. B. Litvintsev and O. E. Bessonova, published in the “Journal of Economic Sociology.” This work is mainly based on a discussion of the speech of A. D. Abdulaev with a thematic report at a seminar of the Higher School of Economics in March 2024. The article touches on such issues as the need to expand a strictly institutional approach to an integrative one, the limitations of quantitative methods in the study of the institution of complaints, the problem of institutional anomalies in the functioning of the institution of complaints, and also discusses the phenomenon of red tape. Particular attention is paid to the problem of analyzing electronic complaints filed through various Internet portals and the inability to fully get rid of institutional abuses through formalization and moderation of complaints filed. As a new aspect of the discussion, it is proposed to consider housing complaints as a special type of complaint (by analogy with housing activism as a special type of social activism). To do this, the author of this article turns to the extensive experience of the UK, which has a centralized channel for filing housing complaints—the Housing Ombudsman Service, which operates in accordance with the Complaint Handling Code and conducts annual public reporting on its activities, publishing results and ratings in the public domain on its official website. In conclusion, the need to develop a positive culture of complaints in the housing and communal services sector in Russia is noted, which requires further research and the development of appropriate recommendations.

ing electronic complaints filed through various Internet portals and the inability to fully get rid of institutional abuses through formalization and moderation of complaints filed. As a new aspect of the discussion, it is proposed to consider housing complaints as a special type of complaint (by analogy with housing activism as a special type of social activism). To do this, the author of this article turns to the extensive experience of the UK, which has a centralized channel for filing housing complaints—the Housing Ombudsman Service, which operates in accordance with the Complaint Handling Code and conducts annual public reporting on its activities, publishing results and ratings in the public domain on its official website. In conclusion, the need to develop a positive culture of complaints in the housing and communal services sector in Russia is noted, which requires further research and the development of appropriate recommendations.

Keywords: housing and communal services; culture of complaints; institute of complaints; institutional anomaly; housing complaint; red tape.

References

- Abdulaev A. D. (2022) Sotsial'naya transformatsiya instituta administrativnykh zhalob v srede grazhdanskikh infrastruktur na primere Sankt-Peterburga [Social Transformation of the Institute of Administrative Complaints in the Environment of Civil Infrastructures on the Example of St. Petersburg]. *Sociology in the Post-Global World* (eds. N. G. Skvortsov, Yu. V. Asochakov). Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022, St. Petersburg: Skifia-print LLC, pp. 849–850 (in Russian).
- Alicke M. D., Braun J. C., Glor J. E., Klotz M. L., Magee J., Sederhoim H., Siegel R. (1992) Complaining Behavior in Social Interaction. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 18, no 3, pp. 286–295. doi: 10.1177/0146167292183004
- Annual Complaints Review 2022–23*. (2024) Housing Ombudsmen Service. Available at: <https://www.housing-ombudsman.org.uk/annual-complaint-review-reports/annual-complaints-review-2022-23/> (accessed 02 November 2024).

- Bessonova O. E. (2022) *Institutsional'naya priroda zhalob v rynochnoy i razdatochnoy sredakh* [The Institutional Nature of Complaints in Market and Distributional Environments]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 5, pp. 133–144. doi: 10.17323/1726-3247-2022-5-133-144 (in Russian).
- Bessonova O. E. (2023) *Rol' instituta zhalob v phormirovanii novoy real'nosti v Rossii* [The Role of the Institution of Complaints in the Formation of a New Reality in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 5, pp. 148–157. doi: 10.17323/1726-3247-2023-5-148-157 (in Russian).
- Complaint Handling Code*. (2024) Housing Ombudsmen Service. Available at: <https://www.housing-ombudsman.org.uk/app/uploads/2024/09/03.Complaint-Handling-Code-24.pdf> (accessed 02 November 2024)
- Chubina Ye. A. (2020) *Vnutrennyaya phorma phrazeologicheskikh yedinit v aspekte sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy* [Idiom's Inner Form as The Object of Forensic Linguistics]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) = Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYUA)*, vol. 6, no 70, pp. 120–124. doi: 10.17803/2311-5998.2020.70.6.120-124 (in Russian).
- Frolov D. P., Lavrent'yeva A. V. (2016) “*Iskusstvo voyny*” s institutsional'nymi anomaliyami: obzor osnovnykh metodov [“The Art of War” with Institutional Anomalies: A Review of the Main Methods.]. *AlterEconomics*, no 3. pp. 138–152 (in Russian).
- Gushchin A. A. (2018) *Zhaloby i obrashcheniya grazhdan po zhilishchno-bytovym voprosam kak element povsednevnosti sovetskogo obshchestva v 1950–1980-kh gg* [Public Complaints and Appeals on Living Conditions as an Element of the Soviet Daily Life in 1950–1980]. *University proceedings. Volga region. Humanities = Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki*, vol. 45, no 1, pp. 78–88. doi: 10.21685/2072-3024-2018-1-8 (in Russian).
- Hoenhe S. (2012) *The Outraged Passenger — Complaint Letters as Sources for a Sociology of Emotions. II ISA Forum of Sociology. 1–4, August 2012, Buenos Aires, Argentina. Book of Abstracts*, pp. 272–273. Available at: <https://www.isa-sociology.org/uploads/files/isa-forum2012-book-of-abstracts.pdf> (accessed 15 March 2024).
- How to... Handle Complaints Effectively*. (2021) Chartered Institute of Housing. Available at: <https://www.cih.org/media/acmfyas1/how-to-handle-complaints-effectively.pdf> (accessed 14 March 2024).
- Kajita H. S. (2023) *GOSSIP AND COMPLAINT: Ways of (Re-)Producing the Social in Housing ‘Expertly.’ Contested Legacies: Critical Perspectives on Postwar Modern Housing* (eds. A. Migotto, M. Tattara), Leuven: Leuven University Press, pp. 155–178. doi: 10.2307/j.ctv35r3v58.10
- Kirdina S. G. (2014) *Institutsional'nyye matritsy i razvitiye Rossii: vnedreniye v KH-Y-teoriyu*. [Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X & Y Theory], 3rd edn, revised, expanded and illustrated, St. Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).
- Klinova M. A. (2017) “*Kvartirnyy vopros*” v zhalobakh ural'skogo gorodskogo naseleniya 1970-kh gg [“Housing issue” in the complaints of the Ural urban population of the 1970s]. *Otkrytyy gorod: cherez vovlechenost' k izmeneniyam. Materialy IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konpherentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh, Yekaterinburg, 2–3 dekabrya 2016 g.* [Open City: Through Involve-

ment to Change. Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists, Ekaterinburg, December 2–3, 2016 (eds. I. A. Akh'yamova, L. Ye. Petrova, A. A. Pronin), Ekaterinburg: Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, pp. 158–163 (in Russian).

Litvintsev D. B. (2022) Zhaloby — ne podarok: disfunktsional'nost' instituta zhalob v sphere zhilishchnokommunal'nogo khozyaystva v Rossii [Complaints are not Gifts. Dysfunctionality of the Institution of Complaints in the Field of Housing and Communal Services in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 4, pp. 110–121. doi: [10.17323/1726-3247-2022-4-110-121](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-110-121) (in Russian).

Litvintsev D. B. (2023) Zhalob mnogo, no pribyl' est': zloupotreblenie signal'nymi institutami v rossiiskom ZhKKh [There are Many Complaints, but There is Profit. Abuse of Signal Institutions in the Russian Housing and Communal Services]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 4, pp. 98–111. doi: [10.17323/1726-3247-2023-4-98-111](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-4-98-111) (in Russian).

Litvintsev D. B. (2024) Mnozhestvennost' ratsional'nostey v zhilishchnoy sphere stran Afriki i Yevropy: obzor sovremennykh nebinarnykh podkhodov [Multiplicity of Rationalities in the Housing Sector of African and European Countries: A Review of Modern Non-Binary Approaches]. *Russian Sociological Review = Sotsiologicheskoye obozreniye*, vol. 23, no 3, pp. 375–389. doi: [10.17323/1728-192x-2024-3-375-389](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-375-389) (in Russian).

Norlock K. J. (2018) Can't Complain. *Journal of Moral Philosophy*, vol. 15, no 2, pp. 117–135. doi: [10.1163/17455243-20170004](https://doi.org/10.1163/17455243-20170004)

North S. (2000) Cultures of complaint in Japan and the United States. *Berkeley Center for Working Families Working Paper*, no 17, Berkeley, CA: Center for Working Families, University of California, Berkeley. Available at: <http://hdl.handle.net/2345/4112> (accessed 14 March 2024).

Polanska D. V., Valenzuela-Fuentes K., Kaun A. (2019) Housing Activism: Overlooked Forms, Practices and Implications. *Housing Studies*, vol. 34, no 10, pp. 1585–1587. doi: [10.1080/02673037.2019.1658721](https://doi.org/10.1080/02673037.2019.1658721)

Radaev V. V. (2023) Emotsional'no nagruzhennoye potrebleniye v sovremennoy Rossii. pervaya chast': teoreticheskiye osnovy [Emotionally Loaded Consumption in Modern Russia. Part One: Theoretical Basis for Research]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, no 5, pp. 202–220. doi: [10.14515/monitoring.2023.5.2491](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2491) (in Russian).

Safonova K. G. (2016) Istoricheskiye modeli vzniknoveniya i razvitiya norm po bor'be s "sudebnoy volokito" [Historical Models of Origin and Development of Regulations in Fight Against "Judicial Red Tape"]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk*, vol. 1, no 1, pp. 81–92 (in Russian).

Saufi M., Yusof L. M., Rahman R. A. (2023) Complaints and Rectifications During Defect Liability Period: Homebuyer Perspective. *Journal of Engineering, Project, and Production Management*, vol. 13, no 3, art. 0021. doi: [10.32738/JEPPM-2023-0021](https://doi.org/10.32738/JEPPM-2023-0021)

Sukharev O. S. (2020) Disfunktsiya pravil i institutsional'naya effektivnost' [Dysfunction of Rules and Institutional Effectiveness]. *AlterEconomics*, vol. 17, no 2, pp. 433–450. doi: [10.31063/2073-6517/2020.17-2.16](https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.16) (in Russian).

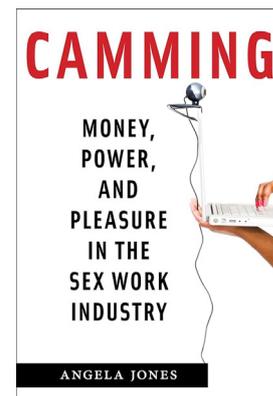
Received: March 18, 2024

Citation: Litvintsev D. (2024) Zhilishchnye zhaloby, instituydional'nye anomalii i volokita: novye aspekty staroy diskussii [Housing Complaints, Institutional Anomalies and Red Tape: New Aspects of an Old Debate]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 5, pp.98–111. doi: [10.17323/1726-3247-2024-5-98-111](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-5-98-111) (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

Е. С. Белявская

«Поговорим про это?»: размышления над книгой А. Джонс «Веб-камминг: деньги, власть и удовольствие в индустрии секс-работы»¹



Рецензия на книгу: Jones A. 2020. *Camming: Money, Power and Pleasure in the Sex Work Industry*. New York: New York University Press. 332 pp.



БЕЛЯВСКАЯ Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: eberdysheva@hse.ru

Рецензия представляет книгу Анджелы Джонс «Веб-камминг: деньги, власть и удовольствие в индустрии секс-работы» — первое масштабное исследование виртуального рынка сексуальных услуг. Книга исследует социальные последствия цифровизации секс-индустрии, в которой онлайн-платформы предлагают новые возможности занятости для студентов, домохозяек, людей с ограничениями по здоровью и других работников, не находящихся для себя места на традиционном рынке труда.

Рецензия выделяет три ключевых аспекта книги, представляющих интерес для экономсоциологов. Первый из них — нормализация коммерциализации секса. Кризис на рынке труда превратил секс-работу в привлекательную и социально инклюзивную форму занятости, позволяющую участникам преодолеть отчуждение и находить смысл в своей работе, где удовольствие становится важной мотивацией. Книга привлекает внимание к значимости удовольствия не только в сексуальном, но и в трудовом и социальном контекстах.

Второй аспект — изменение представлений о норме и патологии в сфере сексуальности под воздействием экономических, социальных и политических факторов. Джонс подчёркивает, что платформенный и эмоциональный капитализм не только удовлетворяет вытесненные телесные и эмоциональные потребности, но и активно формирует новые социальные ожидания, влияя на доминирующую модель социального субъекта.

Третий аспект — биополитика и контроль над телом. Цифровые платформы начинают регулировать интимные аспекты жизни и претендовать на управление личной автономией.

Рецензент отмечает провокационный характер эмпирических находок и идей Джонс и не только оценивает книгу как пример современной американской социологии, но показывает различия в политических, социальных и

¹ Работа осуществлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

культурных подходах к легитимации ранее табуированных сфер, воплощаемой через рыночные механизмы.

Ключевые слова: цифровизация труда; легитимация; биополитика; платформенный капитализм; сексуальное благополучие; конструирование рынков.

Введение

Коммерческий секс как предмет социологического исследования воспринимается, скорее, как нишевая тема. Однако социально-экономическая динамика этой индустрии затрагивает фундаментальные социальные табу, трансформируя существующие культурно-экономические нормы телесных и эмоциональных взаимодействий. В таких контекстах переосмысляются исторически сложившиеся понимания чистоты и опасности, а значит, границы между нормой и патологией. Это последнее заставляет более фундаментально задуматься о содержании новых культурных компромиссов вокруг купли и продажи секса в современных рыночных обществах.

Рынок сексуальных услуг относится к числу социально аморальных. Исторически с ним связывались угрозы для института брака и эксплуатация человека человеком. К концу XX века исследователи отмечали его профессионализацию, однако он продолжал оставаться не только криминализированным, но и нелегитимным с социально-культурной точки зрения. Этот рынок ассоциировался с насилием, смертельными инфекциями, сексуальными девиациями, человеческим трафиком и маргинальной занятостью. В социальных науках до распространения Интернета предполагалось, что либерализация сексуальной сферы в развитых обществах приведёт к сокращению спроса и предложения в секс-индустрии. В книге «Camming: Money, Power and Pleasure in the Sex Work Industry» («Веб-каминг: деньги, власть и удовольствие в индустрии секс-работы»), вышедшей в 2020 г. (New York: New York University Press), Анджела Джонс, профессор кафедры исследований женщин, гендера и сексуальности Университета Стоуни-Брук (Государственный университет Нью-Йорка), показывает, что история пошла иным путём — в ногу с цифровой экономикой.

«Веб-каминг...» — первая книга, полностью посвящённая исследованию электронной секс-работы. Она включает введение, девять глав, наполненных редкой эмпирикой и оригинальными интерпретациями, заключение и несколько приложений. Как исследователь табуированных рынков, я вижу три направления, в которых идеи Анджелы Джонс могут способствовать развитию научной дискуссии о трансформации социальных табу в современных капиталистических обществах.

Во-первых, книга Джонс показывает, как именно культурные границы приспособляются к потребностям выживания. Кризис глобального рынка труда сделал ранее табуированную секс-работу привлекательной формой занятости. Самым ироничным образом вебкам-модели отмечают, что их индустрия сегодня демонстрирует высокую социальную инклюзивность, частично преодолевает отчуждение и акцентирует удовольствие как фактор трудовой мотивации.

Во-вторых, «Веб-каминг: деньги, власть и удовольствие в индустрии секс-работы» отражает изменения в культуре, связанные с восприятием нормального и патологического в человеческих потребностях, а также с этикой их удовлетворения в условиях эмоционального и платформенного капитализма. Рынки не просто отвечают на скрытые запросы потребителей, они активно их формируют и нормализуют, меняя социального субъекта.

В-третьих, результаты социологического исследования Джонс полезны для обсуждения того, как пересмотр норм в сексуальной сфере актуализирует биополитические вызовы, связанные с правами на тело

и свободой его использования в обществе. Нормализация глобального рынка веб-каминга показывает, что биополитический контроль над человеческим телом теперь распределяется не только между государством, медициной, бизнесом и гражданином. На него начинают претендовать и капиталистические цифровые платформы.

В ракурсе этих трёх тематических контекстов поделюсь некоторыми инсайтами, которые могут побудить экономсоциологов глубже ознакомиться с книгой «Веб-каминг: деньги, власть и удовольствие в индустрии секс-работы». Но прежде скажу пару слов о методологии проведённого Анджелой Джонс сенситивного исследования.

Нужно ли быть секс-работником, чтобы изучать рынок сексуальных услуг?

Ответ автора книги «Веб-каминг: деньги, власть и удовольствие в индустрии секс-работы» на вопрос, вынесенный в название этого раздела, — лучше да, но не обязательно. Табуированные рынки — это закрытые социальные сферы, часто функционирующие на границах с криминальным миром. Эмпирически изучать их социологу обычно сложно и опасно. То, что об этих рынках известно, чаще всего опирается на косвенные эмпирические данные.

Стриминговые платформы для сексуального контента — это открытые цифровые сервисы, которые позволяют пользователям смотреть или участвовать в видеотрансляциях с сексуальным содержанием, а социологам — напрямую исследовать динамику сексуальной сферы. Такие платформы обычно предлагают живые трансляции, видео по запросу, а также возможности для взаимодействия между моделями и зрителями, такие как чаты или отправка «чаевых» в виде виртуальных подарков или валюты. На рынке веб-каминга до сих пор доминируют платформы, начавшие свою работу в 1990-е гг., со временем массовизации Интернета. Мировой рынок веб-каминга преимущественно англоязычен (однако около 10% моделей, по оценке Джонс, говорят на этом рынке по-русски). Книга Джонс основана на результатах пятилетней нетнографии таких платформ с использованием смешанных методов.

Автор книги провела 30 полуструктурированных интервью и 105 анкетирований с закрытыми и открытыми вопросами. В выборку рекрутировались вебкам-модели разных национальностей, гендеров, возрастов, трудовых биографий и даже профилей здоровья. Реализован контент-анализ форумов четырёх главных площадок в индустрии. Собрана внушительная статистика, отражающая историю развития и масштабы глобального онлайн-рынка взрослых развлечений. Личная история автора осмыслена и использована как автоэтнография.

Важно отметить, что Анджела Джонс, помимо исследовательской и профессорской деятельности, активно борется за права расовых меньшинств. Интерпретируя полученные данные, она уделяет значительное внимание тому, как современный капитализм справляется с проблемой расовой сегрегации, которая объявляется решённой, но на деле остаётся актуальной.

Можно было бы умалить исследовательские достижения автора, упрекнув её в чрезмерной акционистской аргументации, пожурив за отсутствие систематического анализа качественных данных или пожаловавшись на то, что постоянные отсылки к личному опыту работы стриптизёршей и «хорошей девочкой для папиков» в студенческие годы дискредитируют и без того деликатную тему.

Однако на фоне представленного содержания все эти критические замечания не могут умалить знакомый этнометодологам дискомфорт от слома привычного порядка. Погружаясь в материал, читатель сталкивается с собственными стереотипами, ограниченностью концептуального языка, осознанием социокультурных рамок своего мышления и пределами рефлексивности.

Кроме того, в заключении Джонс затрагивает вопросы этики исследований в области сексуальности, предлагая полезное рассуждение о саморефлексии и о том, как социологи должны контролировать личное в исследованиях сенситивных тем, чтобы меньше страдала объективность их научной работы.

Результаты исследования изложены очень увлекательно. Нарративный анализ дополняется визуальными материалами весьма откровенного для научной книги характера.

В 2022 г. книга «Веб-каминг...» принесла Анджеле Джонс премию за лучшую публикацию от Секции по телу и телесности Американской социологической ассоциации.

Прекарность глобального труда и массовизация секс-работы

Развитие стриминговых платформ для сексуальных услуг — это не просто перенос купли-продажи с улиц в онлайн. Как показывает Джонс, речь идёт о создании новых условий для эротического труда, которые привлекают в индустрию миллионы людей по всему миру. Многие из них ранее и не задумывались о секс-работе или не могли ею заниматься, но теперь используют возможности интернет-технологий, чтобы лучше обустроиться в нестабильной глобальной экономике. Как из самой стигматизированной профессии секс-работа превращается в привлекательную вакансию?

Онлайн-секс — это непрямая секс-работа, очищенная от телесного контакта, лишённая рисков физического насилия и венерических заболеваний, которые традиционно загрязняли рынки сексуальных услуг. Здесь нет ограничений на вход по состоянию здоровья. И это особенно важно для людей с физическими или психическими (в том числе хроническими) заболеваниями, которые мешают им устраиваться или удерживаться на традиционных рабочих местах.

Как показывают результаты исследования Джонс, работа на стриминговых платформах для сексуальных услуг хорошо оплачивается, особенно по сравнению с финансовыми пирамидами сетевого маркетинга. Эти заработки идут на образование, содержание детей, оплату коммунальных счетов и просто на личные нужды. Многие бросают основную работу ради этой деятельности.

Секс-работа предполагает невысокую трудовую нагрузку, оставляя моделям много свободного времени для профессионального развития в других областях, выполнения домашних дел, путешествий или заботы о здоровье. Рабочий график модели составляют под свои личные нужды: «Раньше семья подстраивалась под работу, а теперь работа — под семью» (с. 159). Работать можно из дома, на что существует повышенный спрос.

Веб-каминг, по словам респондентов Джонс, часто противопоставляется так называемой «ванильной» работе (*vanilla job*). Ваниль — самый распространённый ароматизатор для десертов, и это выражение в английском языке используется для обозначения стандартной, монотонной работы с низкой зарплатой, нехваткой личной автономии и утратой человеческого достоинства. На такой работе человек ощущает себя измождённой и лишённой радости жизни частью капиталистической машины. Веб-модели вступают в разнообразные интимные взаимодействия с клиентами, что приносит не только яркие эмоции, но и чувство близости. Откровенность запросов со стороны клиентов, которые модели реализуют, придаёт их деятельности социальную ценность. В предоставлении этих услуг модели видят личный вклад в освобождение индивидов от социального контроля. Высокая оплата, восхищение и благодарность клиентов после сессий, удобство рабочего графика и осмысленность работы вебкам-моделей с точки зрения приносимой ценности будто бы способствуют преодолению отчуждения.

Цифровизация секс-труда и социология удовольствия

Исследования рынка сексуальных услуг давно приводили данные о том, что секс-работа не лишена приятности для людей, которые её выполняют [Крупец, Нартова 2010]. Многие модели в исследовании Джонс отмечают высокий уровень удовлетворённости жизнью. Если верить её данным, вебкам-индустрия научилась преодолевать проблему отчуждения труда и наладила систему производства, где не только покупатель, но и поставщик сексуальных услуг получает удовольствие.

Интерпретируя нарративы вебкам-моделей, Джонс сравнивает их с ремесленниками Средневековья, чья работа была наполнена смыслом и приносила удовлетворение исполнителю (с. 193). Модели предлагают услуги, исходя из собственных предпочтений. Веб-каминг, как объясняли респонденты Джонс, позволяет моделям не только зарабатывать, но и исследовать и развивать собственную сексуальность: «Работники веб-каминга ощущают своё человеколюбие, результатом чего оказывается удовольствие» (с. 183).

Своим исследованием Джонс ставит вопрос о том, что удовольствие является недооценённым мотивом и социального, и трудового поведения (с. 33), достойным стать специальным предметом социологических исследований (с. 49–50).

Социология удовольствия, которую предлагает развивать автор книги «Веб-каминг...», выводит на ряд более фундаментальных вопросов. Как вообще удовольствие конструируется, регулируется, контролируется обществом? Как переживается в разных социальных контекстах? Насколько оно доступно представителям различных социальных групп? Какое формирующее влияние на опыт телесных удовольствий оказывают раса, этничность, гендер, возраст, религиозная принадлежность, гражданский статус и многое другое? Кто кому и как доставляет удовольствие? Как формируются соответствующие социальные ожидания, как они санкционируются? Как социальная структура сексуальных контактов соотносится с классовой брачностью? Почему так много рабочих мест в современной экономике не подразумевают получение удовольствия от труда?

Исследование Джонс рисует картину, где секс для вебкам-моделей — это не просто средство заработка, но и цель. Далеко не всех моделей на рынок приводит слабое социальное положение. У многих есть желание заниматься секс-работой, которую они воспринимают лично неотчуждённой. Вебкам-модели в исследовании Джонс заявляют, что не чувствуют себя объективированными. Однако социологическая оптика подсвечивает то, чего на микроуровне не видят участники рынка. Несмотря на радикальный потенциал индустрии бросать вызов формам отчуждения и маргинализации, она продолжает подчиняться более широким социальным силам и, в свою очередь, может укреплять системы неравенства.

Аутентичность коммерческого секса и сфабрикованные идентичности веб-моделей

Первые видео на стриминговых секс-платформах просто фиксировали повседневную жизнь женщин. Сегодня многие модели предпочитают работать из дома, а не из профессиональных студий. И всё потому, что рынок знает: спрос на услуги вебкам-моделей обусловлен желанием наблюдать и режиссировать процесс получения удовольствия другим человеком в «естественной среде». Доминирующая норма вежливости к незнакомцу в современных городах обычно лишает человека права пристально и с интересом рассмотреть Другого. На платформах клиенты платят за то, чтобы виртуально заглянуть в аутентичную чужую спальню. Работа вебкам-моделей связана с воссозданием различных социальных образов по запросу клиентов. Производство этих образов — *display work* (работа на показ), описанная Эшли Миарс для моделей в индустрии моды. Джонс предлагает говорить о «сфабрикованных идентичностях» (*manufactured identity*) вебкам-моделей.

Хотя вебкам-модели, чьи тела и идентичности соответствуют текущим нормам, могут быть самими собой, те, чьи тела и идентичности выходят за рамки норм, вынуждены исполнять созданные образы, не соответствующие их реальной личности, чтобы стать желанными для клиентов. Например, спрос диктует моделям необходимость конструировать свой возраст. Более привлекательными считаются молодые, поэтому возрастные модели иногда искажают информацию. Клиенты также ожидают от моделей проявлений феминности или маскулинности в соответствии с социальными нормами, касающимися их внешности и поведения. Популярностью пользуется незамужний или неженатый статус вебкам-моделей, поэтому многие скрывают свои реальные отношения. Хотя среди моделей немало тех, кто состоит в отношениях или даже в браке.

В своём социологическом исследовании индустрии Джонс раскрывает фикцию этой аутентичности и утверждает, что выступления вебкам-моделей направляются «структурой желаний», формируемой нормативными идеалами привлекательности и потребительскими ожиданиями.

Политическая экономия вытесненных фантазий

Все виды удовольствия — это всегда телесный опыт. Джонс пишет об иерархии удовольствий как о механизме социального контроля и биополитического регулирования. Удовольствие часто вытесняется из списка мотивов потребления, дабы не придать излишней легитимности стоящим за ним потребностям, не удовлетворяемым действующими социальными институтами.

Рынок сексуальных услуг отвечает на психологические и телесные потребности современного человека, не признаваемые социальной моралью. Между тем часть жизненных сил человека тратится на самоподавление, вместо того чтобы стремиться к самоактуализации, что могло бы принести максимальную пользу для общего благополучия. Новые технологии канализируют подавляемые аспекты идентичности современного человека. Скрываемые прежде личные переживания благодаря технологиям начинают открыто обсуждаться. Выясняется, что они понятны многим. Запросу на удовлетворение сокровенных потребностей придаётся большая социально-культурная легитимность. Но ещё раньше этот запрос улавливает рынок.

Веб-камминг — это интерактивная форма сексуальной работы. За порогом своей рабочей спальни модели предлагают клиентам хотя бы в виртуальной форме испытать опыт выхода за пределы социальных запретов. Секс-работа становится аренной реализации фантазий, которые общество маргинализует или подавляет в других контекстах. Как следствие, анализ накопленного рынком веб-камминга пользовательского опыта помогает раскрыть подавляющее действие социальных и политических сил (с. 367).

Саму Джонс больше всего интересует то, как в проекции международных платформ для виртуального секса прорабатывается проблема расового неравенства. Исследовательница отмечает высокий спрос на контакты с моделями разных цветов кожи со стороны европейцев. При этом, если в случае межвозрастных сексуальных фантазий платформа жёстко ограничивает возраст (не моложе 18 лет), то в области расовых игр никакого контроля нет. Обобщая нарративы своих респондентов, Джонс отмечает, что модели работают главным образом с двойственностью, которую переживают клиенты, когда их внутренние потребности конфликтуют с социальными нормами, регулирующими сексуальные контакты в данном обществе. Предлагаемые рынком игры на межрасовое доминирование или, напротив, на стремление к межрасовому контакту отыгрывают историческую травму колониализма. То, что она не изжита, ясно исходя из данных Джонс о том, что вебкам-моделей травмирует запрос, при котором их раса является главным триггером. И рынок даёт им право просто отказаться от предложения услуги. Однако модели нередко выбирают денежную компенсацию травматичного опыта. Запрос на расовый контекст в сексуальном контакте, вызывающий у модели отторжение, удовлетворяется по повышенной цене за минуту эфира.

Нелегитимное желание удовлетворяется рынком с наценкой за неэтичность потребления. Рынок нормализует пространство для виртуальных сексуальных контактов, в которых люди могут испытать свободу от фундаментальных социальных табу современного общества. Он предлагает потребителям почувствовать, что происходит, если нарушить запреты на инцест, религиозные догмы, новые нормы этики и требования толерантности к разнообразию. Рынок считывает фрустрацию общества, стремящегося к гуманности, и монетизирует эту энергию через платный виртуальный секс.

В ответ на вопрос Анджелы Джонс о том, что самое главное индустрия веб-каминга хотела бы донести до общественности, модели единогласно подчёркивают необходимость депатологизации сексуальных потребностей и соответствующих рыночных услуг. Они так часто исполняют «ненормальные» запросы своих клиентов, что замечают сконструированность границ нормы. Ненормальным кажется и выбор самореализации через секс-работу, который модели, во-первых, делают, а, во-вторых, обосновывают и оправдывают, в том числе и для себя.

Регулирование современного рынка секс-работы

Современные технологии предоставляют людям больше сексуальной свободы по доступной цене. За установление границ этой свободы борются разные субъекты биополитики: государство, корпорации, общественные организации и профессиональные объединения. К ним теперь добавляется новый влиятельный актер — цифровые платформы.

Модели регулирования рынка сексуальных услуг различаются в зависимости от страны. Например, в Новой Зеландии рынок полностью декриминализован, что позволяет секс-работникам действовать легально и защищает их права. Швеция, напротив, криминализует покупку сексуальных услуг, но не наказывает самих секс-работников, стремясь таким образом сократить спрос и ликвидировать проституцию. В США проституция в основном запрещена, за исключением некоторых штатов. Регулирование деятельности стриминговых платформ для секса включает контроль над контентом, защиту данных, налоговое регулирование с финансовым контролем и требования к безопасности участников (проверка на совершеннолетие). В большинстве стран стриминговые платформы для взрослых обязаны строго следить за контентом и предотвращать распространение материалов, связанных с насилием, эксплуатацией или с участием несовершеннолетних. Платформы часто требуют подтверждения возраста участников и зрителей, чтобы соблюдать местные законы. Например, в США законы регулируют индустрию через акты, (например, FOSTA²—SESTA³), которые ставят ответственность за незаконный контент на саму платформу. В странах с более строгими законами относительно порнографии (например, в некоторых государствах Ближнего Востока или Азии) доступ к таким платформам может быть заблокирован, и они могут подпадать под цензуру.

Осмысляя свою эмпирику, Джонс критикует «моральных предпринимателей» от индустрии спасения (*rescue industry*) — политиков, некоммерческие организации и социальные службы, которые пытаются регулировать современный онлайн-рынок сексуальных услуг, вменяя ему проблемы нецивилизованных форматов прошлого. Джонс настаивает на том, что секс-работа в Интернете сегодня может быть осознанным выбором человека, который заслуживает уважение и должен учитываться на законодательном уровне. На этом рынке модели нуждаются не в виктимизации, а в институциональной защите от потребителей-безбилетников, стalkerов и виртуальных пиратов. Однако развитию таких мер защиты мешают устоявшиеся стереотипы о том, что секс-работа по своей природе нелегальна, сопряжена

² FOSTA (Allow States and Victims to Fight Online Sex Trafficking Act) — закон 2018 г., позволяющий штатам и жертвам бороться с онлайн-торговлей людьми в сфере сексуальной эксплуатации.

³ SESTA (Stop Enabling Sex Traffickers Act) — закон 2018 г. о прекращении содействия торговцам людьми в сфере сексуальной эксплуатации.

с человеческим трафиком, низкоквалифицирована и грязна, поэтому должна оставаться стигматизированной и теневой. На стриминговых платформах секс-работа легитимна и, скорее, легальна. Внутри сообщества вебкам-моделей, которое поддерживается ежегодными профессиональными мероприятиями и фестивалями для укрепления социального капитала, эта деятельность воспринимается как квалифицированная, этичная и социально востребованная.

Если верить данным исследования Джонс, за фасадом секс-стриминговых платформ образуется чуть ли не новая категория помогающих специалистов — вебкам-модели. Они через призму сексуальных запросов своих клиентов видят, какой объём человеческой энергии подавляется социальной моралью, и превращают эту энергию в заработок, одновременно нормализуя сексуальные потребности и расширяя представления о социально допустимом в сфере сексуальных отношений.

Заключение

Книга «Веб-каминг: деньги, власть и удовольствие в индустрии секс-работы» Анджелы Джонс займёт достойное место рядом с «Покупкой интимности» В. Зелизер [Zelizer 2005], «Управляемым сердцем» А. Хокшильд [Hochschild 1983], «Эротическим капиталом» К. Хаким [Hakim 2010], «Спасением современной души» Е. Иллоиз [Shouz 2008] и «Ценой красоты» Э. Миарс [Mears 2011]. В российской традиции она перекликается с традицией исследований И. Кона и С. Голода, А. Тёмкиной, Е. Здравомысловой, Н. Нартовой, Я. Крупец, причём в экономико-социологической плоскости.

Вместо того, чтобы сузиться и исчезнуть, на фоне либерализации сексуальной жизни рынок сексуальных услуг диверсифицировался. Цифровизация и платформизация привели к стабилизации социального порядка в его электронном сегменте. Глобальный, массовый и бесконтактный рынок секс-работы начал реализовываться через стриминговые платформы (например, OnlyFans). Опосредованные деньгами и осуждаемые секс-контакты за пределами брака и социальных представлений о дозволенном перешли в виртуальную реальность. Безтелесный, реализуемый через самые современные технологии, доступный по деньгам коммерческий секс начинает казаться более цивилизованным и социально приемлемым, ещё глубже проникает и в частную, и в публичную жизнь. Что происходит с моральными стандартами по мере того, как качественный виртуальный секс за деньги становится дешевле и доступнее?

Могут ли остаться прежними культурные границы между нормальным и естественным, ненормальным и противоестественным в сексе, когда теневые запросы подтвердили свою массовость?

Какие возможности стриминговые платформы открывают для развития длительных моногамных отношений, для предотвращения измен и разводов? Как контакты с вебкам-моделями сказываются на привязанности и сродстве душ с реальными гендерными партнёрами? Как влияют на частоту и качество телесных контактов между реальными людьми, а не между сфабрикованными идентичностями? Способствует ли обращение к вебкам-моделям снижению социального напряжения в зонах социальных табу или, наоборот, усиливает агрессивные чувства, объективирует душевную неудовлетворённость? Способствует ли платформизация коммерческого секса социальной солидарности или усиливает атомизацию и аномию в рыночном обществе? На каком концептуальном языке лучше осмыслять явные и скрытые трансформации сексуальной культуры в постиндустриальном обществе?

А если говорить о России? Привязаны ли к мировым стриминговым сервисам для секса россияне как потребители? Насколько удовлетворительной они находят структуру предлагаемых услуг или нуждаются в особых культурных продуктах? Как пользование цифровыми решениями в области развлечений для взрослых вообще меняет сексуальную жизнь россиян? Повышает или снижает уровень их социального благополучия, способность совладать со своей жизнью в целом? И как всё это должно учиты-

ваться, когда мы операционализируем индикаторы для социологических анкетирований, касающихся интимной жизни россиян?

Книга Анджелы Джонс «Веб-камминг: деньги, власть и удовольствие в индустрии секс-работы» даёт методологические подсказки, эмпирические основания и теоретические инсайты, на которые можно опереться в дальнейших исследованиях всех этих и многих других вопросов.

Литература

- Голод С. И. 2005. *Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности*. М.: Ладомир.
- Здравомыслова Е., Роткирх А., Тёмкина А. (ред.) 2009. *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.). 2012. *Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Крупец Я. Н., Нартова Н. А. 2010. Переопределение границ между трудом, удовольствием и насилием: секс-работа как особый вид неформальной занятости. *Журнал исследований социальной политики*. 8 (4): 537–550.
- Кон И. С. 2005. *Сексуальная культура в России: Клубничка на берёзке*. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Айрис-пресс.
- Тёмкина А. 2009. Сексуальная жизнь и гендерная революция. В сб.: Здравомыслова Е., Роткирх А., Тёмкина А. (ред.). *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 33–67.
- Тёмкина А. 2012. Сексологи о здоровье, удовольствии и гендере. В сб.: Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.). *Здоровье и интимная жизнь: социологические подходы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 155–178.
- Jones A. 2020. *Camming: Money, Power, and Pleasure in the Sex Work Industry*. New York: New York University Press.
- Hakim K. 2010. *Erotic Capital: The Power of Attraction in the Boardroom and the Bedroom*. New York: Basic Books.
- Hochschild A. R. 1983. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Illouz E. 2008. *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Mears A. 2011. *Pricing Beauty: The Making of a Fashion Model*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Zelizer V. 2005. *The Purchase of Intimacy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

NEW BOOKS

Elena Belyavskaya

Shall We Talk about This? Reflections on Angela Jones's Book 'Camming: Money, Power, and Pleasure in the Sex Work Industry'

Book review: Jones A. (2020) *Camming: Money, Power and Pleasure in the Sex Work Industry*, New York: New York University Press. 332 pp.

BELYAVSKAYA, Elena —
PhD in Sociology, Senior
Research Fellow at the
Laboratory for Studies in
Economic Sociology (LSES),
HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str., Moscow,
101000, Russian Federation.

Email: eberdysheva@hse.ru

Abstract

This review introduces economic sociologists to *Camming: Money, Power, and Pleasure in the Sex Work Industry* by Angela Jones, the first comprehensive study of the virtual market for sexual services. Jones's book delves into the social impacts of the digital transformation within the sex industry, where online platforms create new employment opportunities for students, homemakers, individuals with health limitations, and other workers, often displaced from traditional labor markets.

The review emphasizes three key aspects of Jones's analysis that are particularly relevant for economic sociologists. The first is the normalization of sex work's commercialization. The labor market crisis has rendered sex work a viable and socially inclusive form of employment, enabling participants to overcome alienation and find meaning in their work, where pleasure itself becomes a driving motivation. Jones's work highlights the role of pleasure not only in the realm of sexuality but also as a factor in occupational and social spheres.

The second focus is the transformation of norms and pathologies within sexuality, influenced by economic, social, and political dynamics. Jones argues that platform and emotional capitalism not only meet repressed physical and emotional needs but also actively shape new social expectations, reshaping the prevailing model of subjectivity in society.

The third aspect is biopolitics and bodily autonomy. Digital platforms increasingly regulate intimate areas of life, extending their influence over personal autonomy and individual agency.

The review underscores the provocative insights and empirical findings of Jones's study, encouraging readers to engage with the book. Such engagement allows one to view the work not only as a distinctive contribution to contemporary American sociology but also as an opportunity to consider political, social, and cultural frameworks used to legitimize previously tabooed spheres through market forces.

Keywords: digitalization of labor; sexual services market; legitimation; biopolitics; platform capitalism; sexuality studies; sexual well-being; market construction.

Acknowledgments

This review is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

- Golod S. I. (2005) *Chto bylo porokami, stalo npravami. Lektsii po sotsiologii seksual'nosti* [What Used to Be Vices Became Virtues: Lectures on the Sociology of Sexuality], Moscow: Ladomir (in Russian).
- Hakim K. (2010) *Erotic Capital: The Power of Attraction in the Boardroom and the Bedroom*, New York: Basic Books.
- Hochschild A. R. (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Illouz E. (2008) *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Jones A. (2020) *Camming: Money, Power, and Pleasure in the Sex Work Industry*, New York: New York University Press..
- Kon I. S. (2005) *Seksual'naya kul'tura v Rossii: Klubnichka na berezke* [Sexual Culture in Russia: A Strawberry on a Birch Tree]. 2nd edn, Moscow: Ayris-Press (in Russian).
- Krupets Ya. N., Nartova N. A. (2010) Pereopredelenie granits mezhdru trudom, udovol'stvie i nasil'em: seksual'naya rabota kak osobyy vid nephormal'noy zanyatosti [Redefining Boundaries between Labor, Pleasure, and Violence: Sex Work as a Unique Form of Informal Employment]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 8, no 4, pp. 537–550 (in Russian).
- Mears A. (2011) *Pricing Beauty: The Making of a Fashion Model*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Temkina A. (2009) Seksual'naya zhizn' i gendernaya revolyutsiya [Sexual Life and Gender Revolution]. *Novyy byt v sovremennoy Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti* [New Routines in Contemporary Russia: Gender Studies of Everyday Life] (eds. E. Zdravomyslova, A. Rotkirch, A. Temkina), St. Petersburg: EUPRESS, pp. 33–67 (in Russian).
- Temkina A. (2012) Seksologi o zdorov'e, udovol'stvii i genere [Sexologists on Health, Pleasure, and Gender]. *Zdorov'e i intimnaya zhizn': sotsiologicheskie podkhody* [Health and Intimate Life: Sociological Approaches] (eds. E. Zdravomyslova, A. Temkina), St. Petersburg: EUPRESS, pp.155–178 (in Russian).
- Zdravomyslova E., Rotkirch A., Temkina A. (2009) *Novyy byt v sovremennoy Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti* [New Routines in Contemporary Russia: Gender Studies of Everyday Life] (eds.), St. Petersburg: EUPRESS (in Russian).
- Zdravomyslova E., Temkina A. (2012) *Zdorov'e i intimnaya zhizn': sotsiologicheskie podkhody* [Health and Intimate Life: Sociological Approaches], St. Petersburg: EUPRESS (in Russian).

Zelizer V. (2005) *The Purchase of Intimacy*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

Received: October 18, 2024

Citation: Belyavaksya E. (2024) “Pogovorim pro eto?”: razmyshleniya nad knigoy A. Jones “Veb-kaming: dengi, vlast’ i udovol’sstvie v industrii seks-raboty” [Shall We Talk about This? Reflections on Angela Jones’s Book ‘Camming: Money, Power, and Pleasure in the Sex Work Industry’]. *Journal of Economic Sociology= Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 5, pp. 112–123. doi: [10.17323/1726-3247-2024-5-112-123](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-5-112-123) (in Russian).

NEW TEXTS

Valeriya Grinchenko

Entrepreneurial Ecosystem: Comparative Analysis of Petrozavodsk and Pskov



GRINCHENKO, Valeriya — User Experience Research Specialist (UX researcher), JSC PF “SKB KONTUR”.

Address: 19a Narodnaya Volya str., Yekaterinburg, 620144, Russian Federation.

Email: grinchenko@skbkontur.ru

Abstract

The development of entrepreneurship is a crucial tool for achieving economic growth and enhancing the investment appeal of regions. Many small and medium-sized Russian cities display varied tendencies in economic development, which can be explained by both objective differences in their entrepreneurial ecosystems and how these ecosystems are portrayed in media narratives. This paper presents a comparative analysis of the media representation of entrepreneurial ecosystems in two Russian cities, Petrozavodsk and Pskov. It examines the manifestation and interaction of different types of entrepreneurial ecosystem attributes within these media narratives. The choice of cities for analysis aligns with the objectives of the research project by the ICSE “Leontief Centre”: “Genius Loci and Zeitgeist,” under which this study was conducted. Using corpus-assisted discourse analysis and thematic modeling with LDA, this research examines word frequencies and modeled topics—both common and unique to each locality—and analyzes topic co-occurrence in each city’s discourse. The findings highlight differences and similarities in the media representation of entrepreneurial ecosystems, noting the prevalence of material attributes in both discourses, while also identifying unique interactions among different types of attributes in Petrozavodsk and Pskov. These insights offer a foundation for understanding factors that shape entrepreneurial activities in these regions and suggest directions for future research to empirically examine the relationship between these attributes and local entrepreneurial activity indicators.

Keywords: entrepreneurial ecosystem; attributes of the entrepreneurial ecosystem; regional development; entrepreneurship in media; corpus-assisted discourse analysis; LDA.

Acknowledgements

The paper is based on research conducted within the framework of the ICSE “Leontief Centre” research project “Genius Loci and Zeitgeist” in 2023–2024.

Introduction

Modern nations universally pursue economic development, yet not all adequately assess the importance of maintaining economic prosperity across all regions. Ascani et al. [Ascani, Crescenzi, Iammarino 2012] argue that due to internal and external trade dynamics, inequalities among localities have increased; while some regions thrive economically, others face decline. These imbalances at the regional

level can significantly impact national economic health, exacerbating uneven development patterns. Furthermore, regional economic conditions influence national knowledge generation and innovation creation because local institutions and networks contribute to a region's innovative potential, which, in turn, enhances the country's knowledge capital [Ascani, Crescenzi, Iammarino 2012].

Consequently, the regional economy has become a pivotal focus within governmental policy, and many scholars highlight the importance of local entrepreneurship as a central element. Entrepreneurs play a critical role in driving economic development through their risk-taking and pursuit of new market opportunities [Beugelsdijk 2007]. Moreover, entrepreneurial activity fosters innovation, contributing to the competitiveness of cities and regions [Hajikhani 2020].

A primary factor influencing entrepreneurial community development in a region is local entrepreneurial capital. From a macroeconomic perspective, entrepreneurial capital is defined as a "region's endowment with factors conducive to the creation of new businesses" [Audretsch, Keilbach 2004]. A region with rich entrepreneurial capital encourages high levels of economic participation in establishing new firms and promoting innovation within existing organizations [Audretsch, Keilbach 2004; Jaén, Liñán 2013]. Entrepreneurial capital is shaped by the environment and interactions among economic actors [Aggestam 2014], thus becoming part of a broader entrepreneurial ecosystem that creates conditions conducive to fostering local entrepreneurial communities.

Literature Review and Problem Statement

Definition of Entrepreneurial Ecosystem

There are various approaches to defining the entrepreneurial ecosystem. Many authors define it as a "dynamic, self-regulating network of many different types of actors" who may not even be entrepreneurs themselves [Isenberg 2014; Stam 2015] (as cited in: [De Brito, Leitão 2021]). An entrepreneurial ecosystem is localized, as it consists of an interconnected set of actors in a particular geographic community committed to development through the encouragement and support of new sustainable ventures [Cohen 2006]. Since resources, support structures, and networks are usually regionally bound, the region became a suitable level of analysis in studies of entrepreneurial ecosystems [Rinkinen, Konsti-Laakso 2023]. An entrepreneurial ecosystem provides a systematic view of entrepreneurship, assuming that the cultural, social, and economic environment can comprehensively influence the development of entrepreneurship in the region [Cavallo, Ghezzi, Balocco 2019]. It aims to stimulate the creation of new firms and startups, becoming a driver of regional economic and innovative development [Alvedalen, Boschma 2017]. Indeed, empirical research has confirmed that regulatory, normative, and cultural institutions moderate the relationship between entrepreneurial orientation and firms' performance by facilitating access to various types of resources [Wales, Shirokova, Beliaeva, Micelotta, Marino 2021].

Attributes of Entrepreneurial Ecosystem

The entrepreneurial ecosystem is a complex and multi-layered structure that plays a crucial role in promoting entrepreneurship, small-business growth, and innovation [Meshram, Rawani 2019]. This ecosystem is characterized by a set of attributes that provide entrepreneurs with advantages and resources for successful work. Different authors present various classifications of these attributes. For example, Theodoraki, Messegheem and Rice [Theodoraki et al. 2018] considered the dimensions of entrepreneurship as a set of interacting sub-ecosystems: actors who shape it and their formal/informal networks, physical infrastructure, and culture. Stam & Ven [Stam, Ven 2021] identified ten elements of the entrepreneurial ecosystem, such as formal/informal institutions, social networks, physical resources, financial resources, leadership, human capital, knowledge, means

of consumption, and producer services, all of which were distinguished into institutional arrangements and resource endowments. Moreover, the authors note causal interrelationships among these elements, indicating the interdependence of these attributes.

Spigel [Spigel 2017] presented one of the most detailed views on the dimensions of entrepreneurial ecosystems and argued that ecosystems are composed of ten attributes from the cultural, social, and material spheres. These attributes provide resources and an environment conducive to entrepreneurial activity, and the relationships between these dimensions help reproduce the local ecosystem. By cultural attributes, the author means underlying beliefs and perspectives about entrepreneurship within a region, including two main sub-attributes: cultural attitudes, which normalize entrepreneurship as a viable career path, and histories of entrepreneurship, which recount stories of local success, helping to create an image of entrepreneurship's accessibility and the benefits available to those who pursue it. Social attributes relate to resources from local social networks and include worker talent (experienced workers with applied skills, contributing to business development), investment capital (financial support from institutional investors), networks (which play crucial roles in gaining knowledge and integrating into local knowledge streams), and mentors and role models — successful entrepreneurs who provide advice and support to newcomers in entrepreneurship.

Material attributes are physically present in the region in the form of *universities*, which play a role in training aspiring entrepreneurs, support services and facilities, which provide specialized help for newcomers, policy and governance — state-run programs or regulations that finance startups and oversee their activities, and open markets, which reflect the availability of local opportunities and demand, enabling venture creation.

Media Discourse and Entrepreneurial Ecosystem

Since the entrepreneurial ecosystem is, by definition, considered an inherently connected concept with a specific territory, it is most often studied through case studies in specific localities [Spigel 2017; Theodoraki et al. 2018]. One way to analyze the manifestation of entrepreneurial ecosystem attributes typical of a particular society is to examine media articles covering entrepreneurship in a city or region. Discourse analysis is regarded as an effective tool for generating new knowledge about a regional entrepreneurial ecosystem, since “language acts as a mediator for constructing reality,” and the study of public discussions may help us understand social constructions, revealing sources of power, inequalities, and biases [Achtenhagen, Welter 2007].

According to the theory of social representation, mass media not only participates in representing reality but plays a key role in forming a common understanding and interpretation of social phenomena through the mechanisms of anchoring—rooting ideas in people's minds—and objectification, which is the materialization of ideas into external reality [Höijer 2011]. Knowledge presented in the media about behavioral patterns and values accepted in society can influence perceptions and the construction of reality even more than objective indicators of the environment, since individuals interact with media daily [Laguía, Moriano 2021].

Moreover, narratives about entrepreneurship in society can affect readers' beliefs about the benefits of entrepreneurial activity, influencing the ongoing formation of the entrepreneurial ecosystem [Radu, Redien-Collot 2008]. According to the entrepreneurial event model, entrepreneurial activity is more likely to occur in environments where it is perceived as desirable and feasible [Shapiro, Sokol 1982], and these preferences are shaped by environmental factors, one of which is media discourse, which society encounters daily.

Entrepreneurial Ecosystems in Small Cities

Most research on entrepreneurial ecosystems has focused exclusively on large cities, primarily in developed countries [Roundy 2017]. Consequently, there is limited knowledge about small and medium-sized cities in

this field. However, in small towns, the development of an entrepreneurial ecosystem can play a key role in economic growth, through strategies for city development [Roundy 2017]. In a broader sense, discovering the entrepreneurial potential of small and medium-sized cities can transform the settlement structure of the country, increasing the economic and cultural attractiveness of these cities [Ilyina, Kulibanova, Teor 2023].

In modern Russia, many medium-sized cities (with populations of 50,000–250,000 inhabitants) have the potential for economic transformation and innovation, though some adapt to external challenges while others experience stagnation. To determine whether the discourse around entrepreneurship is unique to each medium-sized city or if it shares common traits, this paper will conduct a comparative analysis of the entrepreneurial ecosystems' representation in two regional centers in the Northwest: Petrozavodsk and Pskov.

This paper is part of a scientific research project by the CJSC ICSE “Leontief Centre”: “*Genius Loci and Zeitgeist*.” This project focuses on the unique aspects of the local economic, social, and cultural environment, its capacity to perceive and implement technological and organizational innovations, and the potential of cities to adapt to external challenges and drive local economic transformation. The choice of cities for analysis aligns with the project's goals, as Petrozavodsk and Pskov are similar in geographic and demographic traits (the population of Petrozavodsk is 235,793 (2023) and of Pskov is 189,315 (2023), with comparable areas and geographical locations). However, they differ in economic indicators (in rankings of the socio-economic situation of Russian regions, the Republic of Karelia ranks 66th, while the Pskov region ranks 74th [RIA Rating 2023]) and in entrepreneurial activity: the relative increase in the number of organizations in Karelia is – 2.5, compared to – 3.8 in the Pskov region [Institute for Statistical Research... 2023]. By comparing these two cities with similar backgrounds but different local indicators, we aim to draw conclusions about attributes emphasized in each city's media, noting similarities and differences in local narratives and entrepreneurial trends based on word frequencies, and to identify characteristics of urban development that may explain these variations.

RQ 1: How do discourses of entrepreneurship in the regional media of Petrozavodsk and Pskov differ?

- Analyze the representation of the entrepreneurial ecosystems in Petrozavodsk and Pskov using computational text analysis;
- Identify distinctive features through comparison of their thesaurus of anchor words and topic distribution.

As discussed earlier, media narratives may influence perceptions of outcomes from entrepreneurial activity [Radu, Redien-Collo 2008]. Based on the criteria for selecting these cities, it can be assumed that the entrepreneurial ecosystems of Petrozavodsk and Pskov will differ in terms of the social desirability of entrepreneurship. Since secondary data suggest that Petrozavodsk is more successful in local entrepreneurship, we expect that Pskov's narrative may emphasize the challenges of entrepreneurial activity more strongly than Petrozavodsk's. Differences in the entrepreneurial ecosystems presented in the media should be reflected in topic selection and keywords unique to each city.

H 1: Pskov's discourse will include more language focused on entrepreneurial complexities, restrictions, and regulations than that of Petrozavodsk.

RQ 2: How do material, social, and cultural attributes manifest in the media representation of Petrozavodsk's and Pskov's entrepreneurial ecosystems?

- Identify which attributes of each city's entrepreneurial ecosystem are most reflected in media articles based on topic distribution;

— Analyze the co-occurrence of attributes in each city’s discourse to observe their interaction.

The attributes of the entrepreneurial ecosystem are interdependent and may interact uniquely within each ecosystem [Neck, Meyer, Cohen, Corbett 2004]. Furthermore, different entrepreneurial ecosystems, comprised of distinct attributes, may produce various outcomes. For instance, Neumeyer et al. [Neumeyer, Santos, Morris 2019] argue that ecosystems may contain social clusters that include actors with different social characteristics who pursue diverse types of entrepreneurship. Institutional settings also influence the development of an entrepreneurial ecosystem, determining which startup formats are likely to emerge [Dosi 1988] (as cited in: [Wurth, Stam, Spigel 2022]). Thus, we propose that the interaction of attributes in the entrepreneurial ecosystems of two similar small cities will nonetheless display a unique structure.

H 2: Each of the two cities will exhibit a unique network of interactions among entrepreneurial ecosystem attributes.

Methodology

This thesis employs a cross-disciplinary approach using corpus-assisted discourse analysis [Baker 2006]. Unlike classical discourse analysis, corpus-based research relies on both qualitative and quantitative techniques, which helps reduce research bias and allows for the analysis of large text volumes. In this context, the frequencies and associative patterns of words provide quantitative insights, while qualitative interpretations allow us to explain these patterns by examining word meanings and usage context.

Article Search

The Medialogy service was used to select media articles for analysis. When formulating a search query, it was necessary to examine relevant literature to identify keywords commonly used in media content analysis studies of entrepreneurial ecosystems. To capture the social representation of the entrepreneurial ecosystem in local media, articles were filtered using keywords like “entrepreneur” or “entrepreneurship” in the title [Radu, Redien-Collot 2008], as well as terms such as “opening a new business,” “business development,” “business opportunities,” and “entrepreneurial process” in either the title or article content [Rinkinen, Konsti-Laakso 2023]. Given the limited Russian-language research on entrepreneurial ecosystems in regional media, which results in few Russian keyword analogs, I focused on English-language keywords and selected the closest Russian alternatives to create the Medialogy query:

1. (предпринимател* | стартап | “открытие нового бизнеса” | “бизнес возможности”) /20 Петрозаводск*
2. (предпринимател* | стартап | “открытие нового бизнеса” | “бизнес возможности”) /20 Псков*

Sample of Articles and Data Collection

To assess the current state of the cities’ entrepreneurial ecosystems, I filtered articles from January 1, 2023, onward. The database of collected articles was then refined to remove duplicate and irrelevant content. The data revealed that from January 1, 2023, to February 1, 2024, 1,576 unique articles on entrepreneurship were published in Petrozavodsk and 2,656 in Pskov. Thus, for this timeframe, there were more articles about entrepreneurship in Pskov than in Petrozavodsk.

During text preprocessing, string operations, tokenization with UDPipe, and lemmatization were performed. For further analysis, only nouns and adjectives were selected. A stopword list was compiled to remove insignificant words from the set of lemmas, yielding a final word set containing 606,025 tokens (words), with 35,579 unique.

Methods of Text Analysis

For comparative computational text analysis, the Log-odds ratio algorithm was applied. In addition to a comparative analysis of word frequency, I conducted thematic modeling using the LDA (Latent Dirichlet Allocation) method. Based on the entire corpus of articles about Petrozavodsk and Pskov, topics common to both cities were modeled, providing objective criteria for comparing topic distribution within each city's discourse.

The optimal number of LDA topics can vary, and it is crucial to determine the ideal number of topics, as this influences feature quality for classification [Arun, Suresh, Veni Madhavan, Narasimha Murthy 2010]. Using two algorithms for topic count minimization [Cao, Xia, Li, Zhang, Tang 2009; Arun, Suresh, Veni Madhavan, Narasimha Murthy 2010] and two for maximization [Griffiths, Steyvers 2004; Deveaud, Sanjuan, Bellet 2014], I identified an optimal number of topics, $n = 29$ (see Figure 1). A commonly accepted cutoff of 0.05 for topic proportions was applied to determine each topic's presence in an article.

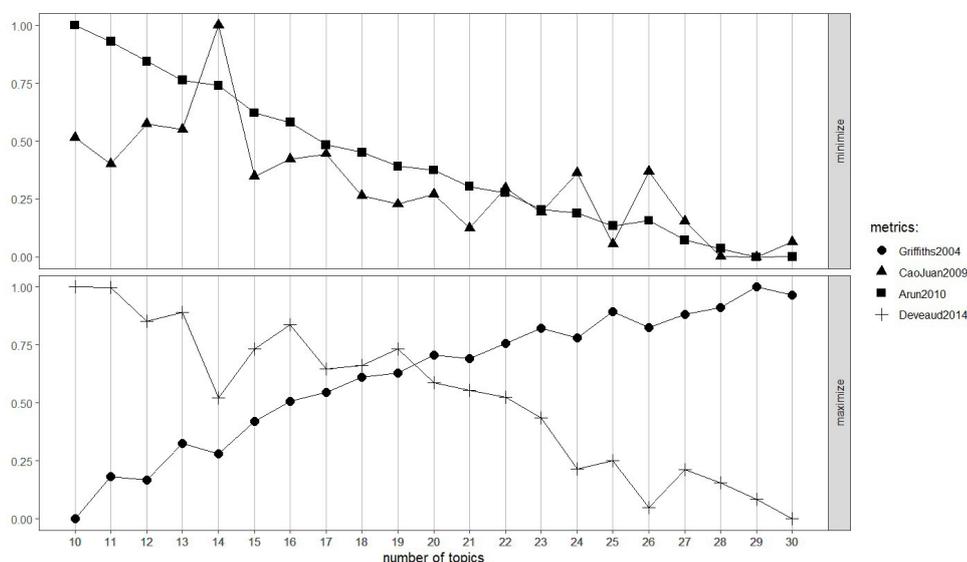


Figure 1. Selecting Number of Topics for LDA Model

After examining the words associated with each topic, conclusions could be drawn about which entrepreneurial ecosystem attribute each topic represented. To date, no studies have examined entrepreneurial ecosystem attributes and their interactions by analyzing resulting cluster relationships. Consequently, I relied on heuristic methods grounded in the theoretical framework above. For analyzing attribute interactions, social network theory was applied. Metrics such as centralization and density were used to evaluate attribute co-occurrence characteristics in each city's discourse.

Results

Contrastive Analysis of Words

The word clouds for Petrozavodsk and Pskov reveal many high-frequency words in common, suggesting similarities in the discourses of both cities. The Petrozavodsk word cloud, however, includes terms related to educational components (see Figure 2.1), indicating a notable role of educational institutions in promoting entrepreneurial ideas. In examining the representation of government entities, terms related to local authorities dominate in Petrozavodsk (see Figure 2.1), while Pskov's discourse more frequently references federal and regional government bodies (see Figure 2.2).

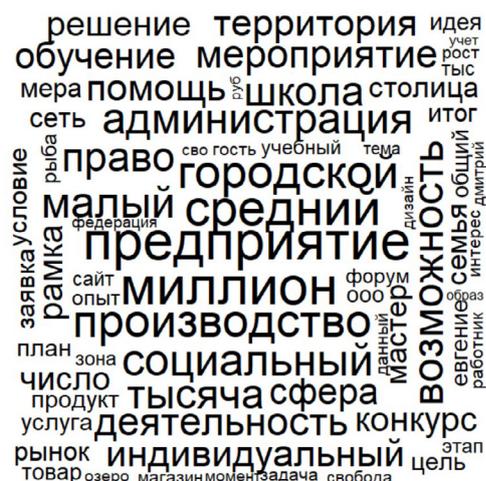


Figure 2.1. Word Cloud for Petrozavodsk

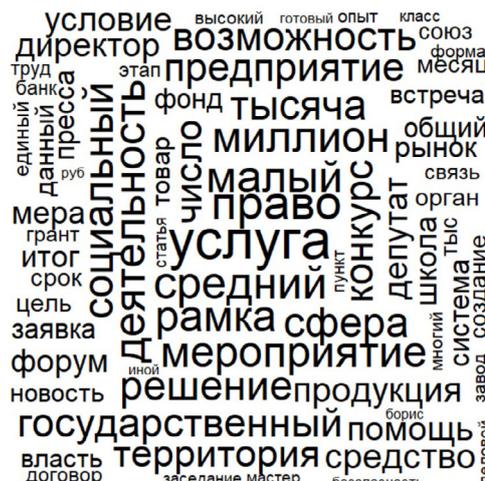


Figure 2.2. Word Cloud for Pskov

The Log-odds ratio analysis identified certain names and surnames of prominent political figures and local entrepreneurs, underscoring the importance of specific individuals in each city’s entrepreneurial narrative (see Figure 3). This finding suggests that media coverage of entrepreneurship in both cities revolves around two primary actor groups: government officials and local business leaders.

Both cities’ word clouds mention business areas tied to local production, highlighting regional industries. Media discourse reflects that these entrepreneurial projects often receive governmental support, utilizing local ecological resources for business purposes.

For Petrozavodsk, the Log-odds ratio analysis emphasized names of local educational institutions and enterprises (see Figure 3), underscoring a strong focus on promoting entrepreneurship within schools, universities, and colleges. Activities like competitions, master classes, and accelerators, as well as specialized training programs and new institutions aimed at fostering future entrepreneurs, are frequently covered by the media.

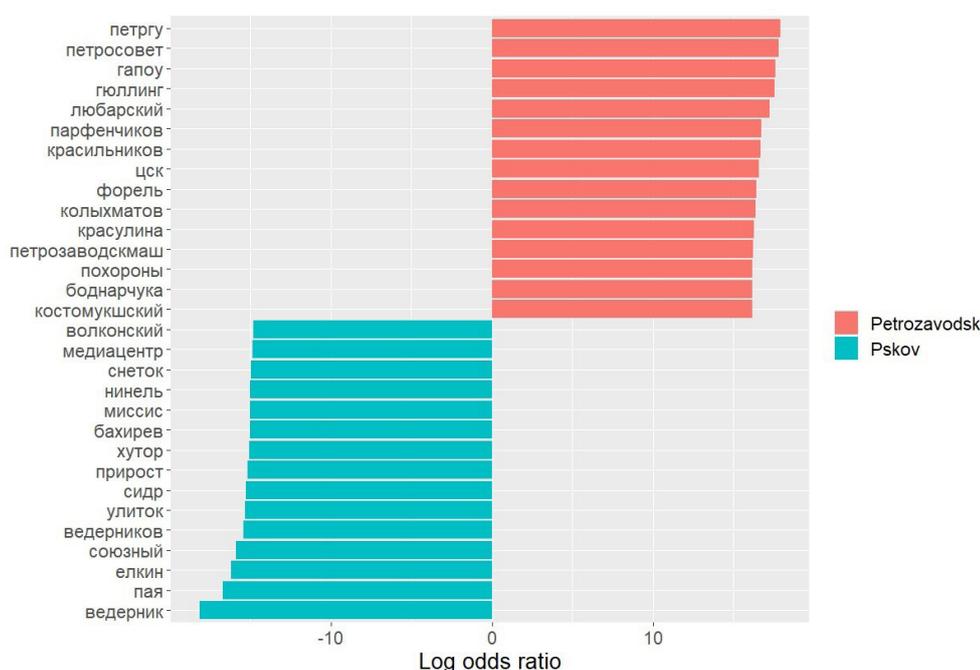


Figure 3. The Most Frequently Used Words in the Petrozavodsk/Pskov Discourse, as Determined by the Log-Odds Ratio Method

In summary, Hypothesis 1 (H 1)—which proposed that Pskov’s discourse would include more terms related to restrictions and negative experiences in entrepreneurship—was not supported by comparative word frequency analysis. However, the results of topic modeling may present different insights.

Topic Modeling: Material Attributes Representation

Out of the 26 relevant topics modeled (three were excluded due to irrelevance), 18 relate to material attributes of the entrepreneurial ecosystem, covering all subfields of these attributes.

Legal Regulation of Entrepreneurship

The representation of legal regulations appears in five aspects (see Table 1). First, topics address regulations on working conditions, including minimum wage requirements, illustrating entrepreneurs’ obligations towards their employees. Second, coverage of legal actions against entrepreneurs who violate agreements or laws portrays the potential legal consequences of non-compliance. Third, product quality control is highlighted, with articles focusing on the legality of businesses whose goods were confiscated due to missing documentation or markings. Fourth, articles emphasize legal restrictions on certain types of entrepreneurial activities, such as new laws regulating short-term housing rentals, as exemplified by recent regulations in Pskov. Lastly, topics cover tax incentives for entrepreneurs, which, although highlighting favorable tax policies, also encourage timely compliance with tax obligations.

Overall, topics surrounding legal regulations highlight restrictions for startups and the negative consequences of non-compliance. According to Radu & Redien-Collot [Radu, Redien-Collot 2008], such portrayals may reduce the perceived desirability of entrepreneurship by emphasizing negative consequences for rule violations, potentially discouraging engagement in entrepreneurial careers.

Governmental Support Beyond Regulations

The government’s role in the entrepreneurial ecosystem extends beyond regulation, as illustrated by a topic focused on subsidized loans and funding guarantees from the RGS (see Table 1). National programs supporting small and medium-sized businesses are presented as accessible opportunities for new entrepreneurs to secure capital with minimal risk, thus framing entrepreneurship as a favorable and approachable endeavor.

Table 1

Top 10 Keywords of Topics Connected to Policy and Governance in Material Attributes

Control over Working Conditions	Criminal Prosecution of Entrepreneurs	Quality Control of Goods	Restrictions on the Implementation of Entrepreneurial Activity	Tax Control	Preferential Lending
соглашение	миллион	продукция	квартира	налоговый	миллиард
профсоюз	уголовный	нарушение	гостиничный	государственный	средний
объединение	размер	проверка	услуга	налог	малый
работодатель	судебный	продажа	помещение	документ	финансовый
союз	взятка	управление	жилой	индивидуальный	миллион
край	решение	индивидуальный	аренда	муниципальный	кредит
федерация	свобода	товар	конституционный	участок	льготный
мрота	руб	требование	право	федерация	банк
плата	тысяча	прокуратура	жилье	орган	субъект
постановление	лишение	роspotребнадзор	краткосрочный	служба	поручительство

Role of Educational Institutions

Universities and other educational institutions play a prominent role in the media representation of material attributes of the entrepreneurial ecosystem (see Table 2). This is visible in two ways: First, events like accelerators and student startup competitions aim to engage students in entrepreneurship and build practical skills. Second, universities offer new professional training programs designed to develop skills essential for entrepreneurial success, with one of the most notable being the “Professionalitet” project.

Educational institutions, therefore, contribute to the media discourse by highlighting the opportunities they provide to students and by concentrating streams of entrepreneurial knowledge within their centers.

Table 2

Top 10 Keywords of Topics Connected to Universities in Material Attributes

Entrepreneurial Events Organized by Universities	Professional Training Programs
университет	школа
студент	образование
государственный	образовательный
наука	колледж
школа	профессиональный
стартап	студент
технология	техникум
технологический	технология
научный	класс
образовательный	средний

Support Programs for Beginners in Entrepreneurship

Regarding support programs for novice entrepreneurs, two main providers stand out in the media narratives: governmental and non-governmental organizations (see Table 3). Articles on governmental support highlight national initiatives aimed at providing benefits for small and medium-sized businesses, which are both implemented and overseen by regional government entities. Such coverage emphasizes the authorities’ vested interest in nurturing this sector. In contrast, non-governmental programs, often spearheaded by non-profit organizations, focus on promoting entrepreneurship within society and offering both consulting and financial support to new business owners. These articles showcase how start-ups that demonstrate potential within various programs receive funding to bring their business ideas to fruition. Both forms of support portray entrepreneurship as widely accessible, with entrepreneurs encouraged to seek out these free resources.

Contests and Awards for Aspiring Start-Ups

Beyond direct support programs, contests and awards also play a significant role in fostering startups that aim to implement new business projects. Media coverage of these events fosters a sense of security and support for those considering entrepreneurship, providing real examples of winning projects to inspire new participants. Additionally, articles stress that support is not always event- or competition-based; individuals can apply independently to receive assistance, which may include co-financing, accounting support, legal aid, or other services critical to business development. These articles help demystify the process, clarifying the types of support various organizations offer to entrepreneurs.

Table 3

Top 10 Keywords of Topics Connected to Support Services in Material Attributes

GO support programs	NGO Support programs	Contests and awards	Co-financing and services
экономика	мероприятие	конкурс	социальный
сфера	рамка	номинация	услуга
экономический	форум	победитель	заявка
возможность	креативный	лучший	грант
губернатор	эксперт	премия	малый
уровень	возможность	этап	субъект
решение	обучение	всероссийский	средний
реализация	идея	команда	отбор
направление	малый	фестиваль	муниципальный
число	индустрия	итог	комплексный

Open Market Opportunities and Macroeconomic Factors

A substantial portion of the entrepreneurial narrative in both cities focuses on the Open Market and macroeconomic trends (see Table 4). Articles outline different sectors in which entrepreneurs are active, thereby illustrating the market demand within these areas. For example, one topic area is dedicated to entrepreneurial initiatives within the military sector, responding to increased demand for essential goods, equipment, and technologies. Another highlights food market activities, including articles that cover open markets in the city, suggesting an opportunity-rich environment for entrepreneurs interested in selling agricultural products.

The urban market is another sector emphasized in partnership with local authorities, which signals to potential entrepreneurs a steady demand for urban environment improvements. Finally, tourism is prominently featured as an emerging business field. Articles discuss the economic benefits of tourism for the regions, noting significant investments directed toward the sector. Numerous operational agrotourism complexes and businesses are cited as successful examples, supported by government grants and development plans. This portrayal creates a compelling picture of tourism as a lucrative and supported sector, potentially enticing entrepreneurs to pursue ventures within this field.

The articles also paid attention to the macroeconomic situation in the region. They included reports on developments in both the domestic and international economies, covering changes in the key interest rate, as well as new sanctions and restrictions on exports and imports. This economic context is an important component of the entrepreneurial ecosystem, as it can influence entrepreneurs' motivation to either launch new ventures or expand into international markets under such conditions.

Table 4

Top 10 Keywords of Topics Connected to Open Market in Material Attributes

Military Market	Food Market	Urban Market	Tourism Market	Regional Economy
помощь	ярмарка	администрация	туризм	ситуация
семья	продукция	городской	туристический	мнение
военный	гость	территория	турист	проблема
боец	сувенир	объект	маршрут	власть
акция	продукт	вывеска	объект	vladimir
единый	ярмарка	торговый	гость	эксперт
фонд	товар	дизайн	отель	рост
сво	производитель	здание	отдых	государство
партия	ягода	благоустройство	сельский	начало
отделение	мороженный	площадка	гостиница	президент

Digital Services to Help Entrepreneurs

The final topic connected to the material attributes of the entrepreneurial ecosystem focuses on digital services available to entrepreneurs (see Table 5). Some articles describe an electronic supplier portal where entrepreneurs can secure contracts on a competitive basis, allowing new business owners to effectively organize their work and connect with potential customers.

Table 5

Top 10 Keywords of Topics Connected to Physical Infrastructure in Material Attributes

Digital Services
сервис
банк
платформа
поставщик
клиент
тысяча
электронный
цифровой
товар
закупка

In sum, all dimensions of the material attributes of the entrepreneurial ecosystem, as highlighted by Spigel [Spigel 2017], were represented in media coverage from Petrozavodsk and Pskov. Some topics emphasized positive aspects of the ecosystem that may stimulate local business growth, while others highlighted restrictive measures that could constrain or even suppress it.

Topic Modeling: Social Attributes Representation

The social attributes of the entrepreneurial ecosystem manifested through two dimensions: the availability of skilled workers and the presence of networks among various business actors (see Table 6). It is important to note that the discourse in these cities lacked references to entrepreneurs as role models. Specifically, the media did not feature stories of experienced businessmen organizing mentoring sessions with aspiring entrepreneurs to share insights and advice. Nor were there articles about investors interested in funding new projects or narratives where novice entrepreneurs received financial backing from family, friends, or independent investors. This absence likely reflects not the unique characteristics of the entrepreneurial ecosystems in the analyzed cities, but rather the broader entrepreneurial culture in Russia as a whole.

The first topic among the social attributes concerns the job market and highlights the high demand for employment through job fairs specifically organized for graduates and the unemployed, aimed at helping job seekers plan their career paths (see Table 6). From these articles, aspiring entrepreneurs can see that qualified professionals are actively seeking work in various fields, suggesting that it would be relatively easy to recruit skilled labor to support their business ideas.

Regarding the representation of social networks within the article narratives, this aspect appeared across three topics (see Table 6). The first group of articles described prominent local figures from the economic, political, and cultural elite. Local entrepreneurs were also included in this category, underscoring their integration into local dynamics and defining their entrepreneurial role as a status symbol. The second group of articles covered forums and networking events where members of diverse social groups could meet, build new connections, and establish partnership agreements. The final topic illustrated the dialogue between government agencies and the business community through the organization of an Open Day for entrepreneurs, during which government representatives were available to answer questions relevant to the business community.

Table 6

Top 10 Keywords of Topics Connected to Social Attributes

Job Fairs	Influential Personalities	Forums and Meetings	GO and Entrepreneurs
занятость	депутат	представитель	право
труд	областной	мероприятие	защита
гражданин	собрание	председатель	деятельность
обучение	партия	встреча	аркадий
работодатель	ведерник	форум	орган
возможность	александр	совет	правовой
работник	председатель	директор	заседание
служба	губернатор	молодежь	уполномоченный
трудоустройство	кандидат	руководитель	обращение
специалист	борис	сотрудничество	управление

In sum, the topics illustrating the presence of networks demonstrate to readers the availability of platforms for open communication between entrepreneurs and various influential groups, fostering the active exchange of knowledge and facilitating partnership agreements.

Topic Modeling: Cultural Attributes Representation

The manifestation of cultural attributes in the discourse of the cities was expressed through descriptions of success stories from entrepreneurs in various fields of activity (see Table 7). To identify topics with cultural attributes, the presence of real names and specific details about the entrepreneurs' paths and experiences was essential. This attribute encompassed four topics, with narratives revolving around particular areas of entrepreneurship that are widespread in the regions.

One prominent area was the field of art: these news articles described how entrepreneurs organize museums, curate exhibitions, and create new art installations for the city. Another topic focused on design, featuring articles about fashion shows for local brands, exhibitions of aspiring designer-entrepreneurs selling their own clothing, and stories of local manufacturers crafting unique interior design items. A third area of discourse centered on manufacturing. Here, the articles detailed the histories of companies engaged in production involving large and expensive equipment, such as furniture and food production. The final topic in cultural attributes highlighted success stories of major local entrepreneurs who have grown from small, local businesses to operate on a federal scale, including expanding into export markets.

Table 7

Top 10 Keywords of Topics Connected to Cultural Attributes

Stories: Art	Stories: Design	Stories: Manufacture	Stories: Major Entrepreneurs
музей	мастер	сельский	производство
история	изделие	хозяйство	предприятие
памятник	производство	технопарк	продукция
исторический	одежда	производство	рынок
праздник	магазин	артура	завод
выставка	заказ	знак	экспорт
александр	бренд	парфенчик	экспортер
художник	мастерский	vladimir	объем
искусство	клиент	инициатива	промышленный
храм	оборудование	нацпроект	оборудование

Comparison of Topic Distribution in Petrozavodsk and Pskov

Using the Log-odds ratio method, we can analyze the distribution of topics across the documents from both cities to determine which topics were more prevalent in one city's discourse compared to the other, and which were equally common in both (see Figure 4). A log-odds benchmark of ± 0.25 was applied to identify topics that are typical for one city or are equally common in both.

The first difference lies in the distribution of topics that describe the cultural attributes of the entrepreneurial ecosystem (see Figure 4). Half of these topics—two out of four—are characteristic of the Petrozavodsk discourse, while the remaining two are equally common in the narratives of both cities. The manufacturing sector is equally prominent in both cities (see Appendix, Table A.1), so the frequent mention of this topic in Petrozavodsk does not necessarily relate to its prevalence in the region. This suggests that Petrozavodsk's discourse more frequently includes real-life examples of successfully implemented projects, potentially motivating and encouraging newcomers to take action.

In terms of social attributes, the representation differs across the two cities (see Figure 4). Petrozavodsk narratives emphasize job fairs and demand in the labor market, whereas Pskov's discourse centers on the social networks supporting local entrepreneurship. In both cities, the dialogue between government agencies and the business community is equally prominent, according to the log-odds ratio. Thus, Pskov demonstrates the presence of established networks within the local economic space, while Petrozavodsk highlights the potential for building new networks by attracting qualified professionals. This finding aligns with the employment rate, which is lower in Petrozavodsk than in Pskov (see Appendix, Table A.1).

The majority of topics related to the legal regulation of entrepreneurship—three out of five—appear more frequently in Pskov's discourse, supporting Hypothesis 1 (H 1) (see Figure 4). In Pskov, there is more frequent mention of rules that restrict certain types of entrepreneurial activity, including tax enforcement and the regulation of workplace conditions. These laws, which impact business operations daily, are more frequently highlighted. Meanwhile, a topic on consumer rights monitoring appears with equal frequency in both cities. Petrozavodsk, however, features a topic on the criminal prosecution of entrepreneurs who breach agreements or business regulations, suggesting that its coverage of legal issues tends to focus on extreme cases of violations.

In terms of material attributes, Pskov's discourse includes more articles focused on support and financing for start-up enterprises (see Figure 4). Here, the emphasis is on creating an image of accessible entrepreneurship through national projects, support services, special contests, co-funding programs, and preferential lending options. The media in Pskov thus plays an essential role in highlighting initiatives that simplify business activities, serving as a primary information source for entrepreneurs. By contrast, Petrozavodsk's discourse more frequently discusses topics related to the openness of specific markets for entrepreneurial ventures (see Figure 4). Both cities' narratives equally cover entrepreneurship in the food and tourism sectors, with particular attention on agriculture. The media in both regions clearly articulates the role of local producers in agriculture and emphasizes the ongoing demand for their products.

The economic situation of the regions is equally represented in the discourse of both cities (see Figure 4), underscoring the importance of macroeconomic indicators in shaping perceptions of each entrepreneurial ecosystem. Additionally, articles on digital services appear with similar frequency in both Petrozavodsk and Pskov, perhaps reflecting the centralization of digital services in the capital and the limited availability of local alternatives.

Universities, as training grounds for new entrepreneurs and as hosts of accelerators and competitions that promote entrepreneurship, are also equally prominent in articles from both cities (see Figure 4). However,

Petrozavodsk's narrative more frequently mentions training programs and courses, consistent with the word frequency analysis showing that Petrozavodsk is characterized by terms related to education and educational institutions.

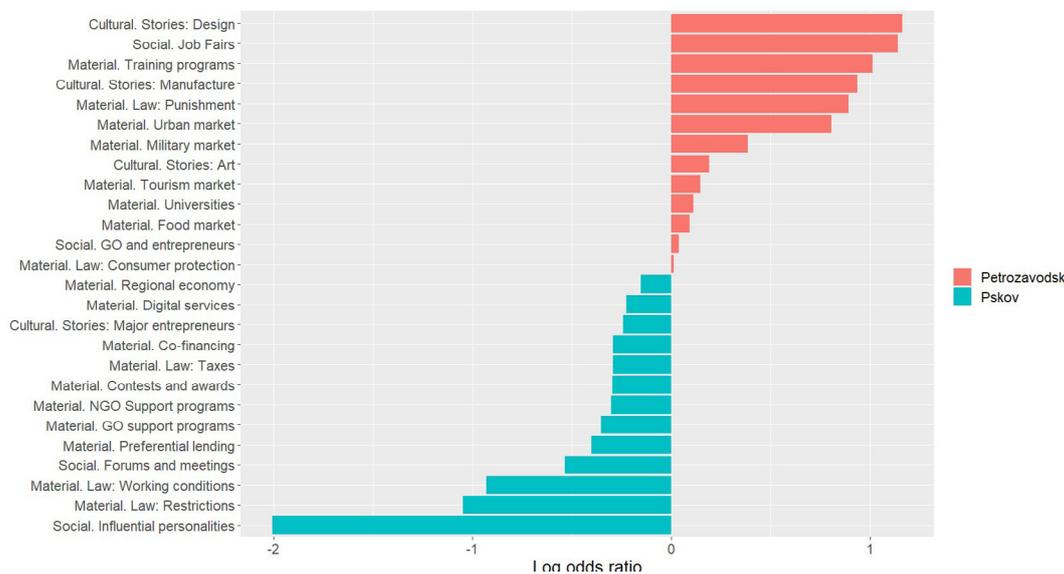


Figure 4. The Most Frequently Used Topics in the Petrozavodsk/Pskov Discourse, as Determined by the Log-Odds Ratio Method

Topic Interactions in Petrozavodsk and Pskov

The interaction of topics is understood as the co-occurrence of topics within the same media articles. Since, in our case, topics represent one or another attribute of the entrepreneurial ecosystem, their interaction can reveal insights into how the entire entrepreneurial ecosystem is represented in local media. This analysis allows us to identify which topics are more frequently discussed together and which attributes overlap more frequently within narratives.

Two social networks were constructed for Petrozavodsk (see Figure 5.1) and Pskov (see Figure 5.2) to illustrate the interactions of topics—or attributes—in local media discourse. In these networks, the nodes represent individual topics, while the thickness of the lines connecting them corresponds to the normalized frequency of co-occurrence in shared articles; the thicker the line, the more often the attributes are mentioned together.

The social network of attributes in Petrozavodsk has a higher centralization score (0.018 for Petrozavodsk and 0 for Pskov), indicating that Petrozavodsk is more likely to structure its news discourse around a single, cohesive set of attributes. Since most topics in this network exhibit the maximum degree centrality value (connections to all 25 available topics), it is challenging to identify central topics. However, an examination of the topics at the network's periphery in Petrozavodsk (see Figure 5.1) reveals that many of these peripheral topics are connected to law coverage in news articles. This observation suggests that Petrozavodsk's narrative is not centered on the legal regulation of entrepreneurship; rather, legal topics are somewhat removed from the general discourse of overlapping topics.

Moreover, the density of the Pskov attributes network is higher than that of Petrozavodsk (1 for Pskov and 0.98 for Petrozavodsk). This indicates that the attributes of Pskov's entrepreneurial ecosystem are fully interconnected, appearing together in news in all possible combinations, whereas some attributes in Petrozavodsk's discourse do not co-occur with certain other attributes. These different statistical measures of the attribute interaction networks confirm Hypothesis 2 (H 2), underscoring the uniqueness of each entrepreneurial ecosystem's representation pattern.

When examining the strength of the attribute relationships, the graphs for both cities reveal that the material attribute emphasizing state support programs for entrepreneurship is most often mentioned alongside other topics; it has the highest number of shared articles with other ecosystem attributes, which is why its edges in both networks are the thickest (see Figures 5.1, 5.2). This prominence reflects the fact that the topic of state support is the most common theme in both Petrozavodsk and Pskov narratives.

Additionally, in Petrozavodsk, cultural attributes have the highest average node weight (0.3447252 for cultural, 0.2748538 for social, and 0.317986 for material). This finding suggests that business stories of various types are frequently mentioned in conjunction with numerous other attributes, while some social and material attributes are located on the periphery and are not actively covered. Conversely, in Pskov, social attributes hold a similar role in the discourse, with news articles more frequently combining them with other types of attributes (0.283024 for cultural, 0.3149461 for social, and 0.3042524 for material).

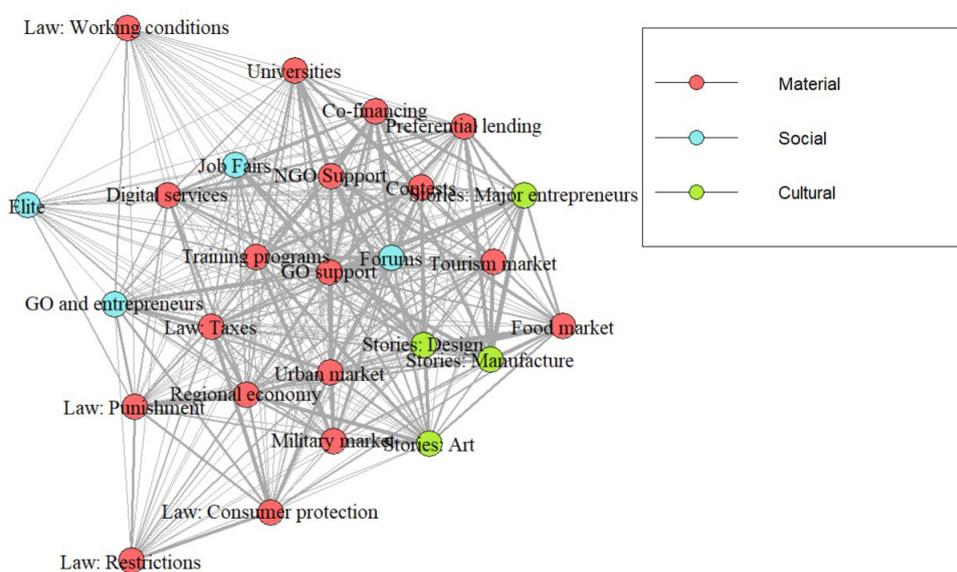


Figure 5.1. Social Network of Interaction of Entrepreneurial Ecosystems' Attributes, Petrozavodsk

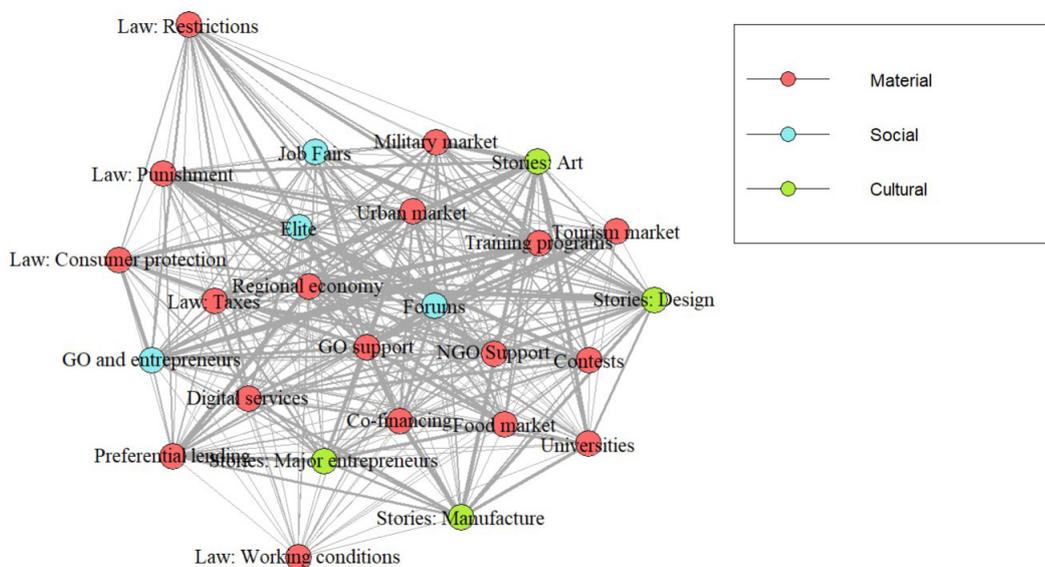


Figure 5.2. Social Network of Interaction of Entrepreneurial Ecosystems' Attributes, Pskov

Discussion

This paper explored differences and similarities in the media representation of the entrepreneurial ecosystems in Petrozavodsk and Pskov, identifying how attributes of these ecosystems, as manifested in modeled topics, interact within city discourses. It sheds light on the application of corpus-assisted discourse analysis to study the features of the entrepreneurial ecosystem and identify its attributes through thematic modeling with LDA.

Representation of Entrepreneurial Ecosystems

Analysis of word frequencies shows that, in both cities, discourse is concentrated around certain actors within the entrepreneurial ecosystem and specific fields of activity. Actors can include any individuals who participate in interactions within this ecosystem: enterprises, educational institutions, committees, politicians, and local entrepreneurs. These actors are expressed in all three attribute types, while fields of activity are emphasized in articles by concepts specific to certain areas of entrepreneurship, boosting the representation of material attributes by highlighting open markets and of cultural attributes by recounting the stories of entrepreneurs from diverse fields. By mentioning specific entrepreneurs and their interactions with important economic and political figures, the articles establish a high status for entrepreneurs as one of the cultural services of the entrepreneurial ecosystem [Rinkinen, Konsti-Laakso 2023].

Both cities are characterized by coverage of state-entrepreneur communication, though with notable differences. The Petrozavodsk discourse frequently references local state bodies, emphasizing entrepreneurship's embeddedness in addressing urban issues. The Pskov narrative, however, often mentions national government bodies and external partnerships with both other regions and other countries. Thus, novice entrepreneurs in the Petrozavodsk discourse encounter more familiar government organizations with which they may have opportunities to communicate, possibly influencing the perceived accessibility and feasibility of entrepreneurship. Such differences may also relate to the territorial entity in which each city is located: Petrozavodsk, as the capital of its republic, possesses greater autonomy and strong ties with republican authorities, enabling it to implement diverse social and economic programs. In contrast, Pskov, as a regional administrative center, interacts more with federal authorities, which broadcast support programs.

It is also noteworthy that all modeled topics related to start-up financing in both cities refer to state support or to non-profit organizations specializing in funding aspiring entrepreneurs. The narratives lack stories of project financing from independent investors, thereby excluding investors and mentors from the representation of the social system in regional entrepreneurship. This omission may impact the entrepreneurial intentions of high-risk innovative projects, which generally rely on independent investors willing to take such risks, in contrast to government agencies [Spigel 2017]. However, this phenomenon is typical across Russia, as independent investors account for only 3% of the total financing market for small and medium-sized businesses in the country [Finexpert n. d.].

Beyond these commonalities, each city's discourse is marked by distinct themes. Petrozavodsk discourse more frequently emphasizes the role of educational institutions in promoting entrepreneurship and training aspiring entrepreneurs, thereby building human capital with entrepreneurship-specific skills [Roundy 2017]. The city is home to several higher education institutions, including Petrozavodsk State University, while Pskov has fewer institutions and a narrower range of programs. Petrozavodsk discourse also features coverage of new markets with growing demand, describing their current status, measures to create favorable conditions for business start-ups, and future prospects—all illustrated by real stories of entrepreneurs active in these areas. Thus, Petrozavodsk discourse is more individual-centric, focusing on cultural attributes that normalize entrepreneurship as a realistic career path.

Conversely, Pskov's discourse more frequently addresses various forms of state and non-governmental support, both financial and informational, as well as assistance in navigating legal and organizational challenges. This emphasis may foster beliefs in the feasibility of entrepreneurship by showing media consumers how readily such support is available. On the other hand, Pskov discourse frequently builds a narrative around the enforcement of legal regulations for entrepreneurs, reminding readers of continuous monitoring and stressing the consequences for violating legal standards. This portrayal may negatively impact perceptions of the desirability of entrepreneurship, as potential risks could make the outcomes of this activity seem less appealing [Radu, Radien-Collot 2008]. Thus, Pskov discourse reflects contrasting orientations toward two concepts fundamental to fostering entrepreneurial intentions.

In applying the multidimensional model of institutional mechanisms for entrepreneurial development in small towns [Audretsch, Belitski, Cherkas 2021], we observe that Petrozavodsk discourse demonstrates a cognitive component—characterized by a focus on education and experience-sharing through success stories—while Pskov's narrative emphasizes a regulatory component, highlighting government programs and legal norms. Both cognitive and regulatory components are essential to productive entrepreneurship, but an emphasis on restrictive laws may lead to the formation of unproductive entrepreneurship, which could explain Pskov's lower entrepreneurial activity compared to Petrozavodsk.

Attributes Manifestation and Interactions

This study successfully applied the theory of entrepreneurial ecosystem attributes to city discourses, identifying the presence of all three attribute types in the narratives of Petrozavodsk and Pskov. The analysis also traced key pillars that distinguish small-city entrepreneurial ecosystems from those in larger cities, observing attributes through their distribution patterns [Roundy 2017]. In both cities, material attributes were the most prominently represented, creating narratives that emphasized benefits available to entrepreneurs.

Regarding attribute interactions, in both cities, narratives tended to integrate other attribute types with material ones due to their prevalence. In Petrozavodsk, however, media often paired material attributes with cultural attributes rather than with social network descriptions, thus normalizing knowledge and experience-sharing practices by featuring real-life stories of entrepreneurship. In Pskov, by contrast, media coverage leaned more towards combining material with social attributes rather than cultural ones, highlighting established channels for knowledge flow and underscoring the outward focus of partnerships in Pskov's entrepreneurial ecosystem. These differences illustrate the embedding of distinct pillars within each city's small-town entrepreneurial ecosystem: community and social capital in Pskov, and cultural value in Petrozavodsk [Roundy 2017].

The co-occurrence of ecosystem attributes in the two cities reveals distinct interaction patterns, confirmed by their different social network centralization and density values. The interweaving of attributes can amplify the positive impact of each, forming a foundation for developing new dimensions [Spigel 2017]. Although Pskov's entrepreneurial ecosystem network demonstrates maximum density, Petrozavodsk's network features lower-degree connections specifically related to restrictive laws, meaning that attributes deterring entrepreneurship hold less influence in the city's general discourse. Nevertheless, the narratives in both cities are characterized by the dynamic interplay of various attributes, without reliance on any single central attribute dominating the discourse.

Limitations and Future Research

A limitation of this study is that the article sample included media from both local and federal sources that cover these cities. Future studies could examine how local and federal articles might differently represent the entrepreneurial ecosystem, revealing which attributes are more pronounced in internal versus external narratives.

The keywords associated with modeled topics within each attribute dimension could be used to develop a dictionary of terms linked to specific entrepreneurial ecosystem attributes. Such a dictionary could facilitate identifying attribute presence in the portrayal of entrepreneurship across other regions.

Future research may also explore the influence of media representations of various attributes on entrepreneurial activity levels, helping to determine which discourse topics might drive regional entrepreneurship. In particular, future studies should investigate the relationship between regulatory constraint representation and entrepreneurial activity, while also assessing the impact of cultural and social attribute representation. This could help clarify whether the economic differences between Petrozavodsk and Pskov relate to disparities in their entrepreneurial ecosystems' representations.

Appendix

Table A.1

Economic Characteristics and Entrepreneurial Activity in the Republic of Karelia and the Pskov Region in 2023

Region	The number of legal entities of small and medium-sized enterprises and individual entrepreneurs	Income from entrepreneurial activity, million rubles	Employment rate, %	The average monthly nominal accrued salary of employees of organizations, rubles	Turnover of microenterprises by type of economic activity, million rubles
Republic of Karelia	25,378	16,506.2	54.8	56458.4	Wholesale and retail trade; repair of motor vehicles and motorcycles—47,007.7
					Construction—16,953.7
					Manufacturing industries—13,457.8
					Transportation and storage—6,375.8
					Agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming—5,683.2
Pskov region	20,169	12,824.3	56.5	38,966	Wholesale and retail trade; repair of motor vehicles and motorcycles—33,068.8
					Manufacturing industries—13,274.1
					Construction—9,574.6
					Transportation and storage—5,818.5
					Real estate transactions—4,951.2

Source: [Federal Tax Service 2023a; 2023b; Rosstat 2023a; 2023b; 2023c; 2023d].

References

- Achtenhagen L., Welter F. (2007) Media Discourse in Entrepreneurship Research. *Handbook of Qualitative Research Methods in Entrepreneurship* (eds. H. Neergaard, J. P. Uhløi), Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing. Available at: <https://www.elgaronline.com/edcollchap/9781843768357.00017.xml> (accessed 18 November 2024).
- Aggestam M. (2014) Conceptualizing Entrepreneurial Capital in the Context of Institutional Change. *International Entrepreneurship and Management Journal*, vol. 10, no 1, pp. 165–186. <https://doi.org/10.1007/s11365-011-0216-x>
- Alvedalen J., Boschma R. (2017) A Critical Review of Entrepreneurial Ecosystems Research: Towards a Future Research Agenda. *European Planning Studies*, vol. 25, no 6, pp. 887–903. <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1299694>
- Arun R., Suresh V., Veni Madhavan C. E., Narasimha Murthy M. N. (2010) On Finding the Natural Number of Topics with Latent Dirichlet Allocation: Some Observations. *Advances in Knowledge Discovery and Data Mining* (eds. M. J. Zaki, J. X. Yu, B. Ravindran, V. Pudi), Berlin; Heidelberg: Springer, vol. 6118, pp. 391–402.
- Ascani A., Crescenzi R., Iammarino S. (2012) *Regional Economic Development: A Review*. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Regional-Economic-Development-%3A-A-Review-Ascani-Crescenzi/9f9c64a232a197cb418a32ef73c069148ae175b9> (accessed 18 November 2024).
- Audretsch D., Belitski M., Cherkas N. (2021) Entrepreneurial Ecosystems in Cities: The Role of Institutions. *PLOS ONE*, vol. 16, no 3. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247609>.
- Audretsch D., Keilbach M. (2004) Entrepreneurship Capital and Economic Performance. *Regional Studies*, vol. 38, no 8, pp. 949–959. <https://doi.org/10.1080/0034340042000280956>.
- Baker P. (2006) *Using Corpora in Discourse Analysis*, London: Continuum.
- Beugelsdijk S. (2007) Entrepreneurial Culture, Regional Innovativeness and Economic Growth. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 17, no 2, pp. 187–210. <https://doi.org/10.1007/s00191-006-0048-y>.
- Cao J., Xia T., Li J., Zhang Y., Tang S. (2009) A Density-Based Method for Adaptive LDA Model Selection. *Neurocomputing*, vol. 72, no 7, pp. 1775–1781. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2008.06.011>.
- Cavallo A., Ghezzi A., Balocco R. (2019) Entrepreneurial Ecosystem Research: Present Debates and Future Directions. *International Entrepreneurship and Management Journal*, vol. 15, pp. 1291–1321. <https://doi.org/10.1007/s11365-018-0526-3>.
- Cohen B. (2006) Sustainable Valley Entrepreneurial Ecosystems. *Business Strategy and the Environment*, vol. 15, iss. 1, pp. 1–14.
- De Brito S., Leitão J. (2021) Mapping and Defining Entrepreneurial Ecosystems: A Systematic Literature Review. *Knowledge Management Research & Practice*, vol. 19, no 1, pp. 21–42. <https://doi.org/10.1080/14778238.2020.1751571>.

- Deveaud R., Sanjuan E., Bellot P. (2014) Accurate and Effective Latent Concept Modeling for Ad Hoc Information Retrieval. *Document Numérique*, vol. 17, no 1, pp. 61–84.
- Dosi G. (1988) Institutions and Markets in a Dynamic World. *The Manchester School*, vol. 56, no 2, pp. 119–146. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9957.1988.tb01323.x>.
- Federal Tax Service (2023a) *Kolichestvo yuridicheskikh lits i individualnykh predprinimateley. svedeniya o kotorykh sodержatsya v Edinom reyestre subyektov malogo i srednego predprinimatelstva. Respublika Kareliya* [The Number of Legal Entities and Individual Entrepreneurs, Information about which is Contained in the Unified Register of Small and Medium-sized Businesses. Republic of Karelia]. Available at: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.01.2023&level=0&fo=2&ssrf=10&t=1731270876370&t=1731270876370> (accessed 18 November 2024) (in Russian).
- Federal Tax Service (2023b) *Kolichestvo yuridicheskikh lits i individualnykh predprinimateley. svedeniya o kotorykh sodержatsya v Edinom reyestre subyektov malogo i srednego predprinimatelstva. Pskovskaya oblast* [The Number of Legal Entities and Individual Entrepreneurs, Information about which is Contained in the Unified Register of Small and Medium-sized Businesses. Pskov Region]. Available at: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.01.2023&level=0&fo=2&ssrf=60&t=1731270742180&t=1731270742180> (accessed 18 November 2024) (in Russian).
- Finexpert (n. d.) *Investitsii v proyekty sphony MSP* [Investments in SME Projects]. Available at: <https://rosfinexpert.ru/vidysdelok/125/> (accessed 18 November 2024) (in Russian).
- Griffiths T. L., Steyvers M. (2004) Finding Scientific Topics. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 101, no suppl_1, pp. 5228–5235. <https://doi.org/10.1073/pnas.0307752101>.
- Hajikhani A. (2020) Impact of Entrepreneurial Ecosystem Discussions in Smart Cities: Comprehensive Assessment of Social Media Data. *Smart Cities*, vol. 3, no 1, art. 1. <https://doi.org/10.3390/smartcities3010007>.
- Höijer B. (2011) Social Representations Theory: A New Theory for Media Research. *Nordicom Review*, vol. 32, no 2, pp. 3–16. <https://doi.org/10.1515/nor-2017-0109>.
- Ilyina I. A., Kulibanova V. V., Teor T. R. (2023) Digital Media Coverage as a Factor of Increasing the Regional Investment Attractiveness. *2023 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)*, pp. 164–168. <https://doi.org/10.1109/ComSDS58064.2023.10130357>.
- Institute for Statistical Research and Economics of Knowledge, Higher School of Economics (2023) *Predprinimatel'skaya aktivnost' v Rossii: dvizhenie vverkh* [Entrepreneurial Activity in Russia: Upward Movement]. Available at: <https://issek.hse.ru/news/823673251.html> (accessed 18 November 2024) (in Russian).
- Isenberg D. (2014) What an Entrepreneurship Ecosystem Actually Is. *Harvard Business Review blog*. Available at: <https://hbr.org/2014/05/what-an-entrepreneurial-ecosystem-actually-is> (accessed 18 November 2024).
- Jaén I., Liñán F. (2013) Work Values in a Changing Economic Environment: The Role of Entrepreneurial Capital. *International Journal of Manpower*, vol. 34, no 8, pp. 939–960. <https://doi.org/10.1108/IJM-07-2013-0166>.

- Laguía A., Moriano J. A. (2021) Perceived Representation of Entrepreneurship in the Mass Media and Entrepreneurial Intention. *International Entrepreneurship and Management Journal*, vol. 17, no 1, pp. 401–421. <https://doi.org/10.1007/s11365-019-00609-1>.
- Meshram S. A., Rawani A. M. (2019) Understanding Entrepreneurial Ecosystem. *International Journal of Social Ecology and Sustainable Development (IJSESD)*, vol. 10, no 3, pp. 103–115. <https://doi.org/10.4018/IJSESD.2019070107>.
- Neck H. M., Meyer G. D., Cohen B., Corbett A. C. (2004) An Entrepreneurial System View of New Venture Creation. *Journal of Small Business Management*, vol. 42, no 2, pp. 190–208. <https://doi.org/10.1111/j.1540-627X.2004.00105.x>.
- Neumeyer X., Santos S. C., Morris M. H. (2019) Who is Left Out: Exploring Social Boundaries in Entrepreneurial Ecosystems. *The Journal of Technology Transfer*, vol. 44, no 2, pp. 462–484. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10961-018-9694-0>.
- Radu M., Redien-Collot R. (2008) The Social Representation of Entrepreneurs in the French Press: Desirable and Feasible Models? *International Small Business Journal*, vol. 26, no 3, pp. 259–298. Available at: <https://doi.org/10.1177/0266242608088739>.
- RIA Rating (2023) *Reyting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya regionov po itogam 2022* [The Rating of the Socio-Economic Situation of the Regions According to the Results of 2022]. Available at: <https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html> (accessed 18 November 2024) (in Russian).
- Rinkinen S., Konsti-Laakso S. (2023) Representations of Entrepreneurship in Local Media: A Comparative Analysis. *European Conference on Innovation and Entrepreneurship*, vol. 18, no 2, art. 2. <https://doi.org/10.34190/ecie.18.2.1446>.
- Rosstat (2023a) *Osnovnyye pokazateli deyatel'nosti mikroprivyatiy po vidam ekonomicheskoy deyatel'nosti za 2023 god* [Key Performance Indicators of Microenterprises in 2023]. Available at: https://60.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/OSP240405_3.pdf (accessed 18 November 2024) (in Russian).
- Rosstat (2023b) *Osnovnyye pokazateli deyatel'nosti mikroprivyatiy za 2023 god* [Key Performance Indicators of Microenterprises in 2023]. Available at: [https://10.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/75411\(2\).pdf](https://10.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/75411(2).pdf) (accessed 18 November 2024) (in Russian).
- Rosstat (2023c) *Pskovskaya oblast v tsifrakh 2023* [Pskov Region in Numbers 2023], Pskov: Pskovstat. Available at: [https://60.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SVOD230530_1%20\(2\).pdf](https://60.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SVOD230530_1%20(2).pdf) (accessed 18 November 2024) (in Russian).
- Rosstat (2023d) *Respublika Kareliya v tsifrakh 2023* [The Republic of Karelia in Numbers 2023], Petrozavodsk: Kareliastat. Available at: https://10.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/02471_замена3.pdf (accessed 18 November 2024) (in Russian).
- Roundy P. T. (2017) “Small Town” Entrepreneurial Ecosystems: Implications for Developed and Emerging Economies. *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*, vol. 9, no 3, pp. 238–262. <https://doi.org/10.1108/JEEE-09-2016-0040>.
- Shapero A., Sokol L. (1982) The Social Dimensions of Entrepreneurship. *Encyclopedia of Entrepreneurship* (eds. C. A. Kent, D. L. Sexton, K. H. Vesper), Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, pp. 72–90.

- Spigel B. (2017) The Relational Organization of Entrepreneurial Ecosystems. *Entrepreneurship Theory and Practice*, vol. 41, no 1, pp. 49–72. <https://doi.org/10.1111/etap.12167>.
- Stam E. (2015) Entrepreneurial Ecosystems and Regional Policy: A Sympathetic Critique. *European Planning Studies*, vol. 23, no 9, pp. 1759–1769. <https://doi.org/10.1080/09654313.2015.1061484>.
- Stam E., Ven A. van de (2021) Entrepreneurial Ecosystem Elements. *Small Business Economics*, vol. 56, no 2, pp. 809–832. <https://doi.org/10.1007/s11187-019-00270-6>.
- Theodoraki C., Messeghem K., Rice M. P. (2018) A Social Capital Approach to the Development of Sustainable Entrepreneurial Ecosystems: An Explorative Study. *Small Business Economics*, vol. 51, no 1, pp. 153–170. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9924-0>.
- Wales W., Shirokova G., Beliaeva T., Micelotta E., Marino L. (2021) The Impact of Institutions on the Entrepreneurial Orientation-Performance Relationship. *Global Strategy Journal*, vol. 11, no 4, pp. 656–685. <https://doi.org/10.1002/gsj.1418>.
- Wurth B., Stam E., Spigel B. (2022) Toward an Entrepreneurial Ecosystem Research Program. *Entrepreneurship Theory and Practice*, vol. 46, no 3, pp. 729–778. <https://doi.org/10.1177/1042258721998948>.

Received: September 10, 2024

Citation: Grinchenko V. (2024) Entrepreneurial Ecosystem: Comparative Analysis of Petrozavodsk and Pskov. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 25, no 5, pp.124–145. doi: 10.17323/1726-3247-2024-5-124-145 (in English).

**Экономическая
социология**
Т. 25. № 5.
Ноябрь 2024

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru



**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 25. No 5.
November 2024

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>